



2018 Калужское Наследие № 2

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
Министерство культуры и туризма
Калужской области

Автор идеи
А. Д. Артамонов

Главный редактор
Д. В. Кузнецов

Редакционная коллегия

Н. А. Абакумова
В. А. Бессонов
М. Ю. Бирюкова
О. А. Калугин
Е. В. Князев
М. В. Марченко
В. М. Обухов
П. А. Суслов
М. А. Улыбышева
Е. Е. Чудаков

Адрес редакции
248000, г. Калуга, ул. Пушкина, 14
Тел. +7(4842)72-16-18
E-mail: nasledie40@mail.ru

В номере использованы фотографии
из фондов ГБУК КО «Калужский объединённый
музей-заповедник», ГБУК Калужской области
«Калужский областной Центр народного
творчества», И. Малеева, В. Ларина, Н. Низова,
А. Никитина, А. Пашина, Д. Иванова,
И. Маслина, Н. Любомудровой

Журнал подготовлен в издательстве «СерНа»
Тел. +7(910)914-95-30
Макет, компьютерная вёрстка *С. И. Захаров*
Корректор *Н. Г. Любомудрова*

Подписано в печать 02.07.2018 г.
Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
Тел. +7(4842)77-00-75



На обложке: памятник собирателю русских земель – князю Московскому, Государю Всея Руси Ивану III Васильевичу открытый в Калуге 12 ноября 2017 г на площади Старый Торг перед зданием Администрации Калужской области.

Авторы монумента: скульптор Андрей Коробцов и архитектор Константин Фомин.

Памятник стал подарком калужанам от российского военно-исторического общества (РВИО).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

«Культурная жизнь — калейдоскоп...»	4
<i>Интервью с министром культуры и туризма Калужской области Павлом Суловым</i>	4

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

<i>Евгений Чудаков</i> Не только хранить, но и охранять...	20
---	----

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

<i>Константин Гавриленко</i> Ансамбль Гостиного двора — кремль калужского купечества	30
<i>Марина Улыбышева</i> Все звезды в гости будут к нам!	38

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

<i>Вадим Востриков</i> Хлудневская глиняная игрушка	42
--	----

СТАРАЯ КАЛУГА

<i>Виталий Бессонов</i> Архитектурная жемчужина Калуги	46
---	----

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

<i>Юрий Холопов</i> Калужская усадьба в историческом антракте	50
--	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Галина Массалитина, Игорь Болдин</i> Археологический поиск летописного Козельска	59
--	----

КАЛУГА ЛИТЕРАТУРНАЯ

<i>Дмитрий Кузнецов</i> Ожерелье славных имен	66
--	----

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

<i>Марина Кислицына</i> Ровесник губернии	74
--	----

КАЛУГА КОСМИЧЕСКАЯ

<i>Наталья Абакумова</i> Вторая очередь Государственного музея истории космонавтики — вектор развития	80
---	----

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

<i>Наталья Марченко</i> Город — сад, музей — Эрмитаж	86
<i>Дмитрий Кузнецов</i> «Страна Чудес» Алисы Сафроновой	92

ФОТОАЛЬБОМ

Уцелевший в XX веке! (Свято-Троицкий кафедральный собор)	100
--	-----

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках второй номер журнала «Калужское наследие», посвященный истории и культуре Калужской земли. Это совсем новый проект, но он уже получил достойную оценку общественности. Журнал рассчитан на самые широкие читательские круги, и, прежде всего, на тех, кто неравнодушен к прошлому своего Отечества, к культурному достоянию, сбереженному для нас минувшими поколениями. А таких людей у нас немало.



Материалы, составившие очередной номер «Калужского наследия», связаны с важными историческими датами, со значимыми событиями нашей культурной жизни и, конечно же, на его страницах вы встретите статьи и очерки, посвященные отдельным ярким личностям, неразрывно связанным с историей и культурой Калужского края.

Знаковым событием этого лета будет военно-исторический фестиваль «Великое стояние на реке Угре в 1480 г.», который с каждым годом становится всё более масштабнее, интереснее, приобретая поистине Всероссийское значение. В журнале даётся не только исторический экскурс в события 1480 года, но и большой иллюстративный ряд, позволяющий зримо представить эпические события прошлого и их современное прочтение участниками фестиваля.

285 лет исполнилось в нынешнем году со времени начала Великой Северной экспедиции, предпринятой русскими моряками вдоль арктического побережья Сибири во второй четверти XVIII века. Одним из отрядов, входивших в состав экспедиции, последовательно командовали уроженцы Калужской земли Василий Прончищев и Семён Челюскин. В нашем журнале Великой Северной экспедиции посвящён целый раздел, где особое место занимает художественный очерк «Полярная звезда» о супруге Василия Прончищева — первой в мировой Истории женщине-полярнице Татьяне Прончищевой.

100 лет назад в Калуге благодаря инициативе неравнодушного калужанина Никанора Ивановича Васильева был открыт первый художественный музей. Его собрание началось с 91 картины. Сегодня — это Калужский музей изобразительных искусств, фонды которого насчитывают десятки тысяч ценнейших произведений искусств, в стенах которого проводятся сотни выставок и реализуются масштабные проекты.

Вспомним мы на страницах журнала и о великой женщине XVIII века, первой женщине-академике, руководителе Петербургской Академии наук, княгине Екатерине Романовне Воронцовой-Дашковой, многие годы прожившей на Калужской земле, в любимом имении Троицкое.

Журнальные публикации рассказывают и о жемчужине нашего губернского центра — Палатах Коробовых; о том, как выглядел и что представлял собой наш город на заре своей истории в XIV веке — о старинной Калужской крепости; о том, как жил и преобразился Калужский драматический театр в XX веке, об истории Пушкинских праздников в Полотняном заводе и о многом другом.

Калужское наследие — это не просто название журнала, это — наша живая память о славном далёком и недавнем прошлом, без которой невозможно идти вперёд, в будущее!

Министр культуры и туризма Калужской области
П. А. Сулов

ТЕМА НОМЕРА

«НЕЗАВИСИМОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО РОЖДЕНО НА БЕРЕГАХ УГРЫ!»

Вот уже несколько лет в нашей стране проводится фестиваль «Великое стояние на реке Угре». Воплощённые в масштабной исторической реконструкции, события пятивековой давности становятся центром внимания множества людей, приезжающих на Калужскую землю из разных концов России. Фестиваль этот имеет поистине знаковое значение. Ведь до недавнего времени Великое стояние оставалось в своеобразной исторической тени. Недооценённое историками и, соответственно, не имевшее всероссийского почитания, как Куликовская битва или Бородинское сражение, оно казалось не слишком ярким на фоне кровопролитных баталий прошлого. А между тем, события осени 1480 года стали поворотными в истории государства Российского. По сути, это было триумфальное окончание 250-летнего «ордынского ига», — тяжелейшего периода нашей истории, начавшегося поражениями русских войск в битвах на Калке и Сити. Что же позволяет нам Великое стояние на реке Угре считать одним из важнейших событий российской истории? Свои комментарии по этой теме даёт министр внутренней политики и массовых коммуникаций Калужской области, кандидат политических наук Олег КАЛУГИН.

— Как известно, история — наука очень подвижная, нередко меняющая приоритеты и оценки. Бывает, что событие многовековой давности, долгое время считавшееся не слишком значимым, вдруг приобретает в глазах людей значение эпохальное, становится ключевым. Отчасти так произошло и с Великим стоянием на реке Угре. Но нет ли здесь преувеличения, искусственного подъёма «исторического статуса» русско-ордынского противоборства в 1480 году? Какие основания считать победный исход этого противоборства поворотным в судьбе России?

— Главным источником сведений в этом вопросе являются сохранившиеся до наших дней летописные своды. Основа их — три летописных версии (Московская, Ростовская, а также — Львовская и Софийская 2-я летописи) возникшие вскоре после событий на Угре. Авторы летописей, выходцы из разных общественных кругов, были современниками событий и, вероятно, во время нашествия Ахмата находились в Москве. Время шло, и новые летописцы включали эти данные «из первых рук» в свои труды, предположительно, дополняя их сведениями из каких-то иных источников. Тут можно привести в пример более позднюю по времени написания Вологодско-Пермскую летопись 1499 года. В ней приводятся немало интереснейших фактов и дат (достаточно точных), которые, скорее всего, почерпнуты из записей, сделанных в Москве при митрополичьей кафедре. Кроме того, есть ещё и известное историко-публицистическое сочинение, памятник литературы середины XVI века, Казанский летописец. Это повествование о трёхсотлетних

русско-татарских отношениях: со времени образования Золотой Орды до падения Казанского ханства, когда оно, ставшее самостоятельным в середине XV в., было в 1552 году завоёвано Иваном Грозным.

И вот, сопоставляя сведения, почерпнутые в летописных сводах, мы видим, с каким напряжённым вниманием следили современники за тем, что происходило в 1480 году. Как подробно, буквально след в след, фиксируют они событийную хронику, не только описывая произошедшее, но и обращаясь к человеческим мыслям, чувствам, исследуя причины поступков. Не случайно в летописное повествование было введено произведение откровенно публицистического характера — послание к Ивану III архиепископа Ростовского Вассиана, включены глубокие мысли о Божественном заступничестве и яркое обращение к бесстрашным и верным сынам Руси.

Описывая события 1480 года, особое внимание летописцы уделяли сложной политической обстановке, в которой оказался Иван III, страшная угроза, нависшая над Москвой и её землями во время похода Ахмата, тому, как Великий князь и его воины, духовенство и обычные, простые люди переживали выпавшее на их долю тяжкое испытание, как сложно разворачивались события и сколь непредсказуемыми могли быть последствия.

— Можно ли сформулировать основное значение Великого стояния на реке Угре в исторической перспективе?

— Оно формулируется достаточно ёмко, в сущности одной фразой. В 1480 году произошло великое историческое событие, приведшее к рождению независимого



Иван III. Гравюра XVI века



Стояние на реке Угре. Миниатюра из лицевого летописного свода XVI века

Русского государства с центром в Москве, к рождению русского суверенитета!

Летописное изложение событий, вне зависимости от авторства летописей, ясно и определённо указывает на то, что именно в 1480 году, в напряжённом русско-ордынском противостоянии, решалась дальнейшая судьба Московского княжества — оплота возрождавшегося Русского государства. 11 ноября, — это свидетельствует большинство летописных сводов, — Ахмат «побежа прочь», и с помощью Божией и при заступничестве Богородицы Московское княжество избавилось «от поганых, и возрадовашася и возвеселишася все люди». И тут, в момент, когда уже на самом деле Русская земля обрела свою независимость, возникает в летописании наставление к храбрым, мужественным сынам Русским: «потщитесь сохранить своё отечество, Русьскую землю, от поганых; не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения, и грабления святым церквем и домам вашим, и убиения чад ваших, и поругания жёнам и дочерем вашим». Вот он — завет наших предков, так важно его услышать и осознать.

— Иван III вошёл в историю как великий дипломат своего времени. Стояние на реке Угре было обусловлено дипломатическим искусством русского государства? В чём это выразилось?

— Прежде всего в том, что Иван III смог не только обеспечить безопасность своего государства со стороны Крымской орды, но и обратить её против хана Ахмата. Изучение летописных источников приводит к выводу о том,

что Великое стояние на реке Угре в 1480 году увенчалось победой Руси над Ордой, во многом благодаря помощи, оказанной Ивану III крымским ханом Менгли-Гиреем. Не известно, каким был бы исход русско-ордынского противостояния на угорских берегах, если бы на помощь хану Ахмату пришли войска польского короля Казимира IV. Но поляки были скованы набегом крымских татар на Подольскую землю, — пока Менгли-Гирей «воевал» её ни о какой поддержке ордынцев не могло идти речи. А делал это Менгли-Гирей, по словам летописцев, «служба Великому князю», по сути — выполняя его распоряжения.

Современники оставили ряд свидетельств о действиях Менгли-Гирея в интересах Ивана III. И хотя некоторые



Печать Ивана III. 1497 г.



Диорама «Стояние на реке Угре» (худ. П. Рыженко)

летописцы, проведя о событиях 1480 года, слово «служба» заменяют словом «дружба» (что свидетельствует об общих интересах и дружбе), тем более это свидетельствует о союзе двух правителей против общих врагов. И тем более безосновательны предположения о том, что, желая разорвать пути вассальной зависимости от Ахмата, Великий князь всего лишь менял внешнеполитическую ориентацию, ища покровителя-соседя в лице другого хана, появившегося в ходе распада Золотой орды. Крымское ханство в период правления Ивана III было неизменным союзником русского правителя.

Разумеется, крепость такого союза усиливалась денежной подпиткой. И после 1480 года деньги, поступающие в Крым от правителей Московского государства, были инструментом внешней политики, но никак не да-

ню. Цель же московской внешней политики оставалась неизменной — сохранение целостности государства!

Ну а выбор политических «инструментов» диктовали обстоятельства, в зависимости от которых либо шло умиротворение деньгами и обещаниями, либо Великое княжество московское вступало в открытую борьбу с внешними врагами. Так на заре XVI века, уже после кончины Ивана III, Москва и Крым начали непримиримую войну, исходом которой стало присоединение в 1783 году Крымского ханства к Российской империи и пребывание последнего крымского хана Шагин-Гирея в 1786–1787 годах в Калуге.

— Но Крымская орда не всегда была верным и надёжным союзником...

— Противоборство с Московским государством началось ещё при жизни Менгли-Гирея. Его дети в 1512 г. совершили нападение на русские земли. Этот набег

коснулся и калужских земель. Житие святого блаженного Лаврентия сохранило для нас свидетельство о том, как князь Симеон Калужский, при чудесной поддержке блаженного Лаврентия, нанёс поражение многочисленным силам агарян (крымских татар) под Калугой.

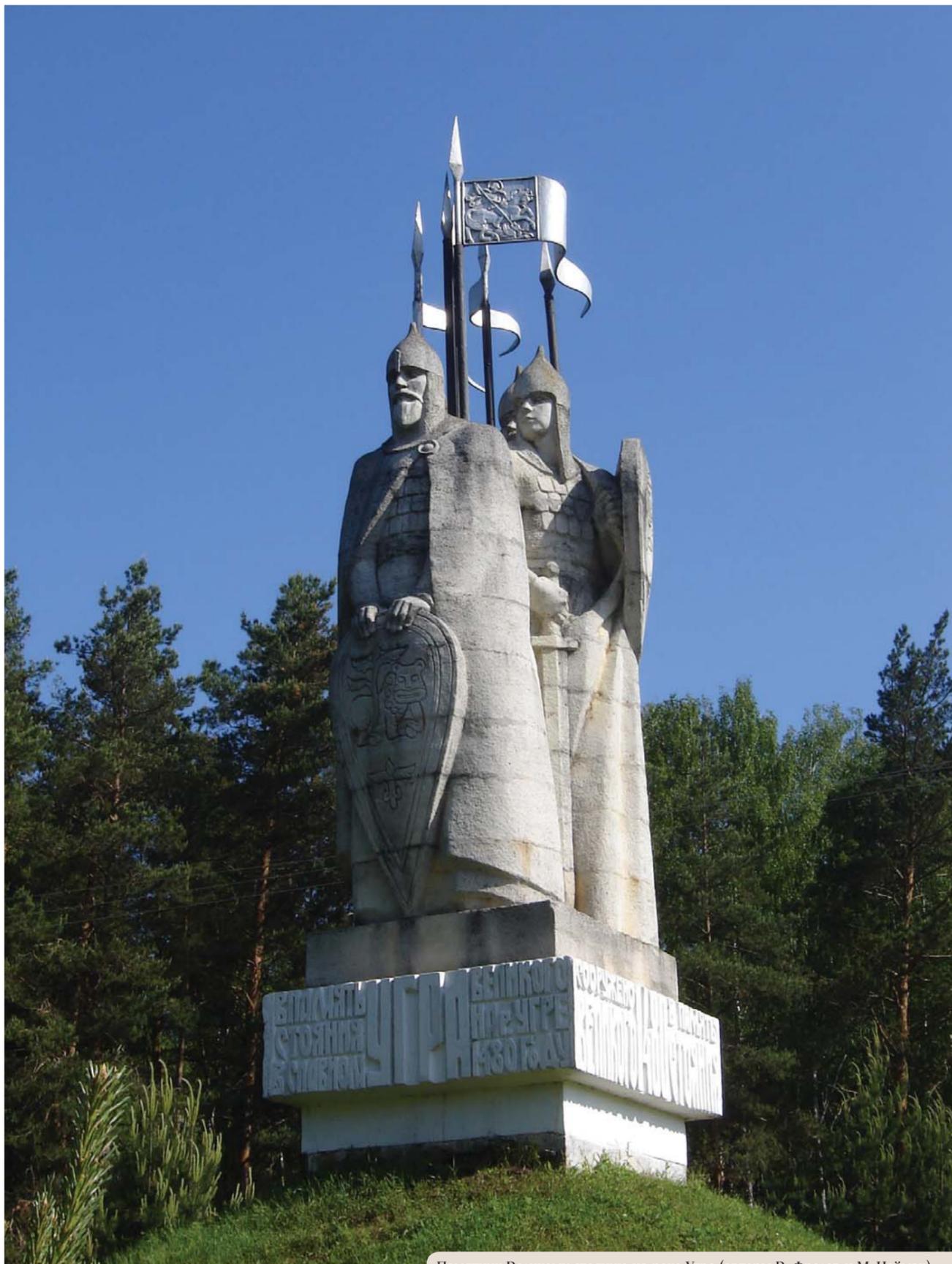
Но важно подчеркнуть: вся эта военная и политическая борьба с наследниками Золотой орды велась уже независимым Российским государством, история которого началась с 11 ноября 1480 года, с победоносного завершения Великого стояния на реке Угре.

— До сих пор отдельные исследователи в своих работах принижают, а то и вообще не придают значения событиям, произошедшим на реке Угре в 1480 году. С чем это связано и когда началось?

— Эта негативная направленность обозначилась ещё в конце XIX века, — тогда из-за либеральных веяний

в обществе началось переосмысления отечественной истории, толковавшейся, по мнению ряда исследователей, однобоко, в «охранительном» ключе. Именно тогда стали говорить о противостоянии на Угре, как о мало-значущем эпизоде.

Мнению официального историографа Н. М. Карамзина о том, что в 1480 г. Иван III «утвердил венец на главе своей и независимое государство», которое разделяли многие исследователи, стали противопоставлять рассуждения о существовании более значимых событий в истории правления Великого князя, повлиявших на становление Московского государства. В наши дни, в угоду узко-политическим интересам есть уже поползновения представить «дела минувших дней» таким образом, что будто бы никакого освобождения от ордынского ярма в 1480 году не было вообще. Всё же, объективно



Памятник Великому стоянию на реке Угре (авторы В. Фролов и М. Неймак)

рассматривая события прошлого, большинство историков считают противостояние на Угре началом отсчёта русской государственности. Это в очередной раз было подтверждено на Всероссийской с международным участием научной конференции «Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты», собравшей в конце марта 2017 году в Калуге ведущих исследователей этого периода.

— Можем ли мы твёрдо и определённо сказать, что после 1480 года Русь ордынцам дани более не платила? Летописи это подтверждают?

— В летописях нет прямых указаний на прекращение Иваном III выплаты дани Большой орде. Об этом говорится лишь косвенно. Так, в Софийской второй летописи приведены укоризненные слова москвичей, сказанные Ивану III в период противостояния на Угре: «а нынеча разгневи царя сам, выхода ему не платив, нас выдаёшь царю и татаром». Ну а Вологодско-Пермская летопись, повествуя о переговорах Ивана III с Ахматом, приводит слова хана, что он предпринял поход за «неправду» Великого князя, «что он ко мне не идёт, а мне челом не бьёт, а выхода мне не даёт девятой год». А вот яркий эпизод, рассказанный в Казанском летописце и отражённый в художественной литературе, о том, что Иван III, приняв от послов Ахмата, требовавших выплаты дани, басму (грамоту с ханской печатью), плевал на неё, изломал и, бросив на землю, топтал ногами, выражая этим свой отказ подчиняться хану, в летописных источниках, увы, не подтверждается.

Сдержанное отношение летописцев к прекращению выплаты дани вполне объяснимо и даже показательно. Прежде всего, отсюда следует заключение, что современники не придавали этому событию особой значимости, видя в отказе от дани не проявление независимости, а, скорее, повод к силовому решению спора о будущем Московского княжества. Именно такую логическую причинно-следственную цепочку выстраивает автор Казанского летописца: Иван III отказался от выплаты дани, и разгневанный Ахмат, собрав войско, направился в 1480 г. усмирять своего «раба».



Хан Ахмат (реконструкция Т. Балуева)

менники не придавали этому событию особой значимости, видя в отказе от дани не проявление независимости, а, скорее, повод к силовому решению спора о будущем Московского княжества. Именно такую логическую причинно-следственную цепочку выстраивает автор Казанского летописца: Иван III отказался от выплаты дани, и разгневанный Ахмат, собрав войско, направился в 1480 г. усмирять своего «раба».



Памятный камень на берегу Угры



Фестиваль «Великое стояние на реке Угре». Молебен у Поклонного креста

Таким образом, летописные источники приводят нас к выводу: попытки принизить значение Великого стояния на реке Угре и выдвинуть в противовес этому иные события, особым образом повлиявшие на обретение независимости Московским княжеством, противоречат мнению современников, живших в период рождения Русского государства, чья позиция отражена в известных нам летописных сводах.

— **А как наши предки оценивали события 1480 года?**

— Прежде всего нужно отметить церковное почитание этих событий. Победоносное противоборство на угорских берегах и избавление Руси от трёхвекового ордынского ярма ознаменованы установлением 23 июня празднования в честь Владимирской иконы Божией Матери. Ну а, полвека спустя, осмысливая итоги Великого стояния на Угре, следствием коего стала и гибель хана Ахмата и распад Большой орды, автор Казанского летописца писал: «И тогда великая наша Русская земля освободилась от ярма и гнёта басурманского и начала обновляться, подобно тому, как зима переходит в тихую весну. И обрела она снова прежнее своё величие и благочестие и богатство, как и при первом Великом Князе Владимире Преславном. Дай же ей, Премудрый Царь Христос, расти, как младенцу, и прославляться, и расширяться, чтобы повсюду пребывали в ней мужи совершенные, и так — до славного Твоего Второго Пришествия и до скончания века сего. И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлюсь же и не провинюсь, если скажу, как Третий Новый Великий Рим». Высокие слова, не правда ли?

— **В наши дни буквально на глазах происходит «исторический поворот» в оценке Великого стояния на реке Угре: из достаточно скромного события оно превращается в событие, кардинально повлиявшее**

на судьбу государства. В Калужской области вот уже несколько лет 11 ноября отмечается как большой региональный праздник. Будет ли этот праздник Всероссийским?

— Непременно будет! Это — вопрос времени. В государственном масштабе нам жизненно необходимы именно такие — объединяющие, консолидирующие общество исторические праздники. В очередной раз будет нелишним подчеркнуть: Великое стояние на реке Угре в истории нашего Отечества имеет особую значимость и поистине символический смысл! Да, в этом противостоянии не было огромных жертв. Тем более важно, что событие это стало великой (в сущности, бескровной!) победой, положившей начало суверенитету Русского государства. Это свидетельствуют участники и очевидцы эпохальных событий, свидетельствуют в летописании. Так стоит ли нам мы сегодня, спустя более чем пять столетий, сомневаться в оценках, сделанных нашими предками? Нет! Мы должны, наконец, воздать должное тем, кто 11 ноября 1480 года положил предел притязаниям на русские земли хана Большой орды Ахмата, и явил всему миру независимое, сильное и обширное Русское государство, ставшее прямым предшественником современной России.

14 июля 2018 года вновь на живописных угорских берегах при огромном стечении народа пройдёт военно-исторический фестиваль, посвящённый великому подвигу наших предков.

538-летие Великого стояния на реке Угре будет отмечаться во Всероссийском масштабе, ведь люди для участия в фестивальных мероприятиях съезжаются со всех концов страны. Уроки «живой истории» станут не только ярким театрализованным зрелищем, но — и это следует подчеркнуть особо! — именно они призваны будить в нас чувства подлинного патриотизма, гордости за своё Отечество, за героические страницы нашего прошлого. 🇷🇺

МОНУМЕНТ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ...

Интервью со скульптором А. С. Коробцовым,
автором памятника Ивану III в Калуге

“Государь, объединивший русские земли вокруг Москвы, покончил с ордынским игом, издал свод судебных законов”, построил Московский кремль, учредил герб России — двуглавого орла — эта надпись выбита на монументе Ивану III в Калуге, установленном на площади перед Областной администрацией и торжественно открытому 12 ноября 2017 года.

Идея художественного решения памятника принадлежит Народному артисту России, кинорежиссёру Андрею Кончаловскому. Авторы монумента — скульптор Андрей Коробцов и архитектор Константин Фомин. Иван III изображён припавшим на одно колено мощным движением он выкидывает десницу вперёд, левой же рукой сжимает скипетр с расправившим крылья орлом. Памятник великому русскому государю появился в Калуге далеко не случайно. Установленный Российским военно-историческим обществом (РВИО), он имеет глубоко символическое, государственное значение. Да и создавался он очень и очень непросто. Но об этом «Калужскому наследию» рассказал автор монумента — молодой московский скульптор Андрей Коробцов

— Андрей, расскажите самом начале вашей работы. Что стало точкой отсчёта?

— Работа над памятником началась в 2013 году и шла четыре года. Но сначала был конкурс, проходивший в несколько этапов. Мы с архитектором Константином Фоминим узнали о нём случайно. Это не удивительно, — мы находимся в постоянном в поиске, и любая случайность может обернуться творческой удачей. Так получилось и в случае с памятником Ивану III.



Андрей Коробцов за работой

— Ваш проект был утверждён сразу?

Нет, совсем не сразу. На первом этапе ни один конкурсный проект не был выбран. Комиссия, возглавлял которую Андрей Сергеевич Кончаловский, оценивала проекты весьма придирчиво. Я очень увлёкся идеей создания памятника великому русскому государю, — действительно, великому и несправедливо оставшемуся в некоей исторической тени. Конечно, у меня была надежда, что создание монумента поручат именно мне. Работа уже на проектных этапах была проделана огромная. Но именно то, что мы с Константином Фоминим (точнее, наши проектные задумки) привлекли внимание Кончаловского — решило дело.

— Как шёл поиск окончательного варианта монументальной композиции?

— Мы получили ряд замечаний от жюри, и львиная их доля была сделана Кончаловским. Он требовал выразить в памятнике и русских дух, и русскую мощь и — что немаловажно — придать фигуре царя зримую динамику, уйти от статичности и стандартности образа, представить его живым... Я много общался с Андреем Сергеевичем. Он старался донести до меня своё понимание образа Ивана III, понимание личности этого государя. Если так можно сказать, он задавал вектор поиска образа.

— Сформулируйте, пожалуйста, свою основную задачу?

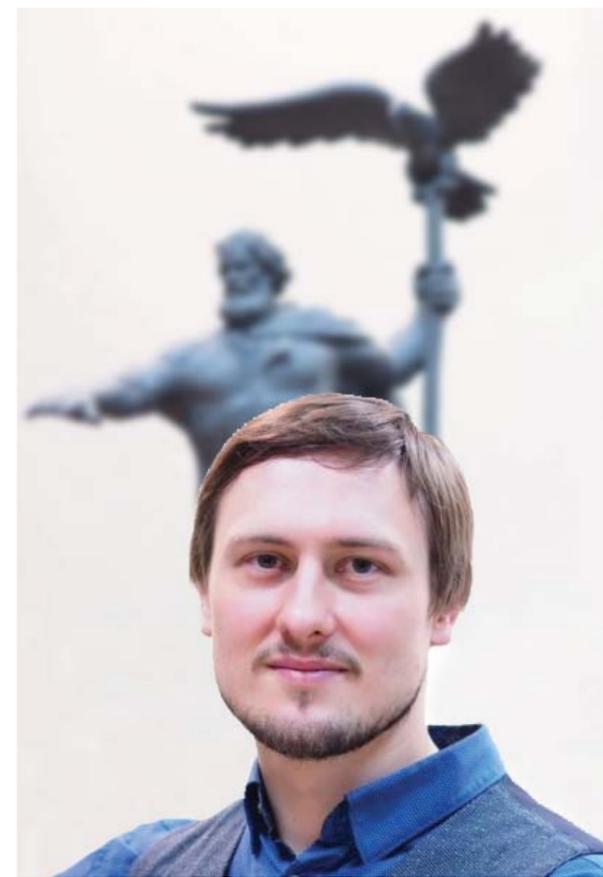
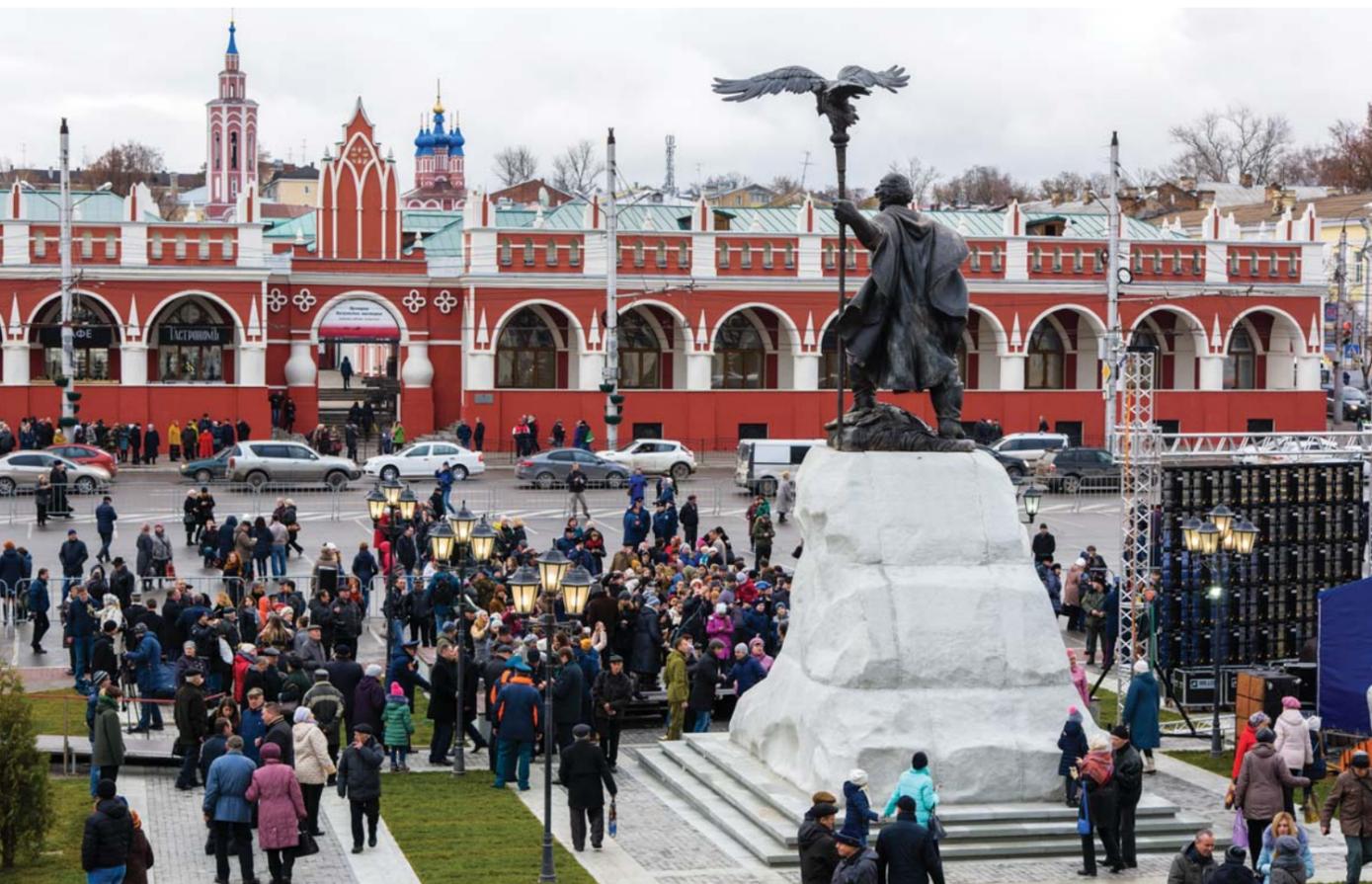
— Показать в образе царя дух народа. Поверьте, это очень непросто. Я шаг за шагом подступал к окончательному варианту памятника, ошибался, делал новые и новые эскизы, каждый раз добавляя к найденной основе проекта свежие чёточки, детали.



Конкурсные макеты памятника Ивану III



Открытие памятника Ивану III в Калуге



Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ:

«Он — скульптор Андрей Коробцов — достиг ощущения мощи движения. Через гиперболу былинности государя, готового шагнуть с постамента в мир, Коробцов мастерски передал метафоричность русского духа. Его Иван III — символ русского духа. Это о нём писал Достоевский: «Широк, широк мир русского человека. Хорошо бы сузить». В широте и есть движение, что в камне и бронзе передать трудно. Андрей Коробцов смог».

«Памятник Ивану III — русскому Ивану, который источает колоссальную силу, — его творческая мысль, переданная в динамике. Это и есть Россия, идущая вперёд. Ведёт её Иван. Теперь мы знаем какой. Великий. Кстати, в истории и народной памяти живут три великих государя — Пётр Великий, Екатерина Великая и Иван III Великий. Вот это величие в памятнике есть. Чего я не могу сказать об иных памятниках царям».

«Изначально мы задали чёткие идеологические параметры — создать образ собирателя земель русских, но не разработали художественные критерии. В итоге все прежние проекты были похожи, но не было видно главного: а что сделал Иван III? Так случилось потому, что ни на одном предлагаемом монументе не было видно личности. Не видно дерзости мышления художника. Ощущение, будто макеты сделал один, а не двенадцать разных мастеров. Понимаете, у художников своего Стояния на Угре не случилось. Оно им нужно. Нужна была раскованность, вплоть до «Укради у Микеланджело гиперболу!» «Укради у Мухиной метафору!» Не надо бояться преувеличения, через которое можно рассмотреть масштаб исторического события и личности».

Фрагменты интервью «Российской газете», ноябрь 2017 г.

Андрей КОРОБЦОВ:

— Каждый, кто видит памятник Ивану III в Калуге, сразу же отмечает его нарочитую простоту или даже простонародность, выраженную в одежде царя, в его облике...

— Это сделано специально. Поначалу, когда варианты нашего проекта представляли Ивана III в царских одеждах и, так сказать, в пышном державном ореоле, основной замысел (выразить дух народа) неизменно ускользал. Ажурность одежды вводила царский образ от того состояния, к которому мы стремились прийти. В итоге решено было отказаться от излишней пышности. И образ сразу же «заработал», стал явственно проступать в своих главных чертах, проект на глазах оживлялся и, наконец, был воплощён в окончательном варианте.

Сейчас тридцатилетний Андрей Коробцов — один из самых востребованных скульпторов России, у него два десятка реализованных масштабных проектов, среди которых: установленный в Греции памятник королеве Ольге — внучке императора Николая I;

Памятник Греческому легиону в Севастополе (греческим добровольцам, сражавшиеся в годы Крымской войны (1853–1856) в составе Русской армии); памятник Герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову, знаменитому пулемётчику Второй мировой войны, в Грозном; памятник фронтовой собаке на Поклонной горе в Москве... Но, конечно, памятник Ивану III Великому в Калуге — главная и самая знаковая работа мастера, имеющая большое государственное значение. **ПН**

«Андрей Сергеевич Кончаловский поставил задачу — создать собирательный образ правителя, воплотившего в себе силу русского духа, мощь характера. Чтобы избежать исторических ошибок, я постарался тщательно подойти к изучению материала: перечитал массу литературы, ознакомился с костюмом того времени, орнаментом, оружием. Десятки раз пересматривая рисунки Ивана Билибина и Виктора Васнецова, в которых звучит нечто исконно русское, старался пропустить увиденное через себя. Пытался перенести их пластику линий, пластику форм в объём. Однако сама личность Ивана III масштабна, и, конечно, сделать скульптуру, отражающую внутренний стержень этого человека, было сложно».

«Появление памятника Ивану III на Калужской земле закономерно, ведь здесь происходило Великое стояние на Угре — это знаковое событие для России. Решение о его установке принимало министерство культуры совместно с администрацией Калуги, и я думаю, что данные организации отталкивались как раз от этого. Именно поэтому главная площадь Калуги получила этот памятник. Мечта об установке такого монумента у меня появилась давно, лет десять назад я уже озвучивал это в интервью — хотелось изобразить «забытого царя». Иван III — тот правитель, который действительно незаслуженно забыт. Он столько сделал для возвышения России, но имя его буквально вытравливалось из памяти народа. Сегодня мы возвращаем русским людям национальных героев. Когда я попал в Калугу впервые, буквально влюбился в ваш город. В нём чувствуется средоточие силы духа и силы веры. Каждый раз, когда я прихожу к могиле Циолковского, мурашки бегут по коже. У вас жили и творили учёные с мировыми именами — Циолковский, Чижевский, уже один этот факт заставляет испытывать гордость за свою причастность к городу».

Фрагменты интервью газете «Весть», декабрь 2017 г.

К 285-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

**Василий Васильевич и Татьяна Фёдоровна
Прончищевы**

Виталий Бессонов,

*генеральный директор Калужского объединённого музея-заповедника,
кандидат исторических наук*

Вторая Камчатская или Великая Северная экспедиция, организованная в 1733–1743 гг., являлась крупнейшим научно-исследовательским мероприятием не только Российского, но и мирового масштаба. Её возглавлял капитан-командор Витус Ионассен Беринг, трагически погибший на острове, названном впоследствии в его честь островом Беринга. За десять лет работы экспедицией были проведены фундаментальные исследования, ставшие основой дальнейшего освоения и изучения северных и восточных областей Российской империи. Впервые были составлены карты всего северного и северо-восточного побережья Евразии от Белого моря до Алеутских и Курильских островов, а также большинства внутренних территорий России от Урала до Камчатки и устья Амура. Были собраны уникальные сведения по истории, этнографии и природной среде Сибири, Дальнего Востока и открытых островных территорий.

Великая Северная экспедиция требовала привлечения значительных материальных и людских ресурсов. Она состояла из нескольких отдельных отрядов, возглавляемых морскими офицерами, перед каждым из которых ставилась конкретная задача изучения определённых территорий. Исследования проводились в сложных климатических условиях с предельным напряжением сил. Ежедневно участники экспедиции, двигаясь к намеченной цели, рисковали своими жизнями, чтобы не только изучить неизвестные территории, но и упрочить положение России на северных и восточных рубежах.

Среди героев Великой Северной экспедиции особое место занимает семья Прончищевых. Романтическая история двух связанных узами брака отважных людей, отдавших свои жизни служению Отечеству, прошла через века и сегодня представляет собой уникальное явление из прошлого России, достойное не только сохранения в памяти поколений, но и дающее яркий пример для подражания.

Василий Васильевич Прончищев родился в 1702 г. в селе Богимово Тарусского уезда (ныне Ферзиковский район Калужской области) в семье мелкопоместного дворянина. В 1733 г., получив чин лейтенанта, он был назначен руководителем одного из отрядов Великой Северной экспедиции. Его невеста, Татьяна Фёдоровна Кондырева, жила по соседству. По имеющимся данным она родилась в 1710 г. в селе Берёзово Алексинского уезда (ныне Дубенский район Тульской области).

Василий и Татьяна Прончищевы венчались 20 мая 1733 г., а уже в июне через Москву они отправились в Сибирь, для участия в экспедиции.

Лейтенант Прончищев возглавил Ленско-Енисейский отряд. В его задачу входило обследование и описание побережья Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея. В июне 1735 г. на дубель-шлюпке «Якутск» отряд отправился из Якутска до устья Лены, а по выходе в море — на запад вдоль побережья, и к августу месяцу добрался до устья реки

Оленек, где и зимовал. Через 11 месяцев отряд продолжил плавание на запад, обследовав побережье вплоть до самой северной точки полуострова Таймыр. Здесь судно наткнулось на тяжёлый сплошной лёд и вынуждено было повернуть обратно. Всё это время на дубель-шлюпке «Якутск» находилась Татьяна Фёдоровна Прончищева — первая женщина, ставшая полярным исследователем Арктики.

В ходе плавания отряд Прончищева описал береговую линию длиной



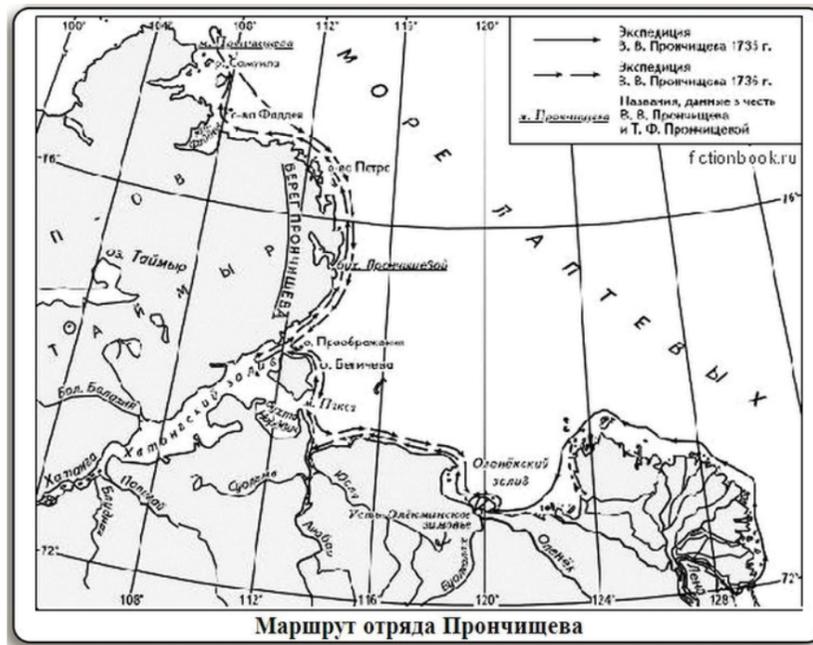
Главный усадебный дом имения в Богимове

около 500 км. Впервые была составлена подробная карта русла реки Лены от Якутска до устья. Изготовлены карты северного побережья от дельты реки Лены до северо-восточного побережья полуострова Таймыр. Открыты острова, описана северо-восточная часть гор Бырранга на полуострове Таймыр. Тем самым Ленско-Енисейский отряд под командованием лейтенанта Прончищева за 14 месяцев плавания внесён существенный вклад в исследование Арктики.

На обратном пути к устью реки Оленек на дубель-шлюпке «Якутск» произошла трагедия. Об этом в вахтенном журнале 30 августа 1736 г. была сделана запись: «в сходе 8 часа по полудни бывшего нашего командир дубель шлюпке Якуцка сего числа Божию волею умре а после себя оной лейтенант Прончищев никому команду не поручил токмо по регламенту и по старшенству взял команду штурман Семён Челюскин». Причиной внезапной кончины Василия Васильевича мог послужить открытый перелом левой голени, выявленный при исследовании останков в 1999 г. Подобный перелом мог спровоцировать неустрашимый в экспедиционных условиях воспалительный процесс, приведший Прончищева к гибели. То, что командир отряда, не сделал распоряжений о своём приёмнике, а так же использованная

*Герб рода
Прончищевых.*





в вахтенном журнале формула «Божию волею умре», косвенно указывают на неожиданный для всех исход, последовавшей от полученной травмы.

После смерти Прончищева отряд перешёл под командование знаменитого исследователя Арктики — Семёна Ивановича Челюскина. Именно он в 1742 г. открыл самую северную точку материка Евразия, получившую сто лет спустя название — мыс Челюскина. Семён Иванович, как и Василий Васильевич Прончищев, был связан с Калужским краем. Челю-

скин родился около 1700 г. Его отец владел деревнями под Перемышлем, Малоярославцем и Алексиним. Своё детство Семён Иванович провёл на Калужской земле в деревне Борщицево под Перемышлем. Челюскин, как и Прончищев, учился в Навигацкой школе в Москве и Морской академии в Санкт-Петербурге. Они оба начали свою службу на Балтийском флоте, в 1733 г. вошли в состав Великой Северной экспедиции и в 1735 г. из Якутска вместе отправились в опасное плавание, ставшее для лейтенанта Прончищева последним.



Василий и Татьяна Прончищевы (скульптурная реконструкция С. Никитина)

2 сентября 1736 г. дубель-шлюпка «Якутск» с телом своего командира вошла в устья реки Оленек, вернувшись к месту предыдущей зимовки. 4 сентября 1736 г. Татьяна Фёдоровна Прончищева была переправлена на берег, а 12 сентября в 4 часа утра она умерла, последовав вслед за мужем. Причина её смерти так и осталось загадкой. Проведённые в 1999 г. исследования костных останков показали отсутствие следов какого-либо заболевания. Можно предполагать, что смерть Татьяны Фёдоровны Прончищевой — результат тяжелейшего психологического состояния, вызванного гибелью мужа. На неразрывную связь супругов определённым образом указывает мужской нательный крестик, найденный в захоронении Прончищевой. По-видимому, после смерти любимого мужа Татьяна сняла с него этот крестик и надела на себя.

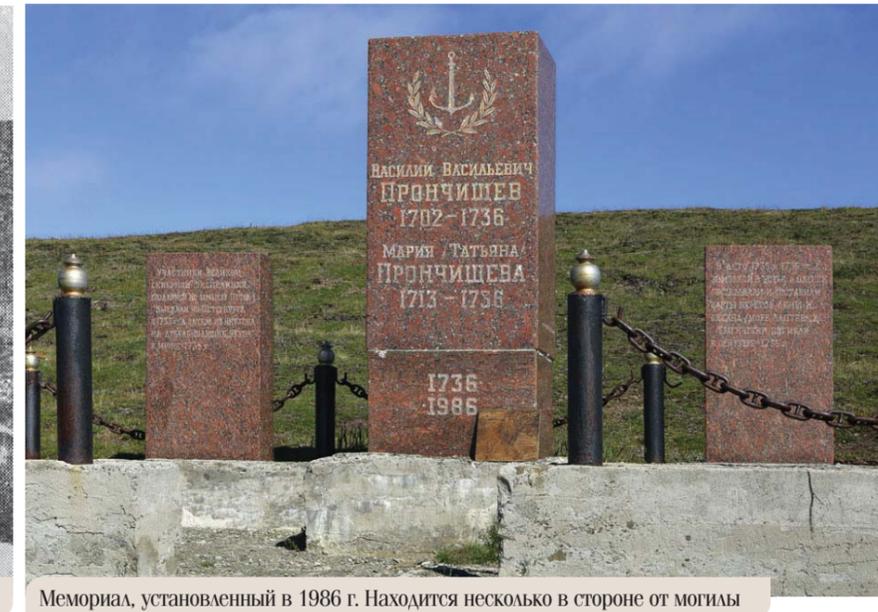
Супругов похоронили без гробов, в изготовленном из досок без использования гвоздей «склепе». Тела супругов разделяла перегородка из тонкого бруса. Над погребением был насыпан небольшой холм и поставлен деревянный крест.

Могила Прончищевых никогда не исчезала из поля зрения исследователей Арктики. В 1875 году её нашёл и описал геолог А.Л. Чекановский. В 1893 г. полярный исследователь Э.В. Толль восстановил на ней упавший крест. В 1921 г. экспедиция под руководством Н.И. Евгенова восстановила саму могилу. В последующее время могила несколько раз подновлялась и украшалась. В июле 1999 г. в посёлок Усть-Оленек к могиле Прончищевых, прибыла совместная экспедиция Института археологии РАН и клуба «Приключение». Её целью являлось археолого-антропологическое исследование захоронения Василия Васильевича и Татьяны Фёдоровны Прончищевых для определения причин их смерти и создания портретных изображений на основании остеологических останков.

Реконструированные скульптурные портреты семьи Прончищевых и обнаруженные в ходе исследования предметы, после завершения экспедиции, были переданы в Калужский областной краеведческий музей. Сегодня фрагмент бинта, которым была обмотана нога Василия Васильевича Прончищева, нательный крестик и кожаная обувь его жены Татьяны Фёдо-



Восстановленная могила Прончищевой. 1921 г.



Мемориал, установленный в 1986 г. Находится несколько в стороне от могилы

ровны, как мемориальные предметы знаменитых участников Великой Северной экспедиции, экспонируются в Музейно-краеведческом комплексе «Усадьба Золотарёвых».

Память о Прончищевых сохраняется и в географических наименованиях. Имя Василия Васильевича Прончищева увековечено в названиях горного кряжа между устьями рек Оленек и Анабар, берега, озера и мыса на полуострове Таймыр. Это те места, которые исследовал Ленско-Енисейский отряд под командованием лейтенанта Прончищева. Имя его

спутницы — любящей жены и первой полярной исследовательницы Арктики, увековечено только в названии бухты в море Лаптевых на восточном побережье полуострова Таймыр. Но по стечению обстоятельств Татьяна Прончищева в этом наименовании трансформировалась в Марию. Это досадное недоразумение связывают с тем, что в 1913 г. мыс у входа в бухту экспедицией Б.А. Вилькицкого был отмечен на карте как «м. Прончищевой». В 1920-х гг. картографы «расшифровали» эту надпись как бухта Марии Прончищевой. Именно под таким искажён-

ным названием до сегодняшнего дня увековечивается память знаменитой участницы Великой Северной экспедиции, последовавшей за своим мужем в опасное плавание и разделившей его трагическую участь. Безусловно, по прошествии почти ста лет, требуется восстановить справедливость в отношении смелой и преданной женщины, первой полярной исследовательницы, жены командира Ленско-Енисейского отряда лейтенанта Василия Васильевича Прончищева — Татьяны Фёдоровны, и переименовать бухту, дав ей имя Татьяны Прончищевой. ❏



Могила Василия и Татьяны Прончищевы в поселке Усть-Оленёк





ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Татьяна Фёдоровна Прончищева
(1713–1736)

Татьяна Грудкина,
кандидат филологических наук

12 сентября 1736 г. штурман Семён Челюскин сделал запись в судовом журнале: «В начале сего 4 часа с полуночи бывшего командира дубель-шлюпки „Якутска“ Прончищева волею Божией жена его умре». Если бы не эти две строчки, написанные негнущимися от мороза и слабости пальцами вахтенного офицера, судьба удивительной женщины осталась бы навсегда тайной. Никто бы так не узнал о Татьяне Фёдоровне Прончищевой, первой русской полярнице, которая в обход всех законов и правил бесстрашно последовала за своим мужем в суровый край полярной ночи и вечной мерзлоты, совершив подвиг супружеской верности.

ДЕТСКИЕ МЕЧТЫ О ДАЛЬНИХ СТРАНАХ

В 1713 году в селе Берёзово Алексинского уезда Калужской губернии, в семье мелкопоместного дворянина Фёдора Степановича Кондырёва родилась девочка, которую называли Татьяной. Род Кондырёвых был известен в России своей преданностью царю и Отечеству. Прадеду, в награду за усердную службу, Иван Грозный пожаловал богатое подмосковное имение. Отец Татьяны Фёдор Степанович был сподвижником Петра I, участвовал в закладке Санкт-Пе-

тербурга, строил верфи для кораблей молодого Балтийского флота. Верой и правдой служил молодому царю, за что и получил в наследственное владение участок земли на о. Котлин, там, где возводился могучий Кронштадт. Охраняя северную столицу от нападений шведов, Фёдор Кондырёв получил тяжёлое ранение и был отпущен на лечение домой, под Москву, где и родилась его старшая дочь.

Однако полностью излечиться от ран отважный «птенец гнезда Петрова» так и не смог. Он умер, когда маленькой Тане было всего три года, и дочь не запомнила даже его

лица. Она выросла под влиянием матери, женщины умной и стойкой. Василиса Петровна, оставшись вдовой с малолетними детьми на руках, мужественно отстаивала интересы семьи от напавших на неё алчных родственников покойного мужа.

Именно материнское воспитание помогло сформировать цельную натуру девушки, сделать её волю неуклонной, а мысли — ясными. Мать привила ей понятия о верности, чести и чувстве долга. От Василисы Петровны Татьяна впервые услышала рассказы о своих славных предках-мореходах, многие из которых не только храбро защищали Отече-

ство, но и отправлялись в далёкие и полные опасностей путешествия, исследуя новые земли. Может быть, именно тогда юная Таня Кондырёва, отыскивая на небе яркую Полярную звезду, мечтала пойти вслед за ней навстречу своей судьбе.

ВПЕРЕД, ГАРДЕМАРИНЫ!

По соседству с имением Кондырёвых, около Алексина находилась дворянская усадьба Прончищевых. Ротмистр Василий Парфёнович Прончищев был однопольчанином Фёдора Кондырёва, их дети тоже были знакомы с малолетства. Но вскоре судьба развела Татьяну и Василия на целых десять лет. После смерти отца семья Кондырёвых переехала в Кронштадт, а осиротевший Василий Прончищев вместе с братом был отправлен на учёбу в Московскую навигацкую школу, а затем в Морскую академию Петербурга. Здесь его однокашниками и друзьями на всю жизнь стали Семён Челюскин и Харитон Лаптев. Зимой гардемарины изучали теорию морского дела, а летом проходили практику на кораблях Балтийского флота: совершенствовались в гребле, управляли шлюпками, вязали морские узлы, сращивали тросы.

Василий Прончищев блестяще освоил весь курс мореходных наук и, получив аттестацию лучшего штурмана Кронштадта, был направлен для прохождения службы на Балтийское, а затем Каспийское море. Спустя два года прекрасный моряк и волевой командир Прончищев получил чин лейтенанта и был назначен начальником Ленско-Енисейского отряда Второй Камчатской экспедиции.

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ СВЕТА

В холодном, продуваемом сырыми ветрами Кронштадте Василий и Татьяна встретились снова. Молодой лейтенант Прончищев стал настоящим офицером, высоким голубоглазым блондином с открытым и смелым лицом. Он сразу узнал свою соседку по алексинскому имению, барышню Кондырёву и без памяти влюбился в миниатюрную брюнетку с умными тёмными глазами на чуть скуластом лице. Это была



В. В. Прончищев. Рис. Е. Каллистова по реконструкции В. Звягина



Т. Ф. Прончищева. Рис. Е. Каллистова по реконструкции В. Звягина

любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Любовь, сделавшая хрупкую девушку «неустрасимой женой», совершившей настоящий подвиг супружеской верности.

Свадьбу справили 20 мая 1733 года. Венчание состоялось в маленьком сельском храме под Тулой, а медовый месяц молодые провели в Москве. Вскоре Василию Прончищеву надлежало явиться к месту нового назначения, и Татьяна, ни минуты не колеблясь, отправилась вместе с ним, чтобы разделить с любимым мужем все тяготы предстоящего похода. Как написал исследователь, «от горячей к нему любви поехала с ним в сей трудный морской путь».

Вторая Камчатская экспедиция под руководством капитана-командора Витуса Беринга была призвана исследовать российское побережье Северного Ледовитого и Тихого океанов, проложить Северный морской путь из Архангельска на Камчатку, в Японию и Америку. В начале XVIII века огромная территория от Северной Двины до Амура не была исследована, а на месте Таймырского полуострова зияло белое пятно. Географы ещё не знали, отделяется ли проливом Евразийский континент от Америки, и что представляют собой Чукотка и Курилы. Дойти до самого края света и прирастить Россию новыми землями — вот в чём состояла главная цель экспедиции.

Летом 1733 года из Петербурга экспедиционные обозы тронулись в путь. Через полтора года они, на-

конец, добрались до своей главной базы — Якутска. Здесь отряд Прончищева всю зиму строил корабль, на котором предстояло отправиться в опасное плавание к арктическим льдам. Трёхмачтовый дубель-шлюп «Якутск» был спущен на воду в мае 1735 года. В экипаж вошло 50 человек, в том числе и давний друг Прончищева Семён Иванович Челюскин, назначенный штурманом. Задачей «Якутска» было максимально приблизиться к Северному Полюсу.

Судьба членов Ленско-Енисейского отряда стала одной из самых героических и трагических страниц в истории Великой Северной экспедиции. Они были первооткрывателями Арктики и почти все погибли. Это были настоящие герои молодой России.

ЖЕНЩИНА НА БОРТУ

Сотни людей, собравшихся проводить в плавание новый корабль, были немало удивлены тем, как по трапу смело поднималась дама в изящных туфельках на высоких «французских» каблуках. Это была жена капитана Татьяна Прончищева. Как смогла женщина попасть на военное судно? Эту загадку до сих пор никто не может разгадать. Беря с собой на борт жену, Прончищев не просто нарушал старинную морскую традицию, а шёл на серьёзное должностное преступление. Согласился ли Беринг на эту авантюру или Прончищев скрыл это от начальства — неизвестно. Одно мы знаем точно: ни в одном рапор-



Макет дубель-шлюпки "Якутск"

те и отчёте о Татьяне Прончищевой нет ни слова. Только две скорбные строчки в судовом журнале, констатирующие факт её смерти.

В экспедиции было много жён моряков, но все они остались дожидаться мужей на суше, в Якутске. Присутствие женщин в походе допускалось только с условием их пребывания на базе длительных стоянок и зимовок, а на борт военного корабля нога ни одной женщины до Прончищевой не ступала. Надо отдать должное мужеству Татьяны Фёдоровны: она не побоялась ни сплетен, ни опасностей.

Прончищева отчётливо понимала, что предстоящий поход будет крайне тяжёлым, и потому не могла смириться с мыслью, что оставит мужа одного. Она долго и горячо убеждала Василия взять её с собой, но — безуспешно. Наконец, все члены экспедиции дали слово неговорчивому командиру сохранить происходящее в тайне и убеждали, что хорошо образованная Татьяна Фёдоровна поможет им вести наблюдения и записи. Однако решающим аргументом стало несчастье, постигшее моряков в якутском остроге.

Оказалось, что по чьей-то преступной халатности провиант для экспедиции был испорчен, муку и крупы пришлось выбросить. Среди офицеров усилились подозрения, взаимные обвинения и доносы, обстановка на-

калилась до предела. В довершении всех бед Прончищевых обокрал денщик, похитивший деньги, драгоценности и даже обручальные кольца. Фактически, капитан и его супруга остались без средств к существованию. Опасаясь за жизнь и здоровье жены, Прончищев уступил настойчивым просьбам товарищей и принял женщину на борт военного судна.

ЗИМОВКА

Шлюп «Якутск» покинул базу 29 июня 1735 года. За два месяца мореходы прошли почти две тысячи километров вниз по Лене и вышли к Ледовитому океану. С каждым днём становилось холоднее, и скоро вся команда почувствовала на себе ледяное дыхание Арктики. Экспедиция подошла к таким местам, где даже лёд взламывался не каждый год, а по берегу бродило много белых медведей. Обледенелое деревянное судно дало течь и, добравшись до устья реки Оленёк, капитан принял решение остановиться здесь на зимовку.

Когда высадились на берег около небольшого якутского поселения, что все жители, за исключением одного, бежали, в спешке бросив свои чумы. Они боялись, что пришельцы учинят над ними насилие, ограбят и убьют.

А если нет, то обязательно заразят какой-нибудь страшной болезнью. Вот тут-то и пригодилась жена капитана. Само присутствие женщины в команде означало, что у моряков мирные намерения. К тому же добрая и внимательная Татьяна Фёдоровна оказалась мудрой переговорщицей. С её помощью якутов и эвенков удалось успокоить, и они вернулись в деревню. Как писал лейтенант Прончищев в докладе начальству, моряки поступали с местным населением «со всякою ласкою и обнадёживали добротами».

Полярники построили для себя две избы, стали чинить корабль и заготавливать провиант для дальнейшего плавания. От аборигенов они узнали о характере прибрежной полосы, о полезных ископаемых, собирали сведения о нравах и обычаях местных жителей, о флоре и фауне региона. Татьяна Фёдоровна помогала мужу вести наблюдения и систематизировать записи. Она согревала его своей добротой и нежностью, успокаивала в трудные минуты тягостных сомнений, подбадривала, убеждала, что им всё удастся, и они непременно доведут начатое дело до конца. От судового повара она научилась прекрасно готовить, вместе с лекарем оказывала медицинскую помощь членам команды и местному населению. И ни минуты не сидела без дела: всегда была там, где требовалась помощь, лёгкая женская рука и доброе, сострадательное сердце. Татьяна Прончищева стала для всех маленькой путеводной звёздочкой, рядом с которой каждому верилось в лучшее.

С помощью туземцев моряки исследовали местность, ходили охотиться в тундру. Они дошли до реки Анабар, где обнаружили богатые залежи медной руды, о чём немедленно доложили в Петербург. Когда в августе следующего 1736 года экипаж «Якутска» продолжил свой путь, коренные жители суровой тундры провожали их, как друзей. Однако суровый климат, как невидимый ядовитый червь, подтачивал здоровье полярников. Уже несколько человек заболело цингой, сам капитан Прончищев чувствовал страшную слабость, но, несмотря на это, отважные первопроходцы продолжили свой путь.

ОТКРЫТИЕ ЗА ОТКРЫТИЕМ

Второй этап плавания стал особенно тяжёлым. У полярников не было карт, они ориентировались только по навигационным при-

борам и по звёздам. Выйдя в море, «Якутск» стал двигаться вдоль берега, рискуя каждую минуту быть раздавленным столетними льдами. Многочисленные мели и встречные течения усиливали смертельную опасность. Ветер практически стих, поэтому медленно шли на вёслах. На протяжении сотен километров — ни человека, ни жилища, только безмолвная снежная равнина. Несмотря на болезнь, «капитан ни на минуту не уходил с палубы, сгорбившись, сидел на скамейке возле рулевого, не выпускал из рук подозрительной трубы, высматривал полыньи, следил за окружающими их всё плотнее льдами».

Однажды на берегу залива Симса капитан увидел что-то, похожее на развалины избы. Сошли на берег и в старом разрушенном зимовье обнаружили останки трёх человек. Это были члены русской торгово-промышленной экспедиции, погибшей за столет до этого. От отважных путешественников остались только именные ножи, компас, солнечные часы и обрывок жалованной грамоты. Полярники с миром погребли страдальцев и отправились дальше.

И снова — бескрайняя ледяная пустыня. Но в вахтенный журнал то и дело стали вноситься записи об открытиях! Отряд Прончищева обнаружил и нанёс на карту несколько островов, архипелаг, залив, собрал такой колоссальный научный материал, что учёные пользуются им до сих пор. Первопроходцы Арктики достигли практически самой северной точки азиатского материка.

Но 19 августа шлюп «Якутск» всё-таки попал в ледовый плен. Двигаться дальше на север стало невозможно, путь к полюсу был отрезан. Челюскин написал в отчёте: «Впереди себя и по обе стороны льдины великие, стоячие, а в море видны были носящиеся льды и такие частые, что токмо на дубель-шлюпке, но и на лодке пройти невозможно. В глухие льды зашли, что по обе стороны, тако ж и впереди нас великие стоячие гладкие льды. Шли на гребле вёсел. Однако Боже милостив, дай Бог нам способного ветру, то оную шугу разнесло». Господь услышал молитвы моряков, и поднявшийся ветер разогнал смертоносное ледяное крошево. Экипаж смог поднять паруса и выбраться на чистую воду. Однако люди настолько устали и замёрзли, что с трудом поворачивали паруса, леденевшие от мокроты

и стужи. Решили вернуться на старую зимовку в Усть-Оленёк и с большим трудом 28 августа вошли в Оленёкский залив. Но пристать к берегу не представлялось возможным из-за сильного встречного ветра.

ПОГАСШАЯ ЗВЕЗДА

На следующий день, несмотря на боль и чудовищное недомогание, капитан в сопровождении нескольких моряков отправился отыскивать безопасный фарватер для корабля. Он был так слаб, что еле держался на ногах, и когда нечаянно поскользнулся, то упал и сломал ногу. Случился страшный открытый перелом берцовой кости. В условиях сильного мороза и отсутствия медикаментов у капитана началось заражение крови. Как только поднялись на борт, Прончищев потерял сознание и к вечеру 30 августа, не приходя в сознание, скончался на руках у плачущей жены. Ему было всего 34 года.

После гибели капитана командование судном принял на себя Челюскин. Под его руководством, ценой невероятных совместных усилий, моряки смогли спасти корабль и вывести его в безопасный фарватер. Только через четыре дня «Якутск» с приспущенным флагом пристал к берегу, а ещё через два дня полярники похоронили своего командира на высоком берегу мыса Тумуль, отдав офицеру российского морского флота, лейтенанту Василию Васильевичу Прончищеву последние воинские почести. Как написал один из участников экспедиции, «он был офицер весьма искусный и прилежный, и для того все о нём сожалели».

Несчастная вдова ни на минуту не оставляла тело супруга, а после похорон не смогла оторваться от родной могилы. Татьяна Прончищева скончалась на рассвете 12 сентября 1736 года, пережив мужа всего на четырнадцать дней. Ей было 23 года. Когда на высоком полярном небе погасла последняя утренняя звезда, её изболевшее сердце остановилось. Остановилось от великой тоски и печали.

«ЗЕМЛЯ ИСПЫТАНИЯ ЛЮБВИ»

Татьяну Фёдоровну Прончищеву похоронили вместе с мужем и поставили над могилой простой деревянный крест, сколоченный из корабельных досок. А местные

жители стали называть место их погребения «землёй испытания любви».

Могила героических влюблённых сохранилась до наших дней. В конце XIX века её обнаружил один польский геолог, а в последующие годы деревянный крест несколько раз обновляли. В 1989 году бессмертному подвигу Прончищевых был поставлен красивый гранитный памятник. Ещё через десять лет их тела были перезахоронены, и над одинокой северной могилой прозвучали скорбные песнопения православной панихиды, которую отслужил сам правящий архиерей. В этот момент постоянно хмурое небо вдруг прояснилось, и солнышко озарило людей, собравшихся почтить память и подвиг отважных первопроходцев, составивших «давнюю и горькую гордость России». Школьники из Калужской области, родины Василия Васильевича и Татьяны Фёдоровны Прончищевых прислали в Усть-Оленёк горсть родной земли, чтобы распылить её на могиле славных земляков.

Каждое лето, когда тундра ненадолго расцветает, у надгробного креста появляются жёлтые арктические маки — самые красивые полярные цветы. А зимой над могилой полыхает разноцветное Северное Сияние и ярко горит Полярная звезда — словно символ верности мечте.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Память о бессмертном подвиге исследователей русского Севера увековечена во многих географических названиях. Именем Татьяны Фёдоровны Прончищевой, героической женщины, первой полярной путешественницы назван полуостров на востоке Таймыра, бухта и гора на берегу этой бухты. Имя её супруга носит восточный берег Таймырского полуострова, мыс, озеро, река и горный кряж. А морскую вахту несёт ледокол «Василий Прончищев». В Калуге есть улица Прончищева.

За давностью лет настоящее имя легендарной женщины-полярницы практически забылось: её по ошибке стали именовать не Татьяной, а Марией. Однако в 1983 году справедливость восторжествовала, и мир снова услышал удивительную историю о подвиге самоотверженной любви и высокого мужества, подвиге, достойном того, чтобы остаться не только на земных картах, но и появиться на картах звёздного неба. ■

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

ПАЛАТЫ КОРОБОВЫХ — ПАМЯТНИК ГРАЖДАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА XVII В.

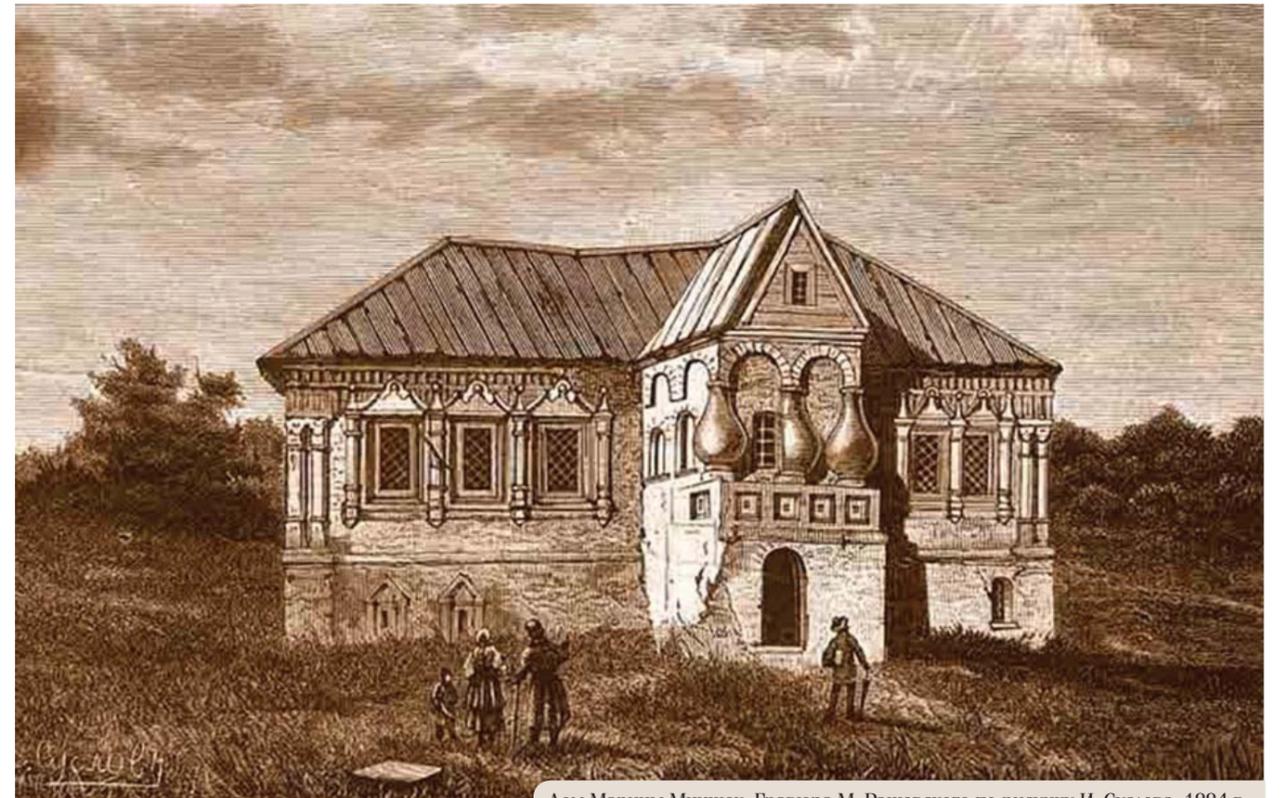
Ирина Зубкова

В настоящее время памятники гражданской архитектуры XVII века весьма мало численны. Их осталось единицы. Особенно ценны жилые здания. Палаты Коробовых являются уникальным и единственным памятником гражданского зодчества XVII века в Калуге. Они принадлежали богатому калужскому купцу Кириллу Ивановичу Коробову. Кирилл Иванович Коробов был старостой земской избы, ведал вопросами владения и использования общинной земли, записью в тягло, раскладкой и сбором казённых податей. В случае отсутствия губного старосты возглавлял общинную полицию, собирал таможенные пошлины, принимал участие в судах и отвечал за организацию мирских выборов. Он деятельно отстаивал права и привилегии города, для чего держал в Москве особых ходатаев, которые доносили своим доверителям о ходе дел в Москве. Торговал солью, хлебом и пенькой и имел обширные амбары и дома с различными надворными постройками в городах: Севске, Глухове, Батурине, Ругодиве (Нарва), в Орле, Москве, Новгороде Северском и Нижнем.

В 1870 г. после смерти И. И. Коробова была найдена среди других документов раздельная запись детей и внуков Кирилла Ивановича Коробова, датированная 2 июня 1697 года. Строитель дома — Кирилл Иванович Коробов скончался в 1691 году в возрасте 80 лет. Спустя 6 лет после его смерти наследники делят его богатое имущество. В заметке «Ещё о доме Коробовых в Калуге» историк архитектуры граф де Рошефор даёт описание этого документа «она писана на свитке, в 12 аршин длиною и в четверть аршина шириною, склеено из листов бумаги, водяные знаки которой изображают якорь с крыльями. С задней стороны по склейкам для скрепы свитка, подписывались третьи (свидетели), а за ними братья и племянники Коробова».

Наследие Кирилла Ивановича Коробова включало в себя жилые дома, хозяйственные постройки, торговые лавки не только в Калуге, но и в других городах, большое количество икон в золотых и серебряных окладах, украшенных драгоценными камнями и жемчужной обнизью. Обилие икон в семействе Коробовых — отражение традиции украшать ими жилище и дарить их гостям в XVI—XVII вв. Среди наследуемого имущества были также привозные дорогие ткани, одежда, посуда (серебряная, медная, оловянная) и жемчуг. Раздельная запись даёт возможность более конкретно представить хозяйство этой купеческой усадьбы. На её территории находились: хоромы деревянные с двух жильях, клети верхние и нижние, «анбар соляной с навесом», дубовый

погреб с сушилом, клеть хлебная, чёрная изба с присе-нем, конюшня со стойлами, сеник, колодец, огороды, яблоневый сад. Но всё это ушло в прошлое. Постройки, входившие в комплекс двора не сохранились. Только каменные палаты дошли до нашего времени. По исследованиям Н. Н. Померанцева, подтверждаемым А. А. Тицем, дом Коробова построен в два периода. Во второй половине XVII века существовал только каменный подклет, верх был деревянным. К концу XVII века был надстроен нарядный каменный второй этаж. Дом стоял в глубине участка, как в XVII веке ставили жилые хоромы. По своему плану дом мало отличается от деревянных хором «в два сруба», разделённых сенями. Верхний и нижний этажи, как обычно в постройках того времени, не сообщались. Нижний этаж здания использовался под хозяйственные нужды. Там же располагался тайник, в который вела каменная лестница из последней комнаты верхнего этажа. В «тайнике» хранились развешанные на жердях ценные вещи и меха. Остальные комнаты нижнего этажа с верхним не сообщались, попасть в хозяйственный помещения можно было только с улицы, через проход под крыльцом. Нижний этаж был неотапливаемым, верхний топили из сеней. Главный декоративный элемент палат — старинные печи, облицованные полихромными изразцами не сохранились. Большая комната на верхнем этаже служила столовой. В красном углу стояли иконы, а вдоль его стен — наглухо закреплённые в полу лавки и стол перед ними. В праздники пол столовой устилался



Дом Марины Мнишек. Гравюра М. Рашевского по рисунку И. Сулова, 1884 г.



Палаты Коробовых. Рисунок графа де-Рошефора



Калуга, палаты Коробовых до реставрации. До 1897 г.



Калуга, палаты Коробовых. В первые годы после реставрации

разноцветными коврами, на лавки укладывали богатые «полавошники», на стол — расшитый «подскатерник».

Каменные палаты привлекают внимание своим декором: сочетанием древнерусского стиля с более поздними элементами «нарышкинского барокко». Отделка фасадов типична для русских гражданственных зданий XVII в. Маленькие арочные окошки подклета, отделённого от верхнего этажа профилированным кирпичным пояском, обрамлены скромными наличниками. Зато декоративная обработка жилого верха очень нарядна: полуколонки подчёркивают углы дома, сложный карниз — строенные ряды поребрика — венчает здание. Сильно выступает парадное крыльцо с кувшинообразными столбами и парапетом верхнего рундука, украшенным ширинками. Как нижний, так и верхний этажи покрыты сомкнутыми сводами. Для постройки тяг и карнизов использовался лекальный кирпич двух видов: с одним и двумя округлёнными рёбрами. Утраченная наружная лестница, по которой поднимались на второй этаж, заменена во второй половине XIX в. деревянной с шатровым верхом над первым рундуком.

В 80-х годах XIX века в связи с приспособлением дома под музей, тесовая кровля заменена железной и сделана широкая тесовая подшивка, а также заложены арки между столбами крыльца. Долгое время каменные палаты по ошибке называли «домом Марины Мнишек». За долгие годы своего существования этот знаменитый дом действительно приобрёл свои легенды. Самой красивой из них можно назвать легенду о проживании в нём в 1610 г. легендарной Марины Мнишек с Тушинским вором (Лжедмитрием II). В 70-е годы XIX века над калиткой, при входе в Коробовский двор, была прибита жестяная табличка с надписью «№ 128, дом Марины Мнишек». Однако краеведы, историки архитектуры, исследовавшие этот дом, относят его строительство ко II половине XVII в.

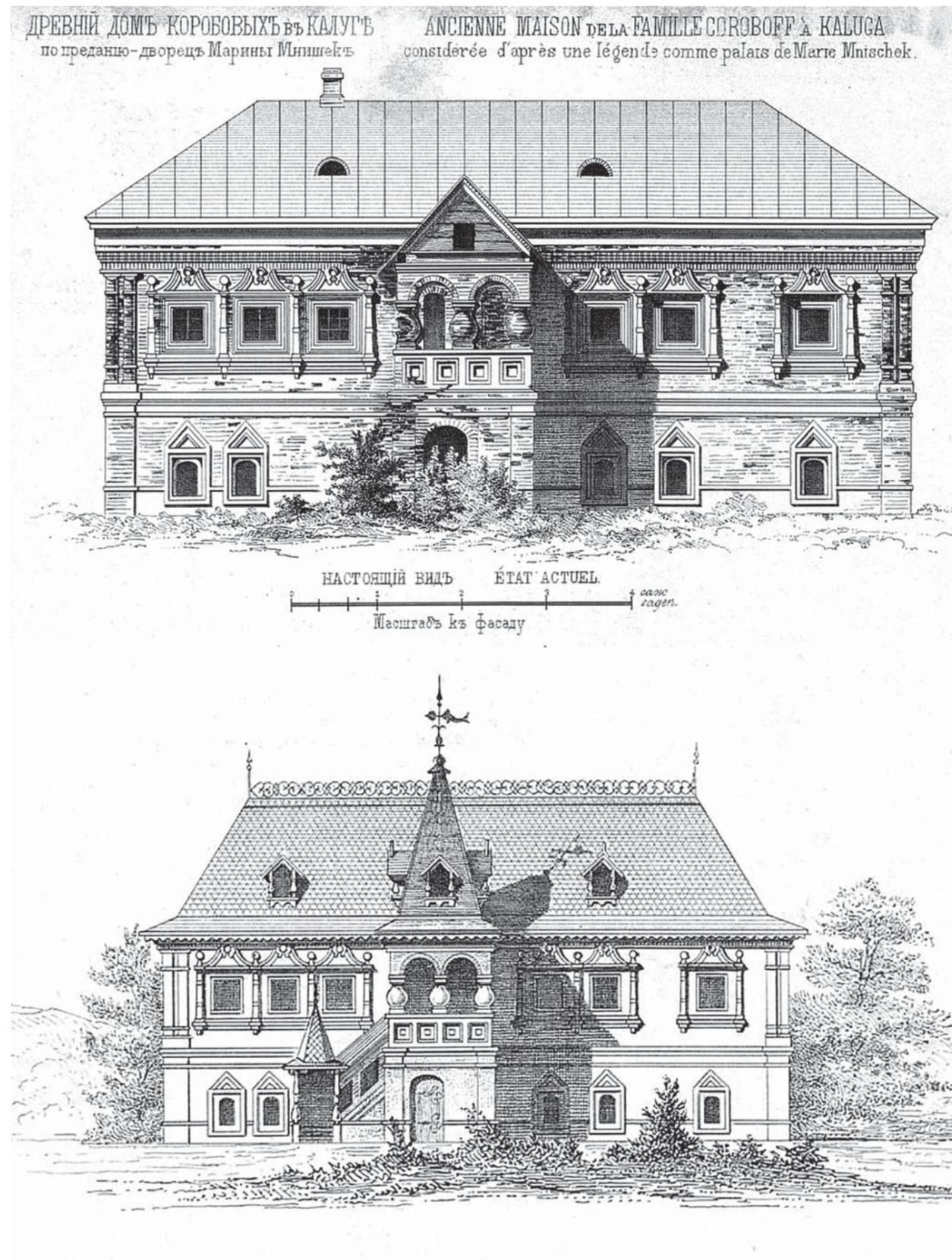
Потомки К. И. Коробова проживали в Палатах до второй пол. XIX в.. В декабре 1842 года скончался Иван Коробов на 105 г. жизни. В 1845 г. в этом здании обитали его 2 сына и дочь. В 1870 г. умер Иван Иванович Коробов, и в Палатах из этого семейства в дальнейшем никто не жил. Дом ветшал и кроме того подвергся разграблению и разрушению со стороны посторонних лиц, которые искали сокровища в опустевшем доме. Были пробиты стены, разломаны все каменные и деревянные полы, сорваны подоконники, разбиты печи. Однако в архивах РГИО СПб и ГАКО найдены документы, которые свидетельствуют о том, что в 1875 году Палаты принадлежали калужской помещанке Прасковье Ивановне Лабахиной, урождённой Коробовой. Во второй пол. 80-х годов дом покупает Евдокия Владимировна Сухозанет и дарит его Дворянскому собранию. Е. В. Сухозанет, урождённая княгиня Яшвилль, племянница известного деятеля Отечественной войны генерала Л. М. Яшвеля, после смерти мужа посвятила себя благотворительности. Она являлась попечительницей калужской женской гимназии, устройщицей многих сельскохозяйственных выставок. Евдокия Владимировна имела орден св. Екатерины. И по степени и по давности пожалования его (в коронацию Александра II) она стояла в числе старейших кавалерственных дам этого ордена.

С давних времён Палаты Коробовых были достопримечательностью города, с ними знакомили всех именитых гостей, когда-либо посещавших Калугу. В 1888 году во время своего пребывания в Калуге великий князь Владимир



Е. В. Сухозанет

Александрович наружно осмотрел этот дом. Как потом писали «Московские ведомости» (№ 208 от 29 июня 1889) «Дом Марины Мнишек, недавно подаренный вдовой генерал-адъютанта Сухозанета Калужскому дворянству, перл гражданского зодчества XVII века. Согласно чрезвычайно счастливой мысли Великого Князя, дворянство, вероятно, обратит его в музей». Но эту счастливую мысль ранее пытался реализовать калужский губернатор Иван Егорович Шевич ещё в 1875 году. Озаботившись судьбой дома, он ведёт переписку с Директором Департамента Общих дел МВД Н. П. Мансуровым о возможности его реставрации и дальнейшего использования для музея и публичной библиотеки для чтения. Во время его правления впервые был сделан проект реставрации дома графом де-Рошефором. Такую активную позицию Иван Егорович Шевич занял не случайно. Будучи калужским губернатором он проявил большую заботу о сохранении различных памятников старины, собирал многие экспонаты для будущего губернского музея и своей деятельностью оставил яркий след не только в развитии города, но и всей губернии. С 1891 года в Палатах размещалась Калужская Учёная Архивная комиссия, в доме располагался и статистический комитет. Заслуживает внимание активная деятельность по сохранению этого памятника для потомков Ивана Даниловича Четыркина — правителя дел, впоследствии — председателя КУАК. С 1891 г. он обращается в разные инстанции с просьбой денежных средств для реставрации дома, с целью сохранения его для потомков в первоначальном виде «чтобы не погиб один из уникальных частных построек старой Руси». Однако осуществить в 1892 году его полную реставрацию не удалось из-за отсутствия «достаточных материальных средств». Ограничились «побелкой стен, поправкой печей, исправлением пола, снабжением необходимой на первых порах мебелью для раз-



Дом Коробовых из журнала "Зодчий". 1874

мещения отбираемых дел и жертвуемых в музей предметов. Этот небольшой ремонт был проведён на остаточные средства губернского статистического комитета. КУАК проводила большую работу по сбору документов губернских и уездных учреждений, занималась формированием губернского исторического архива. Но одним из направлений её деятельности было открытие в Палатах Губернского исторического музея, которое состоялось 20 апреля (2 мая) 1897 года. В год открытия музея его почётным посетителем был губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович Романов. В «Калужских губернских ведомостях» № 112 подробно освящён визит высокого гостя: «При входе во двор музея, Его Величество остановился на некоторое время перед фасадом дома «Марины Мнишек», обратив внимание на древнюю оригинальность постройки. Осмотрел в нижнем этаже две сводчатые с маленькими за железными решётками окнами комнаты, в одной из которых временно был помещён исторический архив, расспрашивал, кто прежде здесь жил. Затем великий князь поднялся на второй этаж и приступил к осмотру музея» — писали «Калужские Губернские ведомости». До 1922 года музей занимал 2 комнаты второго этажа, где были представлены предметы археологии, знамёна, оружие, картины, предметы религиозного культа. Музей работал два дня в неделю. За первый год музей посетили 500 человек. С 1918–1929 гг. здесь проходили заседа-



И. Д. Четыркин



И. Е. Шевич

ния Общества истории и древностей. Впоследствии дом использовался под служебные цели. Некоторое время Палаты были жилыми помещениями, в них размещались государственные учреждения. На протяжении веков здание несколько раз реставрировалось. Последняя реставрация здания была проведена в 1986–1989 гг. В 1997 году Палаты Коробовых были переданы Областному краеведческому музею». Здание — памятник истории и культуры федерального значения, находится на балансе ГБУК КО «КОМЗ» с 31.12. 2003 г. В настоящее время здание является музейно-краеведческим центром «Палаты Коробовых» Калужского объединённого музея-заповедника. Основная экспозиция музея — «Русская изба», периодически проводятся тематические выставки. ■



ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ



ПРОДОЛЖАЯ ТРАДИЦИИ ХЛУДНЕВСКИХ ГОНЧАРОВ

*Текст и фото предоставлены ГБУК Калужской области
«Калужский областной Центр народного творчества»*

Александр Геннадьевич Заборских, народный мастер из посёлка Думиничи Калужской области, освоив хлудневскую игрушку, продолжает совершенствоваться в гончарном ремесле, осваивать традиционные технологии работы с глиной. В 2016 году стал победителем Всероссийского конкурса «Русь мастеровая» в номинации «Гончарство». В настоящее время продолжает сохранять и развивать хлудневские традиции, успешно работает с разными видами декорирования керамики.

Родился Александр Геннадьевич в Калининградской области, ему был всего год, когда семья переехала в посёлок Думиничи. Ещё с детства он всё своё свободное время посвящал творчеству. Увлекался лепкой и часто работал с глиной, занимался резьбой по дереву, чеканкой, рисованием.

Всерьёз изучать глиняную игрушку начал с 1997 года.

«Руки просились что-то делать», — вспоминает Александр Геннадьевич. Вот и остановился его выбор на освоении промысла хлуднев-

ских мастеров. Да и материал полюбился будущему мастеру ещё с детства. Ведь глина рождается из земли, омывается водой и закаляется огнём, в ней заключены три стихии. Отсюда тепло и первоначальная мягкость, а затем лёгкость и прочность, способность пережить не один десяток лет.

Для освоения традиционного ремесла хлудневских мастеров начал ездить к ним в деревню Хлуднево. Мастера приняли Александра Геннадьевича в ученики, постепенно он втянулся в процесс, стал постигать азы изготовления хлудневской

глиняной игрушки. Учился он у народного мастера России Т. И. Бубневой, а также у Т. Б. Трифоновой, Т. Д. Городничевой. С их помощью изучал и осваивал традиционные сюжеты, образы и мотивы хлудневской глиняной игрушки. Обучение основным приёмам лепки, росписи, особенностям промысла проходило легко и с вдохновением.

В своём доме Александр Геннадьевич оборудовал мастерскую с гончарным кругом, печью для обжига, стеллажами для красок, глины, инструментов. Глину использует местную, беложгущую. Мастер сам

находит места, где глина выходит наружу, образуя жилу. При добыче местная глина синяя, голубоватая, после подготовки к лепке становится серая, а после обжига она приобретает белый цвет с желтоватым оттенком.

Как же он обрабатывает глину? Выкапывает из глиняной ямы в лесу, затем замачивает, делает замес глины, потом очищает от камней, переминает. Затем готовую глину складывает в подвале до дальнейшего использования. Со временем рядом с домом Александр Геннадьевич сложил традиционный горн для обжига изделий, такими горнами пользовались по всей России и, в частности, в Хлудневе. Форма горна округлая, книзу топка. Выглядит горн как обычная печь, только в земле. Пламя выходит через верхний круг, посуда загружается на лещатку. Обжиг длится обычно часов пять-шесть.

Постепенно лепка игрушки увлекла всю семью Александра. Поначалу к Александру Геннадьевичу присоединилась жена Татьяна. Потом дети стали пробовать лепить вместе с родителями. Вся семья Заборских прониклась и полюбила традиционный промысел, его основные незатейливые сюжеты: свистки, гудухи, крупные фигуры. Освоение и сохранение хлудневского промысла стало общесемейным делом. Так и сохраняют традиции, образуя семейные династии.

С 1999 года мастер начал участвовать в выставках, конкурсах, фестивалях. Набрался мастерства и опыта, стал возрождать традиционный гончарный промысел деревни Хлуднево. С тех пор в быту семья Заборских использует только собственную гончарную посуду. Такая посуда дольше служит, экологична, хорошо сохраняет жар и холод. В ней значительно дольше хранятся продукты, молоко.

В 2007 году Александр Геннадьевич получил звание «Народный мастер России». «После получения звания почувствовал особую ответственность... Стал заниматься с детьми, чтобы научить глине,



Мастер А. Г. Заборских со своими изделиями



На конкурсе «Русь мастеровая — 2016». Победитель в номинации «Гончарство»



Мастер-классы для детей и подростков. Франция, г. Пуасси



свисткам, хлудневской игрушке», — вспоминает мастер.

Более 10 лет Александр вёл кружок лепки глиняной игрушки в Думиничском детском доме. Чтобы приобщить молодёжь к традиционному промыслу, организовал кружок глиняной игрушки в районном Доме культуры посёлка Думиничи. Проводит мастер-классы по лепке, росписи игрушек, по работе на гончарном круге. Сейчас уже достаточно много детей вовлечены в процесс лепки игрушки и освоения гончарного мастерства.

И вот мастер уже задумался о необходимости создания специализированного центра, где дети смогли бы обучаться, а туристы — знакомиться с традициями хлудневского промысла.

Александр Геннадьевич является лауреатом и дипломантом международных, всероссийских, межрегиональных, областных фестивалей, выставок, конкурсов. В 2016 году мастер стал победителем Всероссийского конкурса «Русь мастеровая» в номинации «Гончарство» с работой «Семья гончаров». Борьба между конкурсантами шла на равных, так как все мастера, участвующие в конкурсе, высокого уровня.

Недавно Александр вернулся из поездки во Францию, где работал в составе делегации Калужской области. Больше всего удивил и обрадовал большой интерес французов к лепке хлудневской игрушки и гончарному делу. В один из дней делегация провела мастер-классы для 300 школьников! И не ощущалось языкового барьера, мастерам удалось найти взаимопонимание и успешно провести занятия.

«Глиняные изделия хлудневских мастеров — это живой голос древних культур, голос наших предков, рассказывающий о том, какими видели они мир, природу, вселенную», — говорит мастер. ❏



На выставке народных промыслов России «Ладья. Зимняя сказка»



Семья мастеров Заборских

СТАРАЯ КАЛУГА

КАЛУГА

В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Проект Екатерининского наместника

Николай Лукьянов

В основу статьи положены материалы исследований, проводившихся автором в 2001 г. по гранту Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области № 01–04–5901 ац.

В 1775 году императрица Екатерина II подписывает составленное лично ею и заслужившее восторженный отзыв Вольтера «Учреждение об управлении губерниями». Реформа административно-территориальной системы задумывалась с размахом, как часть грандиозного преобразования страны в соответствии с теоретическими постулатами европейского Просвещения. Количество губерний значительно расширилось, а каждая из губернских столиц должна была стать общественно-культурным центром своего региона. Это предполагало масштабные архитектурно-градостроительные мероприятия, развернувшиеся вскоре по всей империи.

Одним из первых регионов, получивших тогда новый статус, стало учреждённое в августе 1776 года Калужское наместничество. Его правителем был назначен генерал-поручик Михаил Никитич Кречетников (1723/29–1793). Вскоре под его управление передаются Туль-

ское и, на непродолжительное время (с 1778 по 1782 год), Рязанское наместничества. Калуга, в то время богатейший торговый город, превращается в «столицу» сразу трёх крупных губерний Центральной России.

По сей день историческая часть старинного города над Окой сохра-

няет композиционную структуру, соответствующую проектному генеральному плану, разработанному около 1779 года. Чем замечателен этот план, какие идеи и смыслы в нём заложены? Для всякого, кто достаточно знаком с историей европейской архитектуры XVIII века, не может не броситься в глаза на первый взгляд совершенно неожиданное, но явно не случайное сходство северо-восточной части исторического ядра Калуги с конфигурацией двух площадей и связывающей их магистрали в английском городе Бат. Созданный в основном в третьей четверти XVIII столетия по проекту архитекторов отца и сына Джона Вуда-старшего и Джона Вуда-младшего, градостроительный ансамбль Бата считался образцом вкуса и элегантности в британской архитектуре своего времени. По оценке историка архитектуры Н. О. Душкиной, Бат века Просвещения как единое художественное целое имел общеевропейское значение

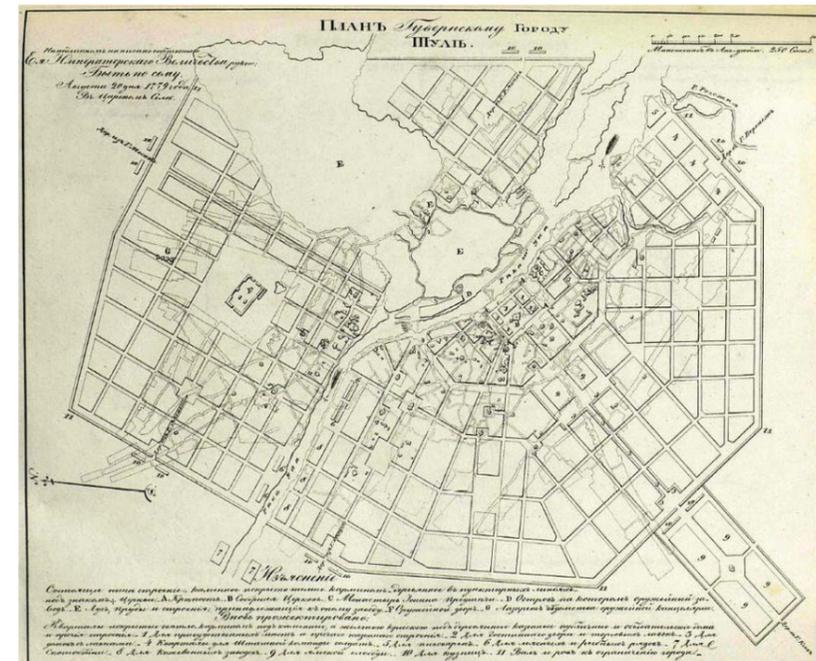
Площади Ройал-Кресент (Королевский Подумесьяц) и Ройал-Серкус (Королевский Цирк), Бат, Англия

«широкомасштабного, обобщающего образа, ставшего символом эпохи и предвестником романтизма». В Калуге была творчески воспроизведена планировочная схема ансамбля площадей Ройал-Серкус и Ройал-Кресент, строительство которого было завершено всего лишь четырьмя годами ранее. В контексте ментальности того времени такого рода архитектурные цитаты носили ярко выраженный программный характер.

Известно, что проект перепланировки и новой застройки Калуги разрабатывал один из виднейших русских архитекторов второй половины XVIII века Пётр Романович Никитин, посвятивший ранее почти полтора десятилетия реконструкции Твери. Однако есть достаточно оснований считать инициатором и полноправным соавтором замысла самого наместника М. Н. Кречетникова. Исследователь отечественного градостроительства Р. М. Гаряев, внимательно изучивший деятельность Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, пришёл к выводу, что большинство создателей проектов архитектурно-планировочных преобразований русских городов екатерининского времени профессиональными архитекторами не являлись, а функция Комиссии заключалась, вопреки традиционным представлениям, всего лишь в «редактировании» работы, выполненной на местах. По замечанию учёного:

«и губернаторы, и землемеры в ряде случаев были достаточно образованными людьми и в необходимой степени могли владеть градостроительными знаниями своего времени. Во всяком случае, среди проектных планов, подписанных ими, мы находим великолепные образцы классического градостроительного искусства. К таковым относится, например, ещё недостаточно оценённый в истории русского градостроительства проектный план Тулы, подписанный тульским губернатором Михайлой Кречетниковым и уездным землемером Осипом Качаловым, — план, который без преувеличения может быть отнесён к шедеврам русского градостроительного искусства XVIII столетия». Высоким художественным качеством отличался не только геометрический каркас улиц и площадей обновлённого города, но и реальное воплощение замысла — побывавший там в 1787 году французский дипломат Ф. де Сегюр назвал этот город «замечательным созданием Екатерины». В этой связи предположение о возможном творческом участии Михаила Никитича и в создании комплекса проектов планировки и застройки Калуги вполне естественно и закономерно. Знакомство с биографией наместника, литературными источниками и архивными документами, реконструкция историко-культурного контекста его деятельности эту гипотезу полностью, хотя и косвенно, подтверждают.

М. Н. Кречетников родился в 1723 (по другим сведениям — в 1729) году. Окончив элитарный Сухопутный Шляхетный корпус в Петербурге, он становится профессиональным военным, участвует в Семилетней войне. В 1764 году М. И. Дашков (рано скончавшийся муж Е. Р. Воронцовой-Дашковой) сообщает о нём в письме своему родственнику Н. И. Панину как об «одном из лучших полковников» русской армии, нуждающемся, из-за своего независимого нрава и принципиальности, в поддержке «наверху». Проходит ещё несколько лет. Михаил Никитич сражается с турками, получает чин бригадира и в самом начале 1770-х годов командует русскими войсками, расквартированными во Львове, в то время польском городе, крупном культурном центре Речи Посполитой. Львов XVIII века не без оснований называли «жемчужиной Европы» — уже тогда по насыщенности архитектурными ансамблями разных эпох и стилей он был похож, как сказали бы теперь, на музей под открытым небом. Польская архитектура, переживавшая эпоху расцвета, привлекала самое заинтересованное внимание высших слоёв русского общества. 29 мая 1771 года фельдмаршал П. А. Румянцев пишет будущему калужско-тульскому наместнику письмо с просьбой прислать «план палатам или замку князя Мартына Любомирского». Как показывают некоторые



Михаил Никитич Кречетников. Неизвестный художник. Последняя четверть XVIII в. Калужский объединенный музей-заповедник

План губернского города Тулы, утверждённый 20 августа 1779 года



Львов (рисунок с литографии А. Лянге, 1830-е годы)

особенности последовавшей несколько лет спустя реконструкции Калуги, пребывание во Львове бесследно для Кречетникова не прошло — его представления об европейском городе явно включали в себя архитектурные образы готики и ренессанса.

В 1772 году, сразу после присоединения к России восточной Белоруссии, Михаил Никитич — уже генерал — назначается правителем Псковской губернии, составной части учреждённого тогда же Белорусского наместничества, во главе которого был поставлен граф Захар Гри-

горьевич Чернышёв. Из собственно белорусских земель в новую губернию вошли Полоцкая и Витебская провинции. Формально губернским административным центром была назначена Опочка, но Кречетников размещает свою резиденцию в Полоцке — и оказывается в центре событий общеевропейского и даже, говоря современным языком, глобального значения. Дело в том, что власть в этом городе фактически принадлежала могущественному иезуитскому ордену, чья сфера деятельности, напомним, простиралась от Южной

Америки до Китая. В 1773 году папа римский Климент XIV под давлением европейских монархов принимает решение об упразднении ордена. На российской территории, крайне неожиданно для многих, оглашение папской буллы запрещается. Императрица Екатерина приглашает повсеместно гонимых иезуитов в белорусские губернии, и вскоре, как результат, всемирной столицей «Общества Иисуса» становится тихий, ранее мало кому известный Полоцк. Местный иезуитский коллегиум превращается в центр притяжения для

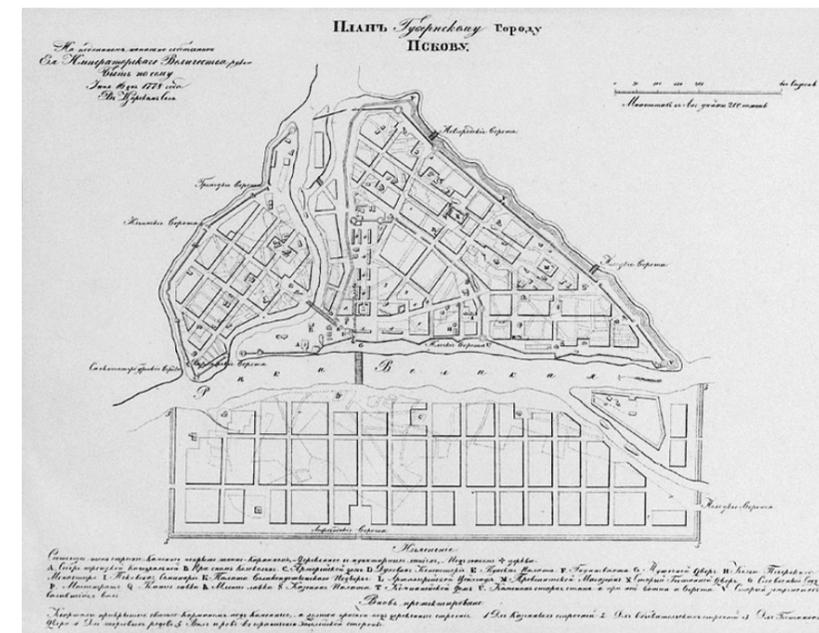


Полоцкий иезуитский коллегиум (Иезуитская академия)

многих высокообразованных людей из разных концов Европы.

В том, что такое развитие событий оказалось возможным — очевидная и несомненная заслуга М. Н. Кречетникова. В Полоцке он проявил себя одним из тех универсальных деятелей, которые и определили лицо эпохи Просвещения. «Полоцк не Львов — удобно в такой пустыне работать без усталости», — пишет он 13 января 1773 года своему другу, известному впоследствии дипломату и литератору, переводчику многотомного «Всемирного путешественника» Я. И. Булгакову, служившему тогда в русском посольстве в Варшаве. «Удобство» заключалось, среди прочего, в том, что в распоряжении Михаила Никитича была библиотека коллегиума, где хранились 23 тысячи томов. Без сомнения, из них немалое количество имело отношение к архитектуре, преподававшейся в этом учебном заведении ещё с XVII века. В одном здании с библиотекой располагался музей, а в его собрании, по сведениям Е. Д. Квитницкой, насчитывалась не одна сотня архитектурных гравюр. Резиденция губернатора находилась по соседству, также на территории коллегиума. «Жадно ловивший всё, замечания достойное» (это слова известного мемуариста А. Т. Болотова, хорошо знавшего Кречетникова в более поздний период), генерал имел уникальную возможность пополнить запас сведений в этой явно небезразличной ему области знаний.

В том же самом письме к Якову Булгакову есть очень показательные строки: приглашая «благонадежнейшего Приятеля» приехать к нему в город над Западной Двиной, будущий калужско-тульский наместник пишет: «Я бы постарался доставить (то есть «предоставить вашему вниманию». — Н. Л.) такой уголок, который мог бы заставить вас побывать здесь». Здесь необходимо расшифровать, что значит «уголок» на языке просвещённого дворянина екатерининского времени. «Уголок», говоря современными понятиями, — это художественно организованное пространство, эстетическая среда в передовом вкусе, повсеместно создававшаяся во входивших в моду «английских» парках. Из содержания письма видно, что Михаил Никитич имел в виду благоустройство города. Губернатор явно считал делом чести, чтобы вверенный



План губернского города Пскова, утверждённый 16 июня 1778 года

ему Полоцк не только ничем не уступал частновладельческим городам польских магнатов, но и качественно превосходил их.

16 января 1773 года З. Г. Чернышёв шлёт Кречетникову указание «...прислать планы всех Губернского и провинциальных городов, как они ныне есть и как Вы им быть полагаете, также проекты тем крепостям в Губернии Вашей, для которых гарнизоны Вам даны <...>, к планам оным присовокупить равномерно проекты полковых и батальонных дворов и штабным и Генеральским квартирам». То, что до сих пор было губернаторским увлечением, становится отныне его должностной обязанностью (напомним в этой связи, что архитектурно-градостроительным проектированием активно и вполне профессионально занимался и сам Чернышёв, ставший впоследствии главнокомандующим Москвы). Проходит четыре месяца, и одно из следующих писем графа — от 16 мая того же года — засвидетельствовало первые результаты нового направления деятельности Михаила Никитича: «...что Великолуцкий магистрат соглашается изыскать сумму на построение каменной ратуши и каменных лавок, то весьма изрядно <...>. Планы кордегардиям по границе я во всём апробую». Спустя полтора года, 19 ноября 1774-го, Чернышёв благодарит Кречетникова за «планы

городу Опочке и корчмы при большой дороге». Хранящийся в РГАДА проектный чертёж Опочки, в то время формального административного центра Псковской губернии, датирован 12 декабря того же года и подписан З. Г. Чернышёвым, вероятно, внёсшим от себя некоторые изменения. 13 июля 1775 года наместник Белоруссии и примыкающей к ней части Северо-Западной России докладывал императрице: Кречетников «...представил <...> план города Торопца, показавший как сей город для лучшей выгоды жителей устроить можно, выпрямляя и расширяя улицы и прибавив две площади». И, наконец, отступая от хронологии, выделим главное: нам удалось обнаружить ранее не попадавшие в поле зрения историков архитектуры архивные документы, свидетельствующие, что признанный, как и план Тулы, одним из лучших образцов отечественного градостроительного искусства века Просвещения проект реконструкции Пскова, датированный 1774 годом и подписанный И. Е. Старовым, не разрабатывался, как принято считать, от начала до конца в Комиссии для строения Санкт-Петербурга и Москвы, а поступил туда от З. Г. Чернышёва, которому «был представлен» М. Н. Кречетниковым.

Уточнение степени личного участия Михаила Никитича в этих работах требует дальнейших исследований,



Комплекс бывшего иезуитского коллегиума в Витебске (в 1957 году здание костёла было взорвано)

но то, что оно не было формально-поверхностным, вполне очевидно. «Ничто не может остаться без собственного Вашего обозрения», — констатировал в уже цитированном майском письме 1773 года наместник Белоруссии, и вся переписка Кречетникова, всё, что известно о нём из других документальных источников, это полностью подтверждает.

В Полоцке, который был губернаторской резиденцией, будущий калужский наместник активно сотрудничал с архитекторами-профессионалами и, судя по всему, прошёл хорошую школу. Новые постройки иезуитского ордена в городе на берегах Западной Двины возводились под руководством его представителей, преподававших архитектуру в коллегиуме. Именно в середине 1770-х, под влиянием событий, связанных с папской буллой, комплекс орденовских построек начинает расширяться и разворачивается «усиленное строительство». Все проекты подлежали губернаторскому утверждению (напомним предписание З. Г. Чернышёва), и это означало прямую вовлечённость Кречетникова в процесс развития архитектурно-градостроительной школы Речи Посполитой.

Ещё более масштабными работами Михаилу Никитичу довелось руководить во втором крупном городе северо-востока Белоруссии — Витебске. Там в период его администрирования завершалось формирование ансамбля двух центральных площадей

по обе стороны реки Витьбы. На главной рыночной площади в 1772 году возводится каменная Воскресенская церковь, а три года спустя — каменная ратуша. Проекты этих монументальных построек разрабатывались ещё при польско-литовских воеводах. Город европеизировался, но с явным выраженным ретроспективистским оттенком (одним из подразумеваемых образцов при такой реконструкции с очень большой долей вероятности мог быть хорошо знакомый губернатору Львов). Перед М. Н. Кречетниковым стояла задача включить в складывающуюся на его глазах целостную градостроительную композицию новые «казённые строения». Первым из них должен был стать «каменный городской почтовый дом» по типовому проекту И. Е. Старова. Губернатор подошёл к делу творчески и использовал этот проект при строительстве большого административного комплекса, включившего в себя, помимо почтамта, воеводский дом и корпуса для размещения полиции. Комплекс соответствовал расположенному на одной линии с ним объёму Воскресенской церкви на противоположном берегу Витьбы, и он же сформировал южный фронт застройки площади, на северной стороне которой возвышались постройки витебского иезуитского коллегиума. «Новые здания», — отмечает историк белорусской архитектуры Е. Д. Квитницкая, — не спорили по высоте с иезуитским костёлом и духовным правлением, а лишь под-

чёркивали величественно вздымающиеся башни. Однако по протяжению они были примерно равны».

Для Кречетникова это был серьёзный опыт принятия ответственного градостроительного решения, связанного с необходимостью тактично вписать новые — и притом важнейшие по своей знаковости — компоненты в композиционную структуру, развивавшуюся как органичное целое. Высокое художественное качество ансамбля центра Витебска 1770-х годов неоспоримо. Его специфика и особая ценность — в живописности, наследовавшей западноевропейские средневековые традиции, укоренившиеся в Белоруссии за несколько веков её вхождения в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

В конце 1775 года Михаил Никитич получает новую должность правителя Тверской губернии — и следующие девять месяцев служит отечеству и престолу под руководством наместника северо-западных великорусских областей Я. Е. Сиверса. Звёздный час в его судьбе наступает 24 августа 1776 года — Кречетников возглавляет вновь учреждённое Калужское наместничество. Отныне он подотчётен только лично монархине. Поздней осенью его архитектор П. Р. Никитин формально утверждается в чине советника калужской Казённой палаты. Секретарём генерал-губернатора — и на многие годы его правой рукой — становится столичный литератор, переводчик Мар-

ка Аврелия и Томаса Гоббса Семён Никифорович Венецеев, известный как активный деятель русского масонства. Вокруг наместника формируется своего рода интеллектуальный салон, по традиционной историографической терминологии определяемый как калужское «культурное гнездо» (ещё об одном из входивших в его состав губернских чиновников — князе Семёне Херхеулидзе — речь пойдёт ниже). Именно в этом «ближнем кругу», судя по всему, и разрабатывается целостная программа преобразований в регионе и его главном городе, инициатором и главным из авторов которой был сам генерал-губернатор. В донесении императрице от 19 октября 1776 года Кречетников пишет: «Город Калуга <...> несомненно из одного времени в другое <...> может притти в лучшее состояние, естли к тому устройство города возмёт своё действие с некоторым всемилостивейшим вспомоществованием, о чём предоставляю я себе сочинить план и поднести Вашему Императорскому Величеству». В течение нескольких месяцев в административном центре губернии создаётся один из первых в русской провинции профессиональный театр (Оперный дом), а затем училище для купеческих и мещанских детей и дворянский пансион (общероссийская система народного образования будет введена в действие только через семь лет). Репертуар калужского Оперного дома носил новомодный сентименталистско-предромантический характер, и это обстоятельство как дополнительный штрих к портрету наместника весьма немаловажно для интерпретации особенностей начавшейся сразу после учреждения наместничества архитектурно-градостроительной реконструкции Калуги.

Очень многое о личности Михаила Никитича и, в частности, о характере его работы с профессиональными архитекторами можно узнать из самых известных отечественных мемуаров XVIII века, написанных тульским помещиком, теоретиком и практиком садово-паркового искусства Андреем Тимофеевичем Болотовым. Одна из их первых встреч состоялась в начале 1783 года, когда будущий автор воспоминаний, служивший тогда управляющим Богородицкой дворцовой волостью, оказался в прямом подчинении Кречетникова. «Заметил я, — вспоминал Болотов много лет



Вид Богородицкого сада. Рисунок Болотова, 1786 (акварель)

спустя, — <...> что он за волости наши приняться намерен был <...> так, что и мне самому то было не противно: ибо с умными и основательными людьми дело иметь всегда охотнее можно, чем со всеми прочими». Кречетников — «умный человек и всей похвалы достойный вельможа»; «я получил таких командиров, которые все мои труды могли оценить как должно и отдавать им надлежащую справедливость» — настойчиво подчёркивал

мало склонный к комплиментарным персональным оценкам мемуарист. Внимательно прочитав болотовские воспоминания, легко убедиться, что именно состоявшийся тогда разговор с Михаилом Никитичем дал импульс к началу весной 1783-го творческой работы Андрея Тимофеевича по обустройству первого участка будущего знаменитого «натурального сада» — в лесу, из которого был виден весь Богородицк.



Богородицкий дворец

Неоспоримо, что первоначальный этап разработки и реализации этого проекта — инициатива самого Болотова, но, как следует из его мемуаров, именно Кречетникову принадлежала идея устройства пейзажного парка непосредственно рядом с дворцом А. Г. Бобринского, и именно он указал на составленном Андреем Тимофеевичем плане усадьбы место его расположения. Это произошло во время их очередной встречи в сентябре 1783 года. Когда в начале следующего лета вновь посетивший Богородицк калужско-тульский наместник увидел первые впечатляющие результаты деятельности Болотова в качестве ландшафтного архитектора, состоялся их подробный, на пяти страницах, описанный мемуаристом диалог, в ходе которого Михаил Никитич очень детально расспросил своего талантливого собеседника о его творческом методе. Многочасовые беседы растянулись на два дня. Итогом стало принятие Кречетниковым, а по существу, взаимное согласование решения о выборе места для павильонов и беседок. Образцы для проектирования этих садовых построек наместник, по совету Болотова, стал искать в принадлежавшем богородицкому управителю многотомнике Кристиана Хиршфельда «Теория садового искусства» (этот изданный сначала на немецком, а затем на французском языках фундаментальный труд содержал подробное обобщение опыта создания пейзажных парков в Англии и на европейском континенте). Доведя знания и вкусу Андрея Тимофеевича, Михаил Никитич попросил его самому предложить возможные

варианты. Когда решение состоялось, Кречетников обратился к приехавшему с ним тульскому губернскому архитектору К. З. Сокольникову со словами: «Возьмите, сударь, эту книгу и потрудитесь». Через несколько часов проект был готов.

Надо заметить, обильно иллюстрированная «энциклопедия садов» Хиршфельда серьёзно заинтересовала наместника и он, пригласив Болотова приехать к нему в подмосковное имение Михайловское, попросил «привезти с собою все те книги». Отсутствия в личной библиотеке Кречетникова хиршфельдовских альбомов было явным пробелом, и Михаил Никитич спешил как можно скорее устранить этот недостаток в своих разносторонних познаниях. В то же время общий высокий уровень его эрудированности в области архитектуры и ландшафтного дизайна был очевиден. Это подтверждает описываемый далее мемуаристом эпизод, когда как бы попутно, между делом, прогуливаясь по Богородицку, генерал-губернатор определил место для строительства «богоугодного заведения» и волостного училища, распорядившись расположить их по обе стороны пруда — речь идёт именно о художественно-композиционном градостроительном выборе, — и дав указание К. З. Сокольникову «сделать прожектец в виде небольших каменных корпусов, однако таких, чтобы они соответствовали сколько-нибудь церкви». Возражений со стороны Андрея Тимофеевича не последовало — даже спустя десятилетия, наедине со своей рукописью, когда вышестоящего «командира» давно

уже не было в живых. Кроме того, из тех же воспоминаний мы узнаём, что Кречетников стал инициатором быстрого завершения отделки интерьеров самого знаменитого сооружения Богородицка — дворца, построенного по проекту И. Е. Старова. И он же выбрал исполнителей этих ответственных работ, причём совершенно очевидно, что их функции отнюдь не сводились к осуществлению замыслов, уже детально проработанных в Петербурге. Сообщив А. Т. Болотову о том, что во дворец будет командирован художник из Калуги, наместник призвал управителя принять в решении вопроса об оформлении дворцовых помещений самое активное участие: «Вы, пожалуйста, с ним вдвоём постарайтесь, говорится в пословице: ум хорошо, а два лучше того». Приверженность этому принципу позволила Михаилу Никитичу создать вокруг себя уникальную творческую атмосферу.

Когда Кречетников увидел результаты работы Болотова в завершённом виде, он произнёс в высшей степени знаменательную фразу: «Мы можем с вами тем похвастаться, что у нас сад такой, какого нигде и ни у кого нет, и что есть в нём такая штука, которая, верно, не обезобразила бы собой и самый сад императрицы в Царском Селе», имея в виду созданную Андреем Тимофеевичем пещеру в песчаной горе. Такое сопоставление — красноречивое свидетельство уровня амбиций калужско-тульского наместника, оно в немалой степени проясняет смысл и значение того, что тогда или чуть раньше задумывалось и строилось в Калуге.

Можно предположить, что сотрудничество Михаила Никитича с архитектором Петром Романовичем Никитичем строилось примерно так же, как и с проектировщиком богородицкого парка. С одним отличием. Профессиональный опыт автора «образцовой» перепланировки и новой застройки Твери значительно превышал опыт паркостроительной деятельности Болотова в его молодые годы. Никитин и Кречетников были людьми одного поколения, видимо, хорошо понимавшими друг друга. В то же время большинство из известных нам чиновников, входивших в окружение наместника, начиная с его секретаря С. Венецеева, были значительно моложе. Это вряд ли случайно. Кречетников явно стремился быть в русле нового, ни в чём «не отставать от времени». В отличие от него, Никитин, один из самых высокоэрудированных архитекторов России начала второй половины XVIII века, преподававший до 1762 года теоретические дисциплины в училище при «команде» князя Д. В. Ухтомского, в своей творческой практике в Твери к середине 1770-х годов выглядел, по ряду признаков, явным консервативом. Логично предположить, что в их взаимодействии инициатором новаций был именно генерал-губернатор.

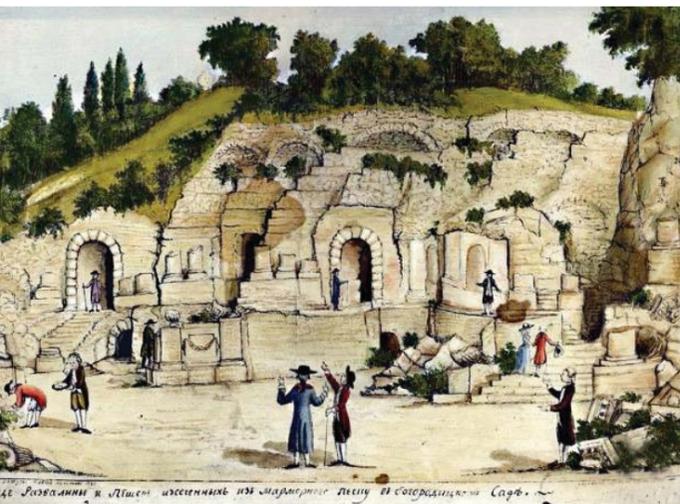
Предрасположенность к художественным нововведениям уже относительно пожилого к моменту начала реконструкции Калуги «генерала и кавалера» подтверждается характером архитектурно-планировочного решения его собственной подмосковной усадьбы Михайловское, где практически одновременно с масштабным переустройством Калуги возводился дворец в самом современном для тех лет «французском вкусе» и разбивался один из первых в России «английских садов». «Он жил тут как бы какой английский лорд <...> день провели мы весело и так как бывает в Англии», — вспоминал о своей поездке в Михайловское в 1784 году А. Т. Болотов. Похоже, мемуарист был немало удивлён, обнаружив в Михайловском уже обустроенный Михаилом Никитичем «натуральный сад», которым не мог не восхищаться — хотя и не без примеси уязвлённой гордыни. Скорее всего, Кречетников был знаком с теорией и практикой британской садово-парковой архитектуры по переведённым на русский и французский языки английским первоисточникам — как



Усадьба Михайловское (картина художника-любителя барона О. И. Клодта, 1822 год)

сама императрица, сознательно придававшая в те годы Царскому Селу некоторые черты сходства с популярным среди «англоманов» всей Европы парком Стоу, и наместник Белоруссии, создатель усадьбы Ярополец граф З. Г. Чернышёв, с которым Михаила Никитича связывали, судя по их переписке, не только деловые, но и вполне дружеские отношения. Можно с большой долей вероятности предполагать, что в бывшем уже тогда знаменитым

Чернышёвском имении Кречетников не раз бывал желанным гостем. Известно, что в качестве образца для возведения построек в Ярополецком парке граф использовал увражи британского архитектора Уильяма Чемберса. Влияние Царского Села и Яропольца на кречетниковское Михайловское совершенно очевидно — достаточно указать лишь на такую характерную деталь, что в усадьбе калужско-тульского наместника была



Пещера в песчаной горе в Богородицком парке (акварель Болотова)



Дворец Чернышёва в Яропольце, Московская область



Калуга, Каменный мост (виадук)

возведена (и сохранилась до сих пор) декоративная «готическая» башенка, относящаяся к тому же типу предромантических построек, что и Башня-руина в загородной императорской резиденции, а также ярополецкие въездные башни в усадьбе графов Чернышёвых.

По предположениям исследователей, при создании усадебного комплекса в Михайловском с Михаилом Никитичем сотрудничал всё тот же Пётр Романович Никитин. В своё время (в 1765 году) именно он руководил

строительством дворца З. Г. Чернышёва в Яропольце. В Твери Никитин работал под руководством другого известного высокопоставленного знатока архитектуры, считавшегося неформальным советником императрицы по строительным делам, графа Я. Е. Сиверса. Таким образом, именитый архитектор, сам бывший одним из наиболее высококвалифицированных специалистов в своём деле, выступал ещё и в качестве живого «связующего звена» между Кречетниковым и его коллегами-админи-



Портрет Василия Ивановича Майкова. Неизвестный художник. Середина XVIII в.

страторами, оставившими свой след в градостроительной истории России.

Таков был уровень профессиональной подготовленности и идейный кругозор наместника Калуги, приступившего к реконструкции своей столицы.

Преобразования городского ансамбля в Калуге начинались по-театральному эффектно и впечатляюще. Одним из самых первых шагов Михаила Никитича на берегах Оки было решение о спешном переоборудовании подаренного городу одним из местных богатых купцов здания каменного амбара под Оперный дом, где в январе 1777 года специально приглашённые из Петербурга и Москвы актёры и музыканты исполнили грандиозное представление под названием «Пролог на открытие Калужского наместничества».

Автором либретто был известный поэт Василий Майков. Его текст до нас не дошёл, но вполне очевидно, что он носил актуальный и программный характер. Тем же периодом датируются включённые в сборники произведений В. Майкова новогодние «Стихи на 1777 год», где есть следующие примечательные строки:

И слава российская по всей земле гремит,
Взывая навсегда немолчными устами,
Что мы к монархине усердием горим
И будем доле цвести, чем Греция и Рим,
Доколе род Петров владети будет нами.

И уже той же зимой развернулось строительство наиболее масштабного сооружения города — спроектирован-

ного по образу и подобию древних римских акведуков Каменного моста над рассекавшим Калугу Березуйским оврагом). Грандиозный для масштабов города виадук стал своего рода метафорой пришествия Просвещения на берега Оки, архитектурным символом, наглядно выражающим сформулированные Майковым идеи наследования екатерининской Россией античной традиции. Даже теперь, двести с лишним лет спустя, мост впечатляет явно нефункциональной избыточностью масс и форм — его задумали и возвели в полном соответствии с тем преувеличенно «грандиозным» образом имперского Рима, который создавали офорты Джованни Баттиста Пиранези и картины очень популярного среди высшего слоя «русских европейцев» французского живописца Юбера Робера.

В ту эпоху пример выражения архитектурными средствами идеи наследования величия классической древности активно подавала Британская империя, где основными заказчиками подобного рода проектов выступали представители аристократии. Немало любителей античной художественной традиции можно было встретить и среди магнатов хорошо знакомой М. Н. Кречетникову Речи Посполитой, многие из которых, подобно ему самому, отличались выраженным англофильством. Характерное для этой среды стремление к своеобразному строительному соперничеству регионов и их первых лиц с метрополией и короной оказалось совсем не чуждо и Михаилу Никитичу. Те же амбиции наглядно проявились и при проектировании Каменного моста в Калуге, в этом сооружении явно стремление вписать обновляемый город в общеевропейский градостроительный контекст грамотно, адекватно, со знанием дела.

Нас не должна смущать, как смущало идеологически ангажированных историков советского периода, близость окружения Кречетникова масонским кругам. Масонство в ту эпоху было носителем самых передовых идей эстетического преобразования среды обитания и пространственного благоустройства. Правой рукой Кречетникова в управлении Калужским наместничеством был видный масон Семён Веницеев. Известно также, что идеолог торжеств в Калуге по случаю обретения городом и регионом ново-



Площадь Роял-Кресент (Англия, Бат)

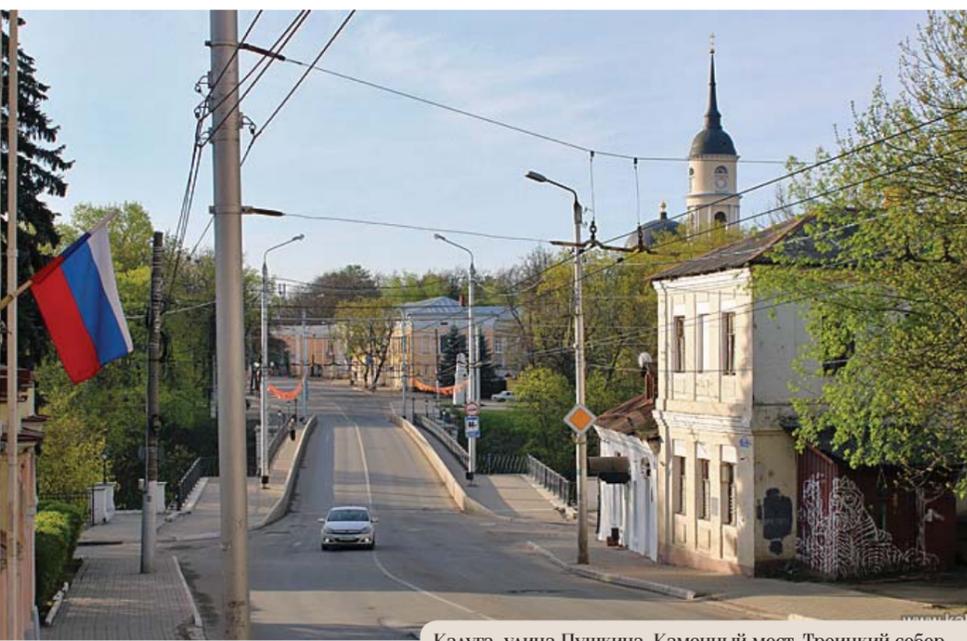


Колизей (Италия, Рим)

го статуса Василий Майков именно в середине 1770-х годов становится одним из ведущих в России литературных выразителей сложного комплекса просветительских и религиозно-философских концепций «вольных каменщиков». Достаточно обратиться к истории проектирования и строительства Бата, на прямое цитирование элементов планировки которого в осуществлённом проекте реконструкции Калуги мы обратили внимание в начале статьи, чтобы убедиться: осуществлявшиеся в этом английском городе на протяжении нескольких десятилетий архитектурные проекты не в последнюю очередь были реализацией именно масонской идеологической программы. В «Конституции вольных каменщиков» Джеймса Андерсона, изданной в Лондоне в 1723 году, есть пункт, заслуживающий того, чтобы процитировать его дословно. Как провозглашается в этом документе, «если склонность к подлинному древнему строительству будет какое-то время господствовать среди титулованных лиц, джентльменов и образованных людей, этот остров (имеется в виду, разумеется, Великобритания. — Н. Л.) станет повелителем всей земли в проектировании, рисунке и управлении художествами, способным научить другие нации всему, что связано с великолепием искусства». Конечно, В. Майков и тот круг, общие умонастроения которого сформулированы в его «Стихах на 1777 год», прочили на роль наследницы Рима, а значит, и «повелительницы всей

земли» не Англию, а Россию, однако единство их исходных установок с декларациями британских масонов налицо. В этом контексте упомянутые архитектурные цитаты становятся важнейшим ключом к пониманию символики калужского Каменного моста и градостроительного «кода» Калуги конца XVIII века в целом: как отмечает Н. О. Душкина, в круглой форме площади Роял-Серкес (Королевский цирк) «угадывалась образная связь с Колизеем», а при создании серповидного ансамбля Роял-Кресент (Королевский полумесяц), были использованы не только масштаб, но и параметры античного амфитеатра Флавиев. Вполне очевидно, что сама идея художественной переключки с императорским Римом и его наиболее значительными сооружениями заимствована у английских «братьев» и носит программный характер. Надо сказать, что документальных подтверждений причастности самого калужско-тульского наместника к масонским ложам нам обнаружить не удалось, однако очень показательным, что Михаил Никитич был активным подписчиком издаваемого Николаем Новиковым журнала «Утренний свет».

Одна из ведущих категорий в архитектурно-пространственной эстетике второй половины XVIII века, творческое осмысление которой также тесно переплетено с историей создания градостроительной композиции Бата — живописность ландшафта. Это понятие обозначало прежде всего подобие местности «идеальным пейзажам» Римской Кам-



Калуга, улица Пушкина, Каменный мост, Троицкий собор.



Витебск, Красный мост (разрушен во время войны)

паньи. Территории, где расположены Калуга, Полоцк и Витебск, во многом сходны по рельефу. В каждом из этих городов легко найти уголки, которые можно было бы сделать напоминающими окрестности Рима. «Оживление» в реальном пространстве картин знаменитых пейзажистов было повсеместно распространённым приёмом устроителей пейзажных парков, и подобного рода идеи с большой долей вероятности могли вынашиваться Кречетниковым и его

окружением ещё в северо-западной Белоруссии. Быстрота, с которой был спроектирован и возведён калужский Каменный мост, наводит на мысль, что сама идея подобного виадука возникла гораздо раньше, а именно в Витебске, где аналогичное по художественному образу сооружение должно было заменить деревянный мост, ставший в результате осуществлённых там в первой половине 1770-х годов архитектурных преобразований сердцевинной градостроительной

композиции. На берегах Западной Двины такая замена состоялась лишь в 1814 году. В Калуге возможности реализации амбициозных проектов оказались более благоприятными.

Если попробовать отыскать конкретные прототипы кречетниковского Каменного моста, то первым в их числе, несомненно, окажется античный акведук Клавдия, запечатлённый на неоднократно репродуцировавшейся гравёрами XVIII века (и, следовательно, хорошо знакомой просвещённому дворянству России) картине Клода Лоррена «Вечер среди руин, или Упадок Римской империи». Можно сказать, кречетниковский проект и представлял собой «оживление» этого произведения. На это наталкивают и строки уже цитировавшегося стихотворения В. Майкова: «Прешли величества и Греции, и Рима. О Боже, Царь веков, в Россию ты воззри И благо по её пределам распусти». Их можно было бы добавить как расширение к программному названию картины Лоррена. То, что в Риме было символом величия и превратилось в руины, переносится на новую почву и возрождается к новой жизни — в ещё более грандиозно-величественном виде.

Что касается пропорционального соотношения ширины арок и простенков Каменного моста, источником вдохновения создателей его замысла, думается, можно считать римские ворота Porta Маджоре, точнее, их изображение на одном из офортов Пиранези. А соотношение ширины и высоты напоминает один из поздних римских акведуков, носящий имя императора Александра Севера. Относительная измельчённость вертикальных членений создаёт зрительный эффект головокружительной высоты при взгляде на устои виадука сверху или со дна оврага, а общая избыточность каменной кладки заставляет вспомнить знаменитый пиранезиевский вид фундаментов мавзолея Адриана.

В то же время при обзоре издали мост выглядит гораздо более близким к воплощению идеала «благородной простоты и спокойного величия», смысловым акцентом пасторального ландшафта. Соединение в одном произведении героического пафоса и сентименталистских парадигм очень характерно для эстетического сознания последней четверти

XVIII века. В творчестве того же В. Майкова торжественные строфы «Стихов на 1777 год» контрастно сочетаются с написанной несколькими месяцами или, возможно, даже неделями позже идиллической драмой под характерным названием «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель». В литературном кругу, связанном с именами Майкова и Хераскова, очень высоко ценилось творчество швейцарского поэта и художника Соломона Гесснера, иллюстрировавшего свои книги собственноручно выполненными гравюрами и завоевавшего немалую популярность среди устроителей пейзажных парков во всей Европе. Для работ Гесснера очень характерна наметившаяся ещё в полотнох культовых для века Просвещения пейзажистов предыдущего, XVII, столетия, поэтизация глубоких впадин рельефа, ложбин и оврагов. Для проектировщиков новой Калуги Березуйский овраг несомненно должен был напоминать собирателя европейских гравюр и библиофилам некоторые художественные работы этого мастера.

Есть все основания и для интерпретации художественного образа кречетниковского виадука и в предромантическом ключе. Его легко ассоциировать с прорезанной арками средневековой крепостной стеной, с мостом, ведущим в замок или городскую крепость. Можно даже сказать, он выступает в роли своеобразного художественного замещения никогда не существовавших каменных укреплений калужского кремля. Если продолжить поиск западных параллелей, можно вспомнить об одной из достопримечательностей хорошо знакомой Кречетникову архитектурной школы Речи Посполитой. Речь идёт о возведённом в XVII веке и известном своими «арками чрезвычайной высоты» (слова современника Михаила Никитича, немецкого путешественника В. Шлемюллера) монументальном каменном мосте между Старым и Новым замками польских королей в Гродно. Сильная вытянутость арочных пролётов напоминает образцы готики. В то же время явная «акведукообразность» калужского памятника имеет отдалённый в пространстве и времени прообраз (или просто аналог): виадук XVI века, сооружённый известным архитектором французского Ренессанса Жаном Бюлланом в замке полковника Анна де Монмаранси Фэр-ан-Тарденуа в Пикардии. Подобный же «мост в подражание акведукам древних» проектировался в 1768 году британским архитектором Робертом Адамом для аристократического имения Бувуд-парк в окрестностях Лондона, однако проект остался неосуществлённым, и хотя позже был опубликован, но это произошло лишь в 1779 году, когда виадук в Калуге был уже построен.



Ворота Porta Маджоре. Офорт Пиранези

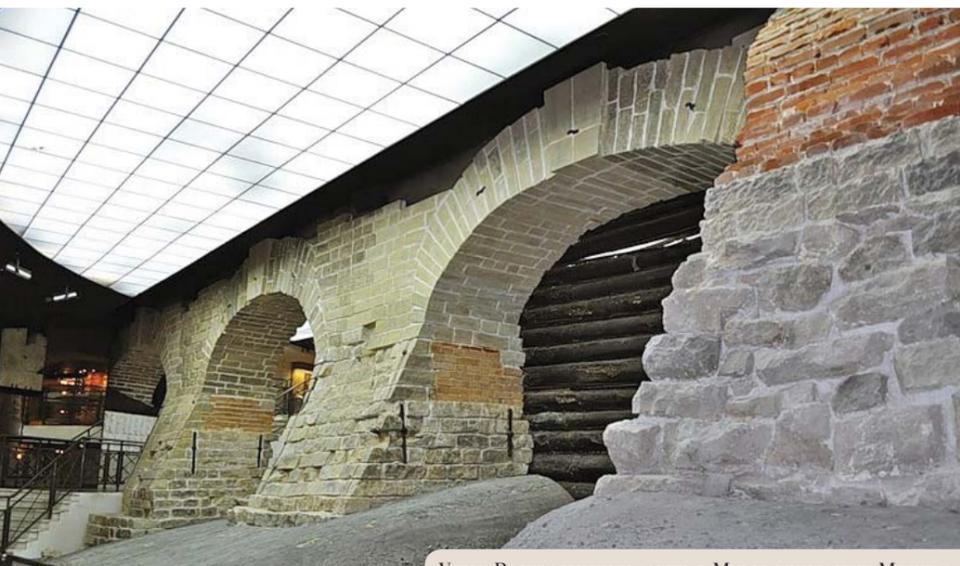


Соломон Гесснер, «Идеальный пейзаж с древней могилой»



Виадук в замке Шато Де Фере-Эн-Тарденуа, Франция

Клод Лоррен, «Пасторальный ландшафт с аркой Титта». 1664. Рисунок, положенный в основу картины «Вечер среди руин, или Упадок Римской империи»



Устои Воскресенского моста в Музее археологии Москвы

При всём том кречетниковский Каменный мост не мог не вызывать и чисто российских, тоже романтических, ассоциаций, столь же разнородных и столь же величественных, например, со старинными, возведёнными ещё при Иване III подклетами «кремлёвских стороений», открывшимися для всеобщего обозрения именно тогда, в 1770-е годы, после расчистки строительной площадки для баженовского дворца, а также с Воскресенским

мостом через Неглинную (его устои ныне открыты для обозрения в подземном пространстве Манежной площади как ключевой элемент экспозиции Музея археологии Москвы). В этом же смысловом ряду — функционирующий по сей день, известный каждому москвичу Троицкий мост, ведущий в Кремль через Кутафью башню: он также отличается гладкостью монументальных стен, что в общем контексте мостостроительной

традиции было большой редкостью. Многие современники Кречетникова ещё хорошо помнили разобранный в 1767 году мост, переброшенный при старшем брате Петра I Фёдоре Алексеевиче через пруд в царской усадьбе Измайлово, перекликающийся с калужским виадуком обилием арок. И, наконец, едва ли не самая пафосная и в то же время очевидная по своей знаковости параллель — это достопримечательность уже Нового времени, петергофский Большой грот, в глазах россиян XVIII века — символ европеизации России и её нового места в Европе и мире.

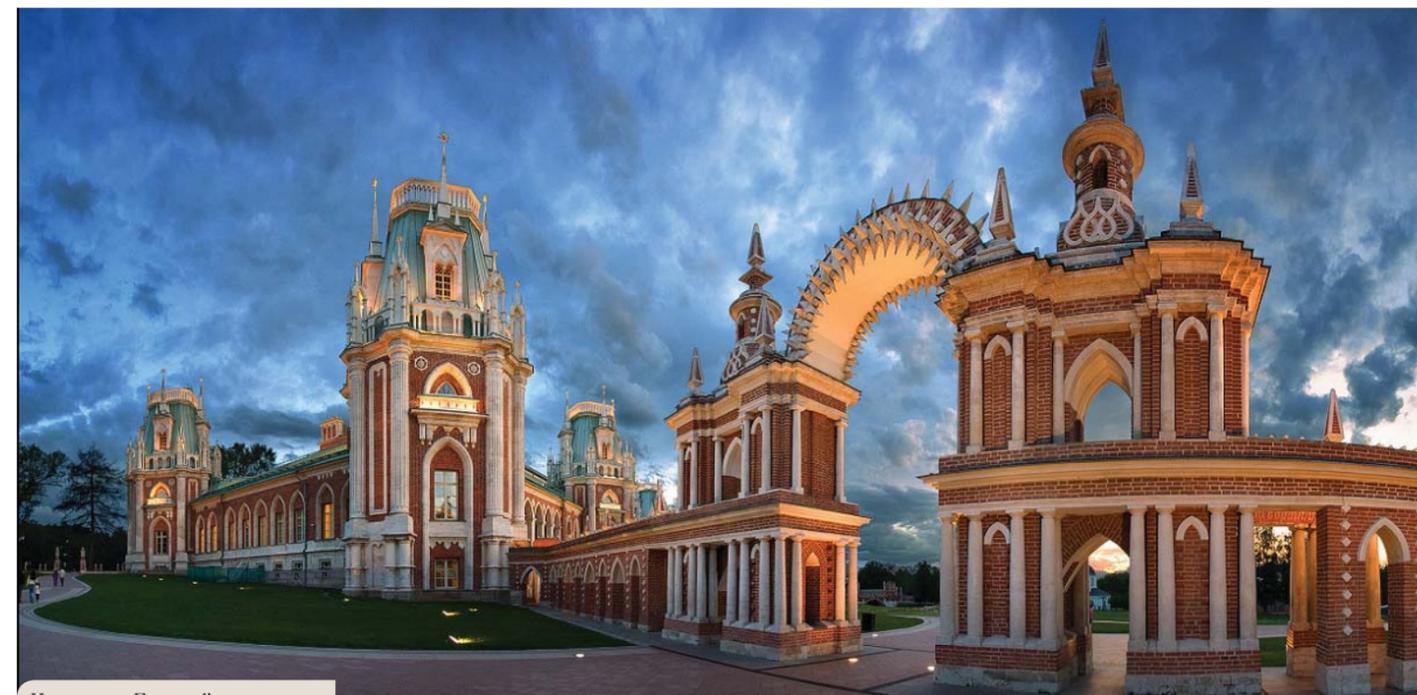
Вполне очевидно, что для универсалистского сознания века Просвещения все эти сходства и подобия, частично укоренявшие виадук в отечественной почве, означали прежде всего актуальность и всеохватность антично-ренессансной традиции. Тот же грот в Петергофе с точки зрения знатока мировой архитектуры — а в образованном русском обществе екатерининской эпохи таковых было немало — представляет собой не что иное, как развитие архитектурной темы, представленной в своё время Гротом сосен в ренессансном замке Фонтенбло, построенном по заказу претендовавшего на корону Священной Римской империи французского короля Франциска I.



Большой грот (Петергоф)



Грот сосен (Фонтенбло)



Царицыно, Большой дворец

Затевая подобное строительство в губернском городе, Кречетников рисковал навлечь на себя обвинения в неуместной растрате казённых денег и непомерных амбициях. Но поддержка Екатерины II была однозначной — 10 марта 1777 года утверждается новый герб Калуги, украшенный императорской короной, символизовавшей, по геральдической логике, планируемое размещение там путевого дворца. На «высочайше подтверждённом» 13 июня 1778 года варианте проектного генерального плана Калуги обширный

участок будущего дома П. М. Золотарёва к западу от Березуйского оврага никак не эксплицирован, и это даёт основания предполагать, что виадук должен был, по крайней мере теоретически, стать частью ансамбля путевого дворца императрицы.

Калужский мост-виадук создавался непосредственно вслед за началом строительства баженовского Царицына. Как известно, императрица и её двор провели в бывшей усадьбе Кантемиров летние месяцы 1775 года. Осенью первоначальный проект «готической» подмосковной

монаршей резиденции был утверждён, а в середине декабря того же года Екатерина с большой группой приближённых посетила будущий «наместничий город» Калугу. Естественно предположить, что своими впечатлениями о тамошних живописных ландшафтах, напоминающих царицынские, она поделилась с встретившими её 21 декабря в Твери новгородским и тверским наместником Я. Е. Сиверсом и Кречетниковым, напомним, управлявшим в то время Тверской губернией. Сиверс имел репутацию неформального советника



Царицыно, Большой мост



17-арочный мост в пекинском парке Ихэюань

императрицы по строительным делам. Он посещал Царицыно в сентябре 1775-го, именно тогда, когда Екатерину более всего могло интересовать его мнение о замысле, разработавшемся В. И. Баженовым. Более чем вероятно, что в распоряжении Сиверса были копии баженовских чертежей. Очевидный исполнитель этих гипотетических копий — не кто иной, как Пётр Никитин, несомненно, оставивший экземпляры и для себя. Есть основания думать, что с проектом Царицына должен был быть хорошо знаком и Кречетников.

Менее года спустя, во время пребывания Михаила Никитича в Петербурге, после ознакомительной поездки по Калужской губернии, общая идея

возведения Каменного моста реально могла быть уже согласована. Судя по ранее публиковавшимся материалам, связанным с историей создания калужского Оперного дома, и в Калуге, и в столице наместника сопровождал П. Р. Никитин. Не исключено, что уже готовый эскизный проект обсуждался и, возможно даже, редактировался совместно с кем-либо из столичных архитекторов. В этом контексте калужский виадук воспринимается как своеобразная рефлексия на тему реализованного несколькими годами позже в сильно изменённом виде проекта Большого моста в Царицыне, «готические» формы которого несколько не мешали московскому генерал-губернатору Я. А. Брюсу именовать

его в известном письме Екатерине II не иначе как «акедюком».

Многозначность и многочитаемость зрительского восприятия калужского виадука соответствует рекомендациям высоко ценимого русской императрицей У. Чемберса, изложенными в его изданной в 1772 году на русском языке брошюре «О китайских садах» — напомним: в Европе XVIII века ландшафтные парки часто называли англо-китайскими. Дальневосточные строители, пишет британский архитектор, «обыкновенно делают простые необтёсанные мосты от одной каменной горы до другой через крутейшую часть порогов». Если сделать поправку на различие ландшафта и наиболее употребительного строительного материала в Китае и в Центральной России, можно считать, что кирпичный виадук через Березуйский овраг именно подобным образом и построен. Энциклопедически образованным создателям художественной культуры эпохи Просвещения его пятнадцать арок должны были напоминать не только о древнем Риме, а также о далёком европейском и недавнем русском средневековье, но и о знаменитом семнадцатипролетном мосте в пекинском парке Ихэюань, наглядно подтверждая чемберсовскую мысль о «некоторой общности китайской архитектуры с античной». Летом 1776 года граф Яков Сиверс писал Михаилу Кречетникову из Царского Села о производящихся там «удивительных работах», в числе которых одной из самых впечатляющих было возведение Большого каприза — постройки, где модная со времён петровского барокко и европейского рококо «китайщина» интерпретирована в предромантическом духе.

Весьма вероятно, на окончательную редакцию проекта виадука в Калуге повлияло ещё одно обстоятельство. Друг Михаила Кречетникова полковник князь Семён Херхеулидзе, ставший, вместе с Петром Никитиным, советником калужской Казённой палаты и одновременно одним из основателей местного Оперного дома, за несколько месяцев до переселения в «наместничий город» вернулся из Константинополя, где участвовал в дипломатической миссии князя Н. В. Репнина. В тот же год в Петербурге публикуются записки шотландского путешественника Джона Белла

Антремони, где в разделе, посвящённом турецкой столице, первой из описываемых достопримечательностей оказывается акведук императора Валента. Возможно, грузинский князь привёз с собой какие-либо графические материалы. Так или иначе, но две арки по центральной оси Каменного моста над Березуйским оврагом выглядят сознательно стилизованными под пропорции стамбульского памятника, а общий облик двух построек достаточно близок.

Ещё один древний монументальный каменный водопровод, художественный образ которого мог послужить ориентиром при проектировании калужского Каменного моста — это акведук Теодориха в Сплите, изображённый в увраже Р. Адама, посвящённом расположенному в этом городе на территории современной Хорватии дворцу Диоклетиана. Гипотетические следы знакомства М. Кречетникова и П. Никитина с этим огромным фолиантом, изданным в Лондоне в 1764 году, прослеживаются и при анализе других построек калужского архитектурно-градостроительного ансамбля конца 1770-х — начала 1780-х годов.

Наиболее характерная особенность непосредственно соседствующего с виадуком и строившегося практически одновременно с ним комплекса губернских Присутственных мест — это анфиладное расположение парадных вездов на его территории. Сходную планировку имеет ансамбль Большого Царскосельского дворца, но там приехавший гость оказывался на обширном парадном дворе. В Калуге же две монументальные арки связывал прямой уличный проезд, отрезок главной трассы города, и эффект восприятия структурированного таким образом пространства оказывался нетрадиционным и неожиданным. Классический образец использования подобной архитектурно-планировочной композиции — всё тот же сплитский дворец Диоклетиана. Ещё две аналогичные арки Присутственных мест, перпендикулярные «анфиладным», ведут в глубь ансамбля, и благодаря им углы комплекса напоминают известный по офорту Дж. Б. Пиранези портал древнеримского портика Октавии, но не руинированный, каким он был в XVIII веке, а мысленно воссозданный в первоначальном виде.

Ордерное оформление ворот также в основе своей сугубо «римское», выдержанное в духе иконографической традиции, связанной со знаменитой аркой Тита, но ориентированное на более ранние прообразы, относящиеся к эпохе императора Августа. Именно к этому времени, золотому веку античной истории, относится сохранившийся на территории Франции мост Флавиана в Сен-Шама на реке Тулубр с двумя лаконичными по художественной отделке монументальными



Роберт Адам, Руины дворца Диоклетиана



Калуга, улица Баженова, Присутственные места



Акведук Валента, Стамбул



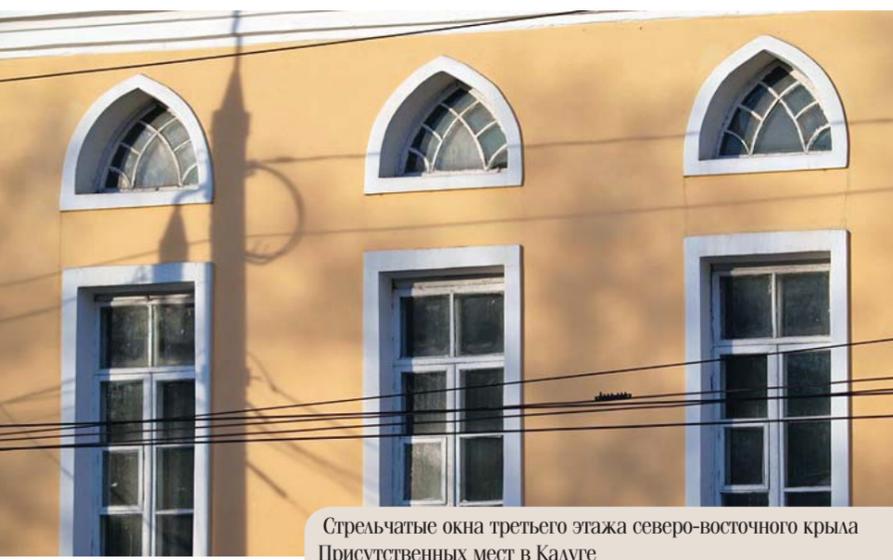
Мост Флавиана



Калуга, Московские ворота (разобраны в 1935 году)



Калуга, площадь Старый торговый двор, южный фасад Гостиного двора



Стрельчатые окна третьего этажа северо-восточного крыла Присутственных мест в Калуге

арками, «анфилада» которых с очень большой долей вероятности могла послужить первоисточником замысла восточной и западной арок Присутственных мест с проходящей под ними транспортной магистралью.

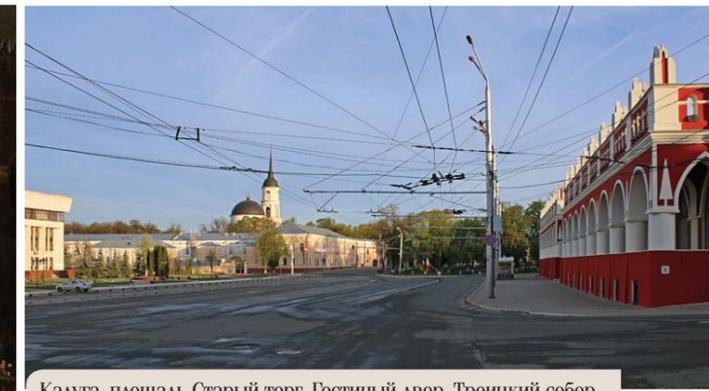
Дальнейшее развитие античная или, точнее, антично-ренессансная тема в Калуге Кречетникова и Никитина получила при создании ныне утраченных Московских ворот, напоминающих римские Фламиниевы ворота, возведённые в эпоху Возрождения по проекту Микеланджело на основе композиционной схемы, привычно ассоциируемой с аркой Тита, в едином ключе с арками Присутственных мест. Московские ворота фланкировались двумя обелисками, один из которых сохранился, практически идентичными обелиску у Каменного моста.

Гравюры из адамовского альбома реально могли повлиять и на замысел ещё одного, не в меньшей степени заслуживающего внимания памятника кречетниковской Калуги — Гостиного двора. Увенчивающая его фасад декоративная «акведукоподобная» аркатура перекликается с аркатурой ворот диоклетианова дворца, а «готическая» обходная галерея — с лоджией нижнего яруса сплитской ренессансной ратуши, также запечатлённой британским архитектором.

Любопытная и необычная деталь фасада Присутственных мест — оконные проёмы третьего этажа северо-восточного крыла комплекса в виде стрельчатых треугольных ниш — также английского происхождения: их прообраз легко обнаруживается в оформлении павильона Альхамбра в парке Кью под Лондоном, широко известном в Европе XVIII века благодаря увражу У. Чемберса. Именно в этом издании граф З. Чернышёв нашёл образец для яропольской «мечети».

Присутственные места и Гостиный двор формируют контуры весьма своеобразной и поистине уникальной для русского градостроительства екатерининской эпохи центральной площади Калуги. Выход на неё главной улицы города в угловой точке, глаголеобразные очертания, диагональное положение доминанты — всё это признаки готической планировки. Подобные старинные центры городов Кречетников и его сподвижники по Семилетней войне и сражениям с польскими конфедератами не раз видели в Центральной и Восточной Европе. В Полоцке и Витебске Михаилу Никитичу довелось руководить укреплением новыми постройками композиционных структур именно такого типа. И как-бы для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, комплекс торговых рядов получает ярко выраженный «готический» облик и во внешнем оформлении.

Как итог деятельности наместника, панорама площади при въезде на неё с мо-



Калуга, площадь Старый торговый двор, Гостиный двор, Троицкий собор

Каналетто. «Приём французского посла в Венеции», 1726–1727, Эрмитаж

сковской трассы стала отдалённо напоминать известную эрмитажную картину Каналетто с видом Дворца дождей в Венеции.

Окончательно этот замысел осуществился лишь более тридцати лет спустя. Увидеть его воплощение скоропостижно скончавшемуся 9 мая 1793 года на Западной Украине генерал-губернатору, которому через несколько дней Екатерина II присвоила, как оказалось, посмертно графский титул, было уже не суждено. Все три посткречетниковских десятилетия в Калуге работал сменивший П. Р. Никитина ещё в 1785 году губернский архитектор Иван Денисович Ясныгин, начинавший свой творческий путь в баженовской Экспедиции Кремлёвского строения.

Образ города в целом художественно осмыслен в полном соответствии с духом и буквой теории и практики английского ландшафтного парка. Общая схема плана города напоминает образцы переходного, между регулярным и пейзажным, стиля в британском садово-парковом искусстве первой половины XVIII века. Главная трасса ориентирована на живописный склон на противоположном берегу Оки. Продолжение магистрали в западной части города также ведёт к видовой площадке на обрывистом плато, с которой открываются исключительно живописные панорамные виды. Прямые улицы эффектно контрастируют с криволинейными. Нейтральный, фоновый характер рядовой застройки подчёркивает стилистическую полифонию ключевых сооружений — к многозначно-«античному» Каменному мосту, «западноевропей-

вековому» Гостиному двору и раннеклассическо-«римскому» административному комплексу необходимо приплюсовать «ренессансный» Троицкий собор и более ранние каменные палаты придающие этому продуманно дозированному многообразию национальный российский колорит. И уже совсем не удивительно, что такую довольно причудливую общую картину дополнило ещё и планировочное уподобление другой, «более классицистической», части реконструированного города далёкому британскому Бату.

И ещё один, очень показательный, штрих к портрету наместника: окончательный вариант новой планировки Калуги императрице на утверждение не представлялся — русский англофил Михаил Никитич Кречетников действо-

вал так, как если бы он был частным лицом. «Как бы какой английский лорд» — как тут не вспомнить знаменательные слова Болотова...

Многое в историческом центре Калуги по сей день сохранилось в том виде, в каком задумывалось в последней трети XVIII века. Уже в середине следующего столетия город утратил в фазу экономического упадка и довольно скоро стал восприниматься как безнадежно провинциальный. Он остался историческим заповедником, но сегодня приметы остановившегося времени зачастую очень мешают адекватно воспринимать архитектурные образы эпохи Просвещения. А ведь они заслуживают того, чтобы быть понятными и оценёнными — и не только в российском, но и в общеевропейском и даже общемировом контексте. ■



Английский город Бат и регулярный план Калуги

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

«МОЁ ЛЮБИМОЕ

ТРОИЦКОЕ...»



Галина Макарова,

руководитель школьного мемориального музея Е. Р. Дашковой в г. Кременки

Моё любимое Троицкое,
Где мне хотелось бы жить и умереть...

Е. Р. Дашкова

Усадьба Троицкое, расположенная в живописнейшем уголке Калужской области, недалеко от Серпухова, получила широкую известность благодаря имени её владелицы, Екатерины Романовны Дашковой, видного государственного деятеля XVIII столетия, главы двух Академий: директора Санкт-Петербургской АН и Президента Российской АН.

«Троицкое считалось одной из красивейших усадеб в Калужской губернии XVIII века», — читаем мы в письмах ирландских гостей княгини Дашковой, вложившей всю свою нерастрченную любовь, силы, средства, желание и стремление превратить эти милые сердцу места в райский уголок. Через полтора года после свадьбы свекровь впервые привезла юную невестку сюда, в Троицкое, где и воскликнула молодая княгиня «Нет прекраснее места на земле, чем Троицкое...», — так поразила её красота этих мест! всю жизнь она старалась украшать эту землю: вместе с мужем они придумали и нарисовали план дома, и даже начали его строить, но достраивать пришлось ей одной, без мужа, рано ушедшего из жизни. В память о горячо любимом муже Михаиле Ивановиче



Герб князей Дашковых

Дашкове, скончавшемся в 1764 году, на свои средства и своими силами строит она напротив дома большой каменный Храм Живоначальной Троицы, где завещала похоронить себя и где, по сей день, покоится прах знаменитой Россиянки.

Земли эти издавна принадлежали Дашковым. Впервые село Троицкое упоминается в писцовой книге за 1628–1630 год писцом Владимиром Колышевым и подьячим Василием Рожновым, составленной ими «...переходя от двора к двору от Малоярославца...». «...За князем **Иваном** княже Андреева сыном Дашкова, что было в поместье за князь Никитою, да за князем Григорием Тюфякиным село Троицкое на речке Паратве. А в селе церковь Живоначальной Троицы в приделе Покрова Пресвятой Богородицы да строение помещиково есть, двор попов Диментия Лукьянова, дьячок Гаврилка Лукьянов, да пономарь... Всего 5 крестьянских дворов, в них 27 человек, 10 дворов бобыльских, людей в них — 25 человек...».

Вот — некоторые сведения о владельцах имения:

Иван Андреевич Дашков, владделец Троицкого в начале XVII века, стольник, который «... 1 октября 1618 года вместе с бесстрашным князем Дмитрием Ивановичем Пожарским участвовал в сражении с польско-литовскими интервентами у Арбатских ворот в Москве и отличился в нём... За это и было помиловано ему поместье...». «...Дворов уже стало 31, людей — 153 крестьянских душ...»

Иван Иванович Дашков, владделец в конце XVII века. Он пристроил к Троицкому Новосёлки в 1768 году, и стало там 46 крестьянских дворов.

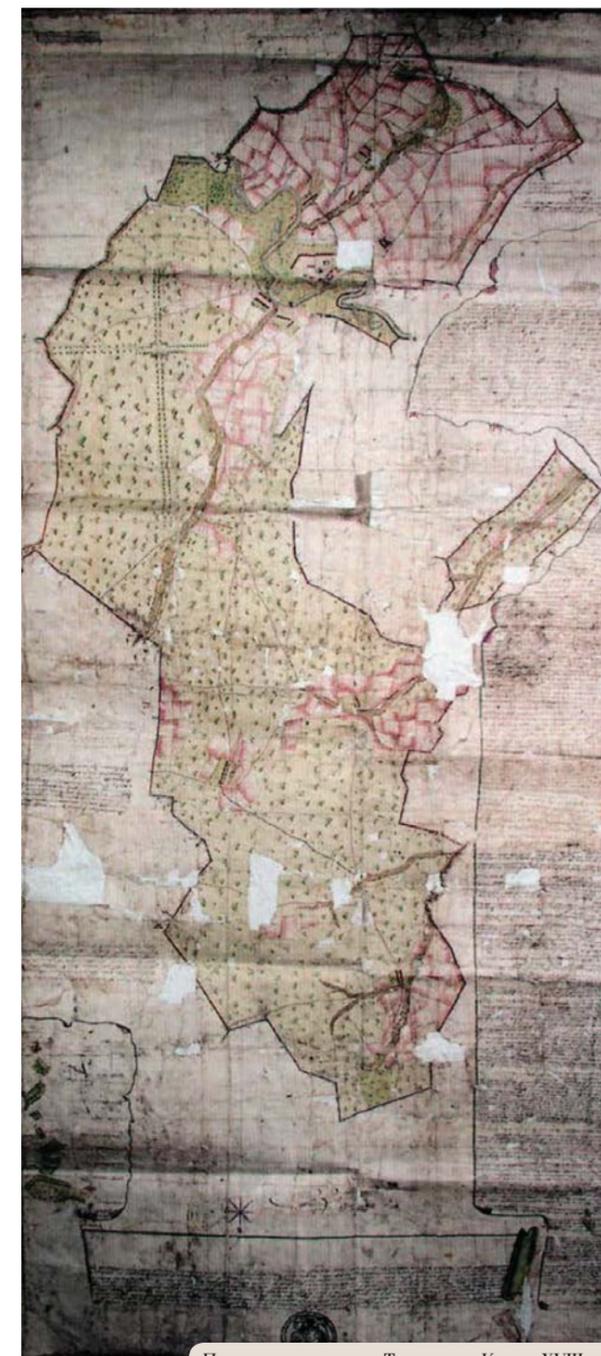
Пётр Иванович Дашков, с 1715 года — владделец не только Троицкого и Новосёлок, но и приращённых к ним деревень: Ершово, Потесниково, Кремёнки, Всево — 561 человек.

Иван Петрович Дашков, прапорщик Преображенского полка (жена — Анастасия Михайловна Леонтьева, племянница Натальи Нарышкиной, матери Петра I) по ревизии 1721–1722 годов село Троицкое с деревнями приписано к Серпуховскому Уезду (прошла первая подушная перепись в России).

Михаил-Кондратий Иванович Дашков — вице-полковник лейб-кирасирского полка, камер-юнкер, владделец Троицкого. Его жена — Екатерина Романовна Дашкова (урождённая Воронцова).

В середине XVIII века князьям Дашковым принадлежало само село Троицкое и шестнадцать окрестных деревень, в которых проживали более 5 тысяч крепостных крестьян: «... село Троицкое, деревня Катерина, Малеева, Воронина, Кремёнки, Ключи, Новосёлки, Ершова с пустошами. Дворов 127, по ревизии Душ 533 мужска и 483 женска...»

Село расположено на высоком берегу Протвы. Церковь каменная, дом господский каменный с регулярным садом, и на реке Протве лучшая о шести поставах мельница...», — такое описание Троицкого дано в «Экономических примечаниях к планам генерального межевания Тарусского уезда». Старинное село Троицкое на реке Протве наибольший хозяйственный расцвет приобрело на рубеже XVIII и XIX веков, когда усадьба в селе принадлежала известной сподвижнице Екатерины II княгине Екатерине Романовне Дашковой, урождённой Воронцовой.



План имения в селе Троицком. Конец XVIII в.

Княгиня превратила его усилиями, средствами и любовью своей в райский уголок, в одну из самых красивейших усадеб: в Троицком были возведены большой господский дом, крепостной театр, плотина, мельница, манеж, больница, был здесь и сад, и парк, и оранжереи, и теплицы, где выращивалось всё, вплоть до ананасов. Перед главным домом располагался парадный двор, замыкавшийся изящными каменными воротами. Именно они — наиболее запоминающаяся часть из того, что сохранилось от ансамбля поместья. Существует версия, что они — работа известного русского архитектора В. И. Баженова. «Княгиня Е. Р. Дашкова придавала



М.-К.И. Дашков, Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

Е.Р. Воронцова-Дашкова. Худ. Д. Левицкий. 1784 г.

строительству и благоустройству Троицкого большое значение. Она создала в любимом имени свой мир, соответствующий её эстетическим вкусам и увлечениям. Огромная часть поместья занята аллеями и регулярным парком совершенно в английском стиле. К грандиозному дому с обеих сторон пристроены флигели, которые связаны с ним лишь балконами на уровне второго этажа», — писала Кэтрин Вильмот 1.10.1805 из Троицкого Анне Четвуд.

И надо сказать: не только Троицкое! Любила княгиня строить и открывать новые деревни, куда переселяла молодые семьи. Документально известно, что одну из вновь открытых деревень она подарила своей ирландской подруге Леди Гамильтон, и назвала её Гамильтоновкой. Да, это известные в народе Раденки, где осталось 2–3 дома. Остальные деревни...потихоньку исчезли с лица земли, отпустив своих хозяев на отъезд жие хлеба в Москву и другие города.

Некогда обширный усадебный комплекс до нашего времени дошёл лишь фрагментарно, утрачены важ-

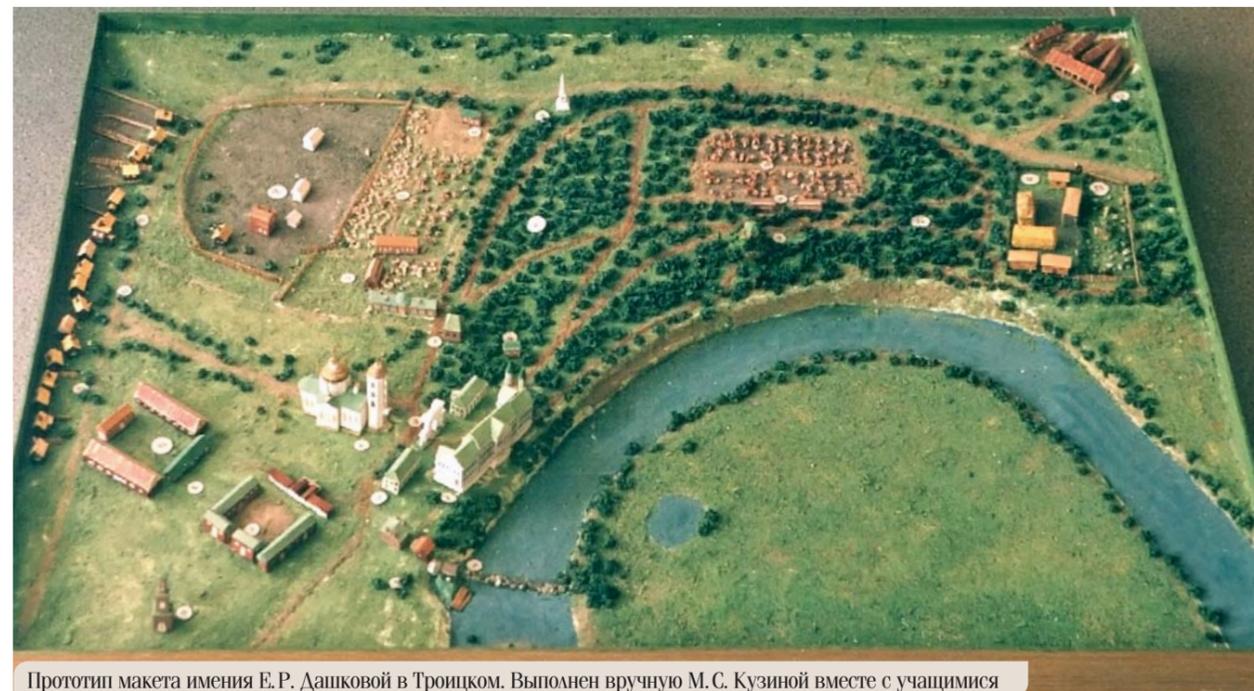


Герб графов Воронцовых

нейшие постройки центрального ядра. Среди немногих сохранившихся построек особое исследовательское внимание привлекает Троицкая церковь — не только как составная часть комплекса усадьбы и пример культовой архитектуры середины XVIII в., но и как мемориальный памятник, ставший мавзолеем — усыпальницей.

Здесь, в Троицком, которое Дашкова считала «одним из самых красивейших имений в России и за границей», прожила она безвыездно с 1798 года до самых последних дней.

В её храме, силами и средствами Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой воздвигнута



Прототип макета имения Е.Р. Дашковой в Троицком. Выполнен вручную М.С. Кузиной вместе с учащимися



Макет усадебного комплекса в Троицком. Фрагмент экспозиции школьного мемориального музея Е.Р. Дашковой

надгробная плита над её прахом, горят свечи подле иконы Святой Екатерины, хранящей память бывшей хозяйки большого шумного дома, вокруг которого цвели сады, шумели липы, играла музыка в театре и гуляла по аллеям многочисленные родственники и гости княгини... — примерно так рассказываем мы гостям, показывая сохранившиеся останки уникальной усадьбы XVIII века: арку въездных ворот как памятник

архитектуры XVIII века, флигели, наш, всеми любимый Храм, в устройство которого после разрухи внёс большую лепту институт им. Е.Р. Дашковой, несколько, ещё её, вековых лип, фундамент господского дома, на раскопках которого были найдены самые ценные экспонаты — её вещи, которые мы с гордостью показываем посетителям мемориального музея Е.Р. Дашковой, созданном при школе им. Е.Р. Дашковой в маленьком



Подсвечник
Найден учащимися Троицкой средней школы на развалинах господского дома в 50-е гг.

Предметы экспозиции школьного мемориального музея Е.Р. Дашковой



Экспозиция школьного мемориального музея Е.Р. Дашковой



Арка въездных ворот



Руины театрального здания в Троицком

городке Кремёнки на противоположном берегу Протвы близ Троицкого.

Промчатся годы и века... Много воды унесёт быстрая река, на высоком берегу которой, сидя у открытого окна милого дома вместе с любимицей своей Мартой Вильмот, писала княгиня свои знаменитые «Записки», где мечталось ей сохранить красоту усадьбы, храм и арку въездных ворот как памятник архитектуры века золотого, и развивать...

Испросив разрешение Императора Александра I носить двойную фамилию внучатому племяннику — Ивану Илларионовичу Воронцову, княгиня завещает своё любимое Троицкое ему и любимому племяннику — сыну младшего брата — Михаилу Семёновичу Воронцову.

Иван Илларионович Воронцов-Дашков, государственный тайный советник, владелец с 1807 года, родоначальник новой ветви рода Воронцовых, по Указу Александра I являющихся продолжателями рода Дашковых (от августа 1807 г).

Михаил Семёнович Воронцов, герой войны 1812 г., генерал-адъютант, камергер, наместник на Кавказе, губернатор Одессы, крупный государственный деятель.

Молодые владельцы усадьбы не проживали там постоянно, они оформляли доверенность управляющему Каблукову, который сдавал в аренду Никифоровой — суконную фабрику, Новиковой — бумажную фабрику, которая была рентабельной и очень прибыльной. Работала бумажная фабрика вплоть до 1921 года.

Троицкое было разрушено во время Первой русской революции 1905–1907 годов. Вот как писал об этом в своих записках Н. Н. Врангель: «Самое страшное уничтожение в Калужской губернии — гибель Троицкого княгини Дашковой... Я был в Троицком, когда три дня подряд горели окрестные сёла... умирало всё, не только в усадьбе, но и кругом, повсюду. И думалось, что только случайно ещё не съел огонь и не постигла разруха все родовые гнёзда...»

Слава Богу, Храм Живоначальной Троицы во все времена притягивал к себе, и новые люди, съехавшиеся на благословенную Калужскую Землю со всех концов Советского Союза в 80-е годы в Кремёнки, с радостью и вдохновением тянулись по узкой тропинке и затем через навесной мостик, построенный бывшей хозяйкой любимого ею Троицкого к намоленному, желанному для Души Храму.

Здесь буду я витать
Близ милой мне Протвы,
В дыханьи ветра,
В шелесте листвы... —

это строки писателя Галины Черногловиной о княгине («Поэтическая хроника из жизни Е.Р. Дашковой...»). 📖



Храм в честь Святой Живоначальной Троицы в селе Троицкое



Место упокоения Е.Р. Дашковой в Троицкой церкви

НЕЗРИМЫЕ ПЛАСТЫ ИСТОРИИ

Галина Массалитина,
ведущий научный сотрудник Национального парка «Угра»,
кандидат исторических наук

Игорь Болдин,
заведующий научно-исследовательским отделом
Калужского объединённого музея-заповедника,
кандидат исторических наук

Документированная история Калуги начинается в XIV веке: крепость возникла как опорный пункт Московского княжества вблизи русско-литовской границы и впервые упоминается в грамоте литовского князя Ольгерда в 1371 года. Из текста документа становится понятно, что город временно находился в руках Литвы, но к этому году уже не принадлежал ей. В 1389 году Дмитрий Донской завещал Калугу своему сыну князю Андрею и к концу XIV в. она, таким образом, оказалась в составе Можайского княжества, которым владел его сын.

Начальная история города малоизвестна: письменные источники малочисленны и скудны. Характер имеющихся археологических данных до сих пор не позволяет обоснованно прокомментировать даже главную интригу ранней калужской истории — мнение о неоднократном переносе

города, бытующее ещё со времён первых исследователей калужской старины XVIII века. Почвой для него служит наличие трёх городищ, как в черте современного города, так и в ближайших его окрестностях.

Состояние исторического культурного слоя Калуги в целом вызывает большую тревогу. Его археологическое обследование началось сравнительно недавно, в середине 1990-х годов, носит очень эпизодический характер и сводится, преимущественно, к наблюдению за строительными работами и закладке шурфов. Слой, зафиксированный так или иначе на всей исторической части города, суммарно датируется XIV–XIX веками. Основными проблемами охраны исторического культурного слоя Калуги были и остаются: отсутствие паспорта и охранной зоны, а также системы обеспечения его сохранности.



Рис. 1. Макет калужской крепости. Экспозиция калужского объединённого музея-заповедника. Проект — И. В. Болдин, автор — Е. П. Столяров, член Союза художников России

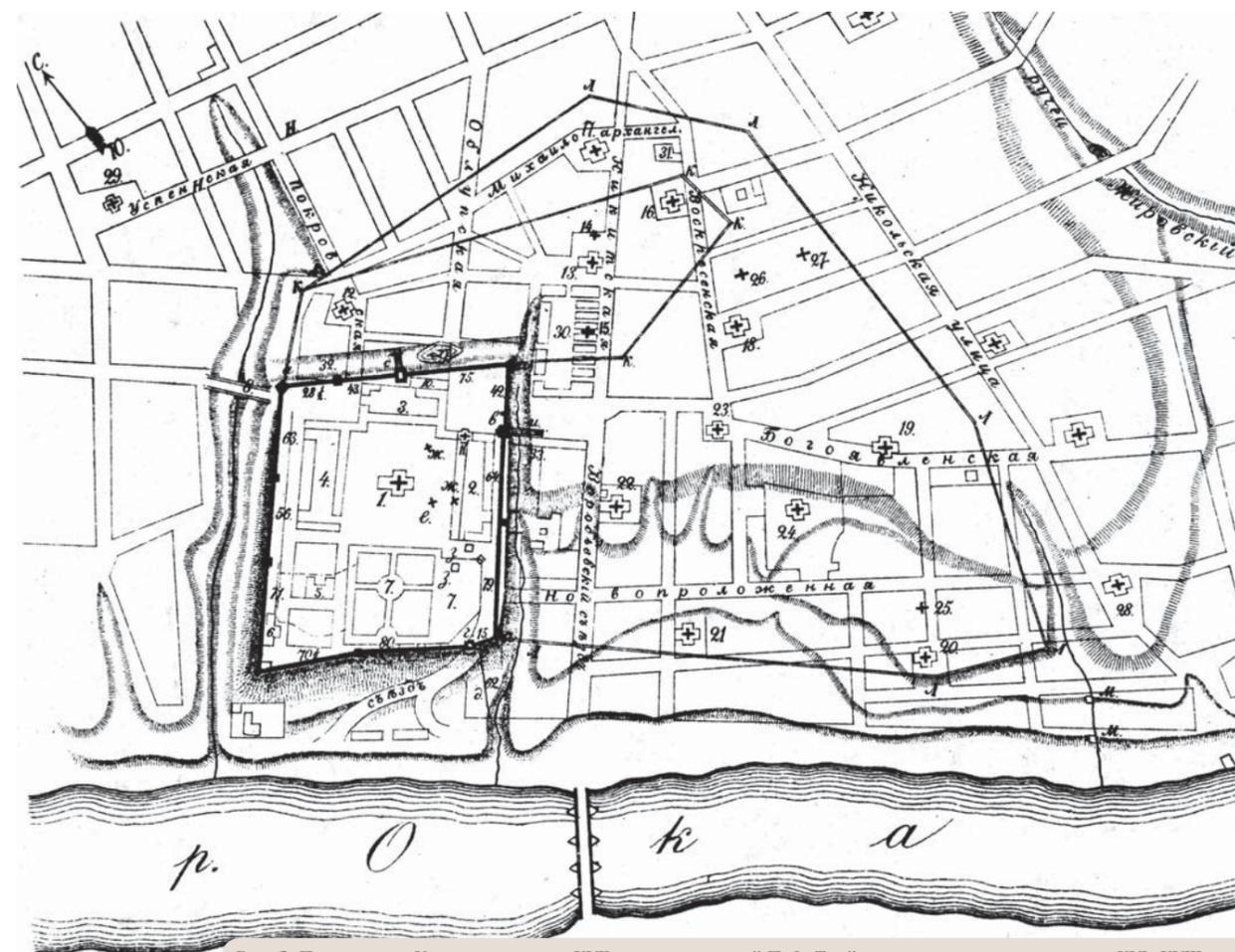


Рис. 2. План города Калуги на начало XVII в., выполненный П. Ф. Трейтером на основе документов XVI–XVIII вв.

В настоящей статье мы сосредоточимся на результатах археологических работ самых последних лет, имеющих непосредственное отношение к проблеме изучения топографии средневековой Калуги.

До недавнего времени главной угрозой сохранности исторического городского слоя калужским археологам представлялся интенсивный характер современного градостроительства, на фоне которого масштабы археологической деятельности были ничтожны. Но итоги раскопок нескольких последних лет показали, что уничтожение археологических свидетельств древнего прошлого Калуги начато не нынешними строителями.

Роль пограничной крепости, призванной охранять подступы к центру страны сначала от литовцев, затем от татар, Калуга выполняла вплоть до середины XVII века. Если начальное её местоположение, как указывалось выше, продолжает оставаться предметом дискуссий, локализация крепости в XVI–XVII веках вопросов не вызывает. В 1899 году на основе документов конца XVI–XVIII веков П. Ф. Трейтером была выполнена реконструкция калужской крепости и острога и составлен план города на начало XVII века (рис. 1, 2). Отдельные свидетельства, полученные в ходе строительных работ XX века, натурные обследования и немногочисленные археологические данные наших дней не дают оснований сомневаться в правильности предложенной реконструкции. Структур-

ные составляющие Калуги XVI–XVII веков на территории современного города локализируются с большой определённой. Необходимо оговориться, что в исторических документах при описании Калуги XVI–XVII веков используются разные наименования: крепость — город — кремль; посад — острог («старый» и «новый»), а также слободы, лежащие около острога и входившие в посад. Мы не будем вдаваться в детальный анализ этих терминов, их топографической привязки и соотношения с участками современного города — для затрагиваемой в статье темы это не имеет большого значения.

Прямоугольная в плане крепость Калуги стояла на высоком берегу Оки между двумя глубокими оврагами — Березуйским и Городенским. В северо-восточной части естественные укрепления отсутствовали, и там крепость была защищена валом и рвом. Остатки вала сохранялись ещё в конце XVIII и даже начале XIX веков. После образования в 1776 году Калужской губернии и учреждения наместничества Калуге надлежало приобрести совершенно иную планировку в соответствии с новым регулярным планом. Историческая часть города подвергалась полной переделке. Интенсивное «построение города» в целом, правда, началось только во второй половине 80-х годов XVIII века, после корректировки первоначального плана в Петербурге. В начале XIX века центр Калуги был уже практически застроен.



Рис. 3. Деревянные остатки калужской крепости, обнаруженные в ходе строительных работ 1935 г. по ул. Баженова

На участке старого города, включающем территорию крепости, по регулярному плану предусматривалась только каменная застройка. Осуществление этого плана началось с возведения ансамбля Присутственных мест (архитектор П. Н. Никитин). Ансамбль П-образный в плане: три корпуса соединялись проездыми арками; все они попадали на территорию крепости. Восточный корпус поставлен в непосредственной близости от Городенского оврага, который был полностью засыпан и спланирован.

Ныне большая часть пространства бывшей крепости, наряду с застройкой XVIII–XX веков, занята городским парком культуры. Северо-восточная стена крепости, в соответствии с реконструкцией П. Ф. Трейтера, проходила за современной оградой парка. Подтверждением этому служат результаты земляных работ 1935 года на ул. Баженова (рис. 3). Насколько позволяют судить сохранившиеся фотографии, проложенная вдоль проезжей части этой улицы длинная траншея тянулась от края Березуйского оврага и заканчивалась вблизи арки Присутственных мест. На всём протяжении траншеи на фото хорошо просматриваются остатки мощных деревянных конструкций: на одном из кадров — в виде частокла, идущего под некоторым углом к линии улицы, на другом — в виде параллельных стенок, сложенных в несколько брёвен (клетки —?). Фрагменты нескольких брёвен в настоящее время экспонируются в одном из залов Калужского объединённого музея-заповедника. Археологические исследования разведочного характера 1990-х годов в городском парке и сопредельной терри-

тории (закладка шурфов) показали отсутствие хорошо выраженного средневекового слоя. По немногочисленным находкам фрагментов глиняной посуды, собранной в шурфах, можно утверждать, что обозначенный участок берега Оки (между речкой Березуйкой и ручьём Гордецким) калужская крепость занимала с конца XVI века. Вопрос же о времени её возникновения здесь (перенесения (?) сюда) остаётся не решённым.

О том, что культурный слой на месте крепости в границах парка сильно нарушен сомнений не было априори. Его пространство занято не только зелёными насаждениями и лавочками. В центральной части воздвигнут гигантский кафедральный Троицкий собор, закладка которого состоялась в 1786 году. Многочисленные аттракционы (включая гигантское колесо обозрения), функционирующие в советское время по всей площади парка, должны были иметь мощнейшие фундаменты. Тем не менее, использовалась любая возможность разведать ситуацию с состоянием слоя. В 2010 году в парке проводилось благоустройство, в том числе реконструировалась система освещения. Траншеи под электрокабели, проложенные перпендикулярно друг другу, пересекли весь парк в нескольких местах (рис. 4). Работы сопровождались археологическим надзором, показавшим отсутствие исторического культурного слоя на месте средневековой крепости: траншеи на всём их протяжении были заполнены плодородным грунтом, специально привезённым при закладке парка, либо асфальтом со щебёнкой — результат планировки аллей; ниже залегал материк.

В 2012 году раскопками исследовалась территория внутри калужских Гостиных рядов постройки конца XVIII века, сооружённых на месте более раннего деревянного торгового ряда (рис. 5). Работы велись в связи с планами реконструкции этого знаменитого памятника архитектуры, предполагающими строительство обширной подземной парковки.

Гостиные ряды расположены в непосредственной близости от парка культуры и отдыха — места средневековой крепости; занятый ими участок городской застройки соответствует месту положения посада XVI–XVII веков. Ряд документов XVII–XIX веков (рис. 6) и работы исследователей позволяют составить представление о калужском посаде этого периода. Он находился к северо-востоку от крепости («города») и состоял из укреплённого земляным валом с тыном и рвом «острога» и прилегающими к нему слободами. О дополнительном укреплении острога позаботился И. Болотников, благодаря чему в 1606–1607 годах восставшие во главе с ним смогли выдержать 4-месячную осаду. Более года продержался в Калуге и воевода Скотницкий, сменивший Болотникова. В 1609 году под защиту калужских стен бежал из Тушина Лжедмитрий II, убитый вскоре неподалёку от крепости.

Самая древняя сохранившаяся опись города (1617 год) даёт возможность судить о его размерах и численности населения: он занимал площадь около 1 кв. км, на которой проживало примерно две тысячи жителей.



Рис. 4. Земляные работы на территории городского парка. 2010 г.

Весной 1618 года Калуга была захвачена запорожцами под предводительством гетмана Сагайдачного, спалившего острог и перебившего часть жителей. В 1622 году сильный пожар снова опустошил начавшую было восстанавливаться Калугу. В жалованной калужанам грамоте они даже освобождались от податей в течение трёх лет в свя-

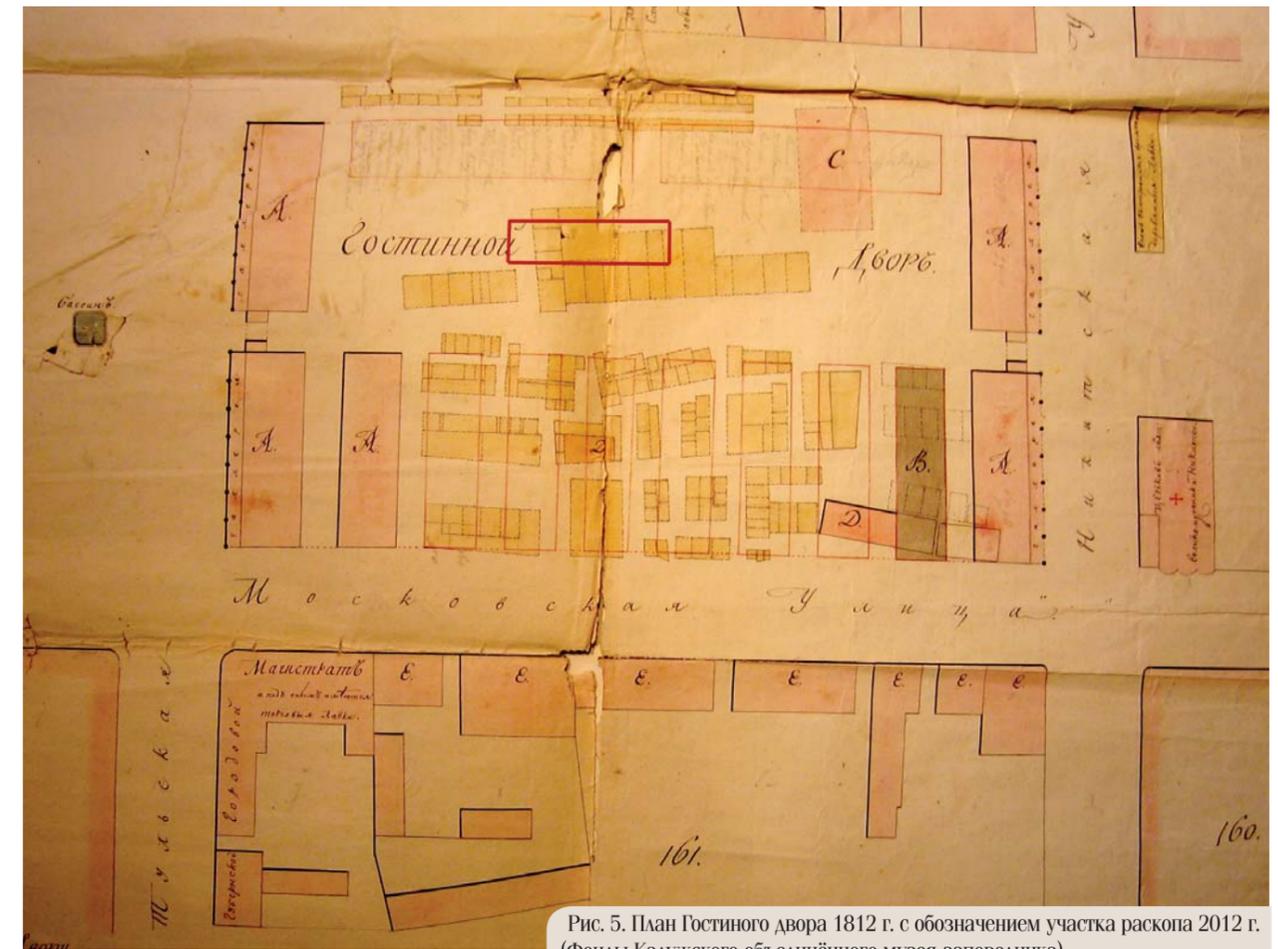


Рис. 5. План Гостиного двора 1812 г. с обозначением участка раскопа 2012 г. (Фонды Калужского объединённого музея-заповедника)



Рис. 6. План города Калуги до создания плана регулярной застройки. Конец XVIII в. (Фонды Калужского объединённого музея-заповедника)

зи с чрезвычайно тяжёлым положением. Старый острог, сильно пострадавший, восстанавливать не стали, возвели новый. Он охватывал значительно меньшую территорию: после постигших Калугу многочисленных бедствий (осады войска Болотникова, татарских набегов 1615, 1616 годов, польских набегов 1617, 1618 годов). Калуга была разорена, её население уменьшилось вдвое; по описи 1626 года в ней насчитывалось всего около тысячи жителей. От старого острога остались лишь участки земляных валов, близ которых располагались ямские слободы.

Вал, ограждавший крепость с северо-востока, начинался у Березуйского оврага (там, где сейчас Каменный мост) и тянулся между современными улицами Баженова и Кропоткина почти до гостиных рядов. У наружного

склона вала был ров шириной около 10 саж. (порядка 20 м). П. А. Трейтер предполагал, что остатками этого рва мог быть небольшой пруд, имеющийся на карте Калуги 1792 года, на месте нынешнего здания главпочтамта. Далее, по реконструкции П. А. Трейтера, было свободное пространство шириной около 20–30 саж. (порядка 60 м) — противопожарная полоса, за которым начинался северо-восточный посад.

Обширный комплекс гостиных рядов, что уже отмечалось выше, попадает на территорию посада. Это обстоятельство, безусловно, учитывалось при планировании археологических работ, обещавших, как представлялось, дать интересный материал по истории средневековой Калуги.



Рис. 7. Раскоп 2012 г. на территории Гостиного двора в Калуге

Мощность культурного слоя в раскопе, площадью 108 кв. м, превышала 2 м (рис. 7), но весь полученный обширный материал датирован периодом не ранее середины XVIII века. Необходимо отметить, что сами по себе результаты работ оказались весьма примечательны и, в какой-то степени, для Калуги пока беспрецедентны. Они велись не на строительной площадке, когда над головами нависает ковш экскаватора, а сами головы (иногда, по требованию заказчиков) должны быть в строительных касках, а в условиях штатной рабочей необходимости. Впервые калужские

археологи погрузились в мир «деревянно-лапотного» города (рис. 8): характер грунта сохранил множество фрагментов кожаных изделий, деревянных и плетёных коробов, туесков и другой продукции (рис. 9–10). В ходе работ был выявлен великолепно сохранившийся дренажный колодец деревянной уличной ливнёвки, нижние части двух срубных построек в 4–5 венцов с полом и погребом. Не избалованные этим прежде, мы с упоением разбирали вполне определяемые конструктивные детали этих сооружений. Анализ находок и стратиграфии позволил реконструировать историю



Рис. 8. Раскоп 2012 г. на территории Гостиного двора в Калуге. Заглублённые помещения деревянных торговых рядов XVIII в.

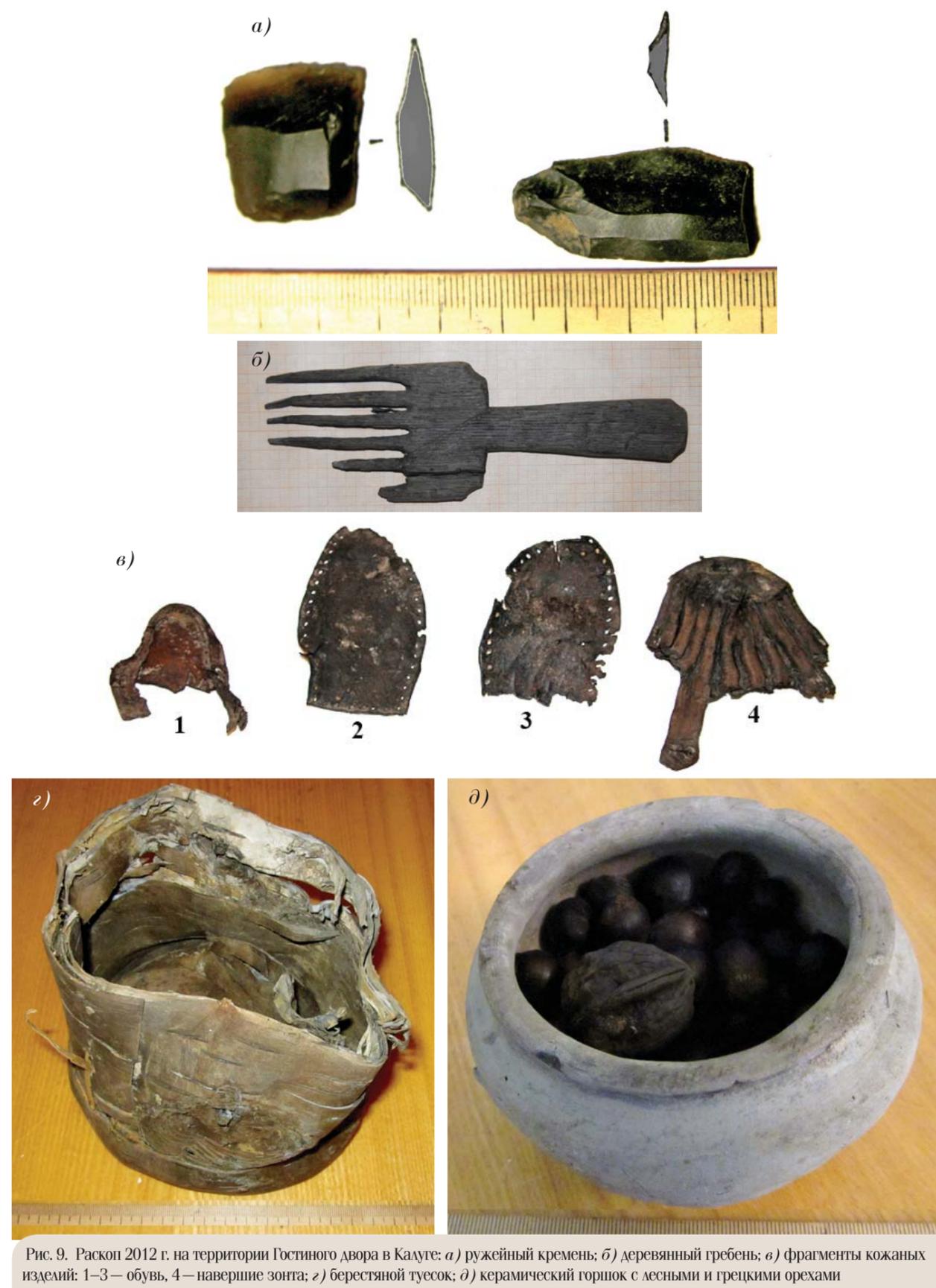


Рис. 9. Раскоп 2012 г. на территории Гостиного двора в Калуге: а) ружейный кремь; б) деревянный гребень; в) фрагменты кожаных изделий: 1–3 — обувь, 4 — навершие зонга; г) берестяной туюсок; д) керамический горшок с лесными и грецкими орехами

участка в пределах Гостиных рядов за период середины XVIII—XX веков. Срубы, по археологическому материалу и данным дендрохронологии датированные временем не ранее середины XVIII века, очевидно, выполняли какую-то функцию ещё на стадии существования деревянных торговых рядов (хранение продукции —?). В котловане одной из срубных построек в 20-е годы XIX века образовалась обширная мусорная яма. Именно она дала массу фрагментов бытовой утвари, одежды, обуви и т.д. из дерева, лыка, бересты, кожи, стекла, глины.

Гостиный двор сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Следы разрушения и последующего ремонта, в виде пласта мощностью до 1,5 м, фиксировались на всей территории раскопа. В 60-е годы XX века часть строительного мусора была вывезена, поверхность спланирована. Самый верхний слой раскопа также представлял собой слой строительного мусора последующего времени (асфальт, щебёнка, битый кирпич, мусор): он связан с неоднократными перестройками разных участков Гостиных рядов.

Опасения о возможном использовании культурного слоя средневековой калужской крепости для засыпки одного из двух оврагов, между которыми она располагалась, возникли и раньше. Это предположение было естественным при обращении к анализу древней топографии участка берега Оки, на котором стояла крепость: ничто в современном рельефе Калуги не напоминает об обширном и глубоком Городенском овраге, по месту которого ныне осуществляется интенсивное автомобильное движение. Раскоп на территории Гостиных рядов, судя по плану П. Ф. Трейтера, пришёл на верховья этого протяжённого оврага. Культурный слой посада, также, видимо, пошёл на его засыпку и планировку поверхности. Таким образом, худшие опасения о судьбе исторического культурного слоя Калуги — увы — теперь подтверждаются археологически. И надежды на «совершенно неисследованную территорию городского парка, изучение которой позволит пролить свет на историю возникновения калужской крепости» (цитата из издания «Археология Калужской области», вышедшего в 1999 году), пока не оправдываются.

Тем не менее, предаваться полному отчаянию не следует, кое-какие перспективы в этом отношении у калужской археологии ещё остаются. Крепость имела размеры около 260×300 м. Восточную её часть занимают сооружения XVIII–XIX веков (западный корпус Присутственных мест, здание управления Сызрано-Вяземской железной дороги, дом генерал-губернатора) и узкий сквер, вытянутый вдоль Березуйского оврага («Золотая аллея» — один из приятных уголков отдыха в Калуге). Безусловно, о широкомасштабном исследовании этой части крепостной территории речи уже не идёт, но ра-



Рис. 10. Раскоп 2012 г. на территории Гостиного двора в Калуге. Стекланные клейма на бутылках с обозначением года выпуска

боты на ограниченной площади по поводу каких-нибудь потенциальных реконструкций возможны.

Бывший посад застроен гораздо более плотно, но и площадь его была значительно больше. В связи с обозначенной проблемой археологический контроль за интенсивным городским строительством на его территории теперь становится особенно актуальным. ■



Рис. 11. Раскоп 2012 г. на территории Гостиного двора в Калуге. Г.А. Массалитина (ведущий научный сотрудник НИП «Утра») и О.Н. Соломина (директор Института географии РАН) отбирают образцы для дендрохронологических исследований

ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

МЕЦЕНАТСКИЙ ПРОЕКТ КАЛУЖСКОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА Н. И. ВАСИЛЬЕВА

Ирина Гужова,

старший научный сотрудник Калужского музея изобразительных искусств

В год столетнего юбилея КМИИ хочется ещё раз с благодарностью вспомнить калужского коллекционера и мецената Н. И. Васильева (1832–1917), стоявшего у истоков его создания. Н. И. Васильев — один из многих меценатов России конца XIX — начала XX века, которые сыграли огромную роль в истории русской культуры. В отличие от своих выдающихся и всем известных современников — П. М. и С. М. Третьяковых, С. Т. Морозова, К. Т. Солдатенкова, А. А. и А. А. Бахрушиных, С. И. Мамонтов, П. И. и С. И. Щукиных и многих других, его меценатский проект не был реализован из-за революционных событий 1917 года, поэтому он остался почти неизвестным широкому кругу публики. Но хотя его замыслам не удалось осуществиться, всё равно, он вошёл в историю русского меценатства как коллекционер и меценат, положивший начало созданию художественного музея в Калуге.

Никанор Иванович Васильев родился в Калуге 27 ноября (08 декабря) 1832 года, в семье вольноотпущенного крестьянина. В 1938 году он поступил фельдшером в больницу при Калужском Благородном пансионе. Никанор Иванович после окончания Калужской гимназии (1841–1851) поступил в Императорский Московский университет на медицинский факультет. В 1856 году он окончил с отличием университет, и был утверждён в степени лекаря и звании городского врача.

Десять лет Н. И. Васильев служил врачом и акушером в Жиздре, потом Медыни и Боровске Калужской губернии. В 1866 году его переводят в Херсон на должность акушера врачебного отделения Херсонского губернского правления, в 1870 году он назначается помощником инспектора Врачебного отделения. В той же должности он продолжает службу в Ярославле, куда его перевели в 1876 году. В период русско-турецкой войны Никанор Иванович служил старшим врачом в Ярославской городской больнице для раненных и больных воинов, за что был награждён знаком Красного Креста.

С июня 1878 года Никанор Иванович продолжал службу в Нижнем Новгороде в качестве помощника инспектора Врачебного отделения Нижегородского губернского правления. В марте 1880 года Никанор Иванович был пожалован «за ревностную службу» орденом Святого Станислава III степени. Прослужив ещё несколько лет в этой должности, Никанор Иванович в 1889 году окончательно ушёл в отставку с чином статского советника (5-й класс по «Табели о рангах»). С тех пор он занимался частной медицинской практикой, служил консультантом

в частных клиниках, выступал со статьями на медицинские темы в газетах и журналах.

В 1901 году Н. И. Васильев вернулся в Калугу, купил дом на углу Молотковской улицы и Титовского переулка (ныне ул. Дзержинского, 81). Он частично перестроил дом, на первом этаже было отведено помещение для галереи, где он разместил свою коллекцию. До 1909 года он ещё продолжал приобретать новые работы для пополнения своей коллекции.

За этой внешней жизнью врача и чиновника, отражённой в формулярном списке чинами и наградами, была другая жизнь — жизнь коллекционера, любителя искусств, вехами которой были новые приобретения в его собрании.

Как всякий коллекционер Н. И. Васильев начинал собирать коллекцию произведений искусства для себя, для собственного эстетического удовольствия, но постепенно он приходит к пониманию значимости его собранная для людей, для общества, к пониманию того, что эти художественные ценности не могут принадлежать одному человеку, они должны принадлежать обществу. Желание передать свою коллекцию на нужды просвещения и народного образования определялось нравственной позицией Никанора Ивановича. Видимо, он довольно рано пришёл к пониманию этого, и начал собирать не просто понравившиеся ему произведения, а стремился, чтобы его коллекция имела универсальный характер, чтобы в ней были представлены произведения не только современных русских художников, но и произведения мастеров разных западноевропейских школ и мировой художественной классики. Для этой цели он специально приобретает копию с картины Джоржоне «Спящая Венера», уменьшенную



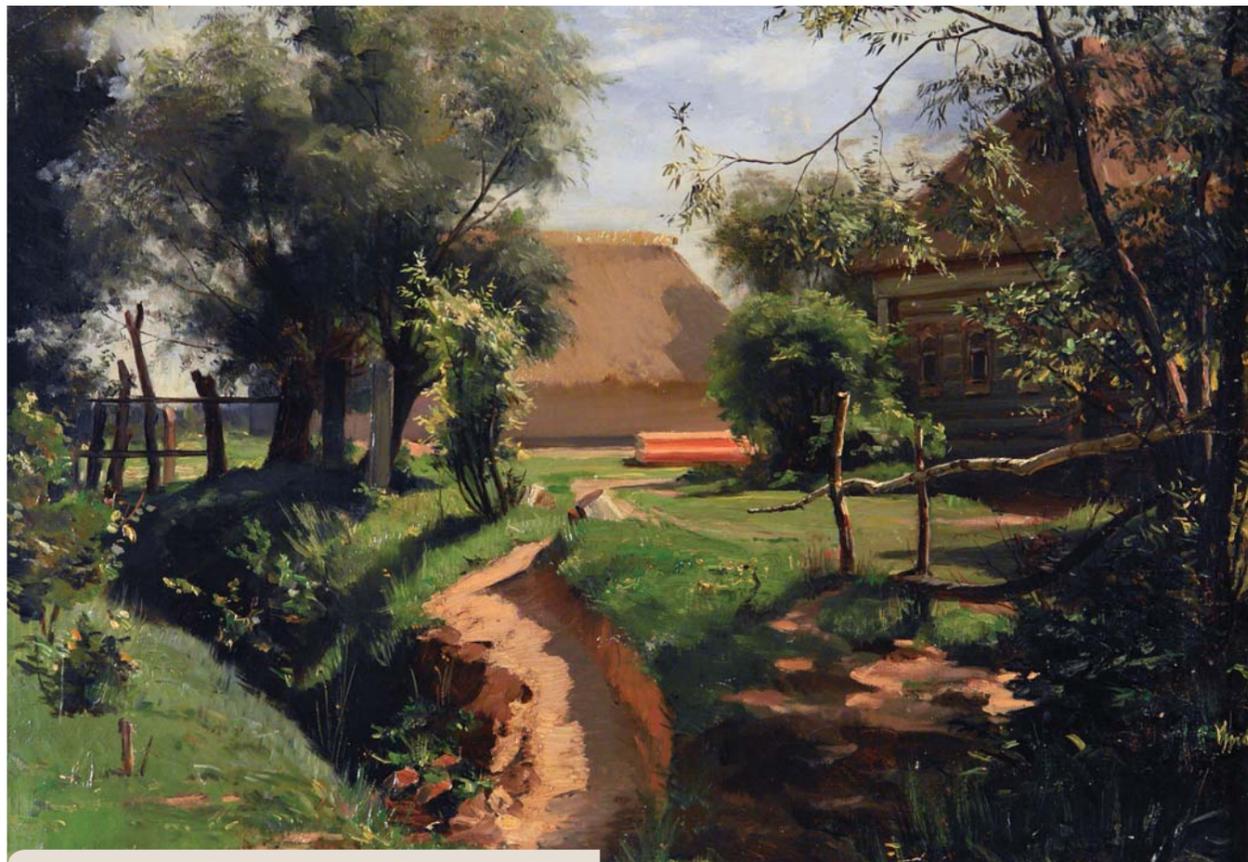
Дом Н. И. Васильева. Арх. П. И. Гусев. Здесь с 1918 по 1927 г. располагался Калужский художественный музей. Калуга, ул. Дзержинского, 81. Фотография из научного архива КМИИ



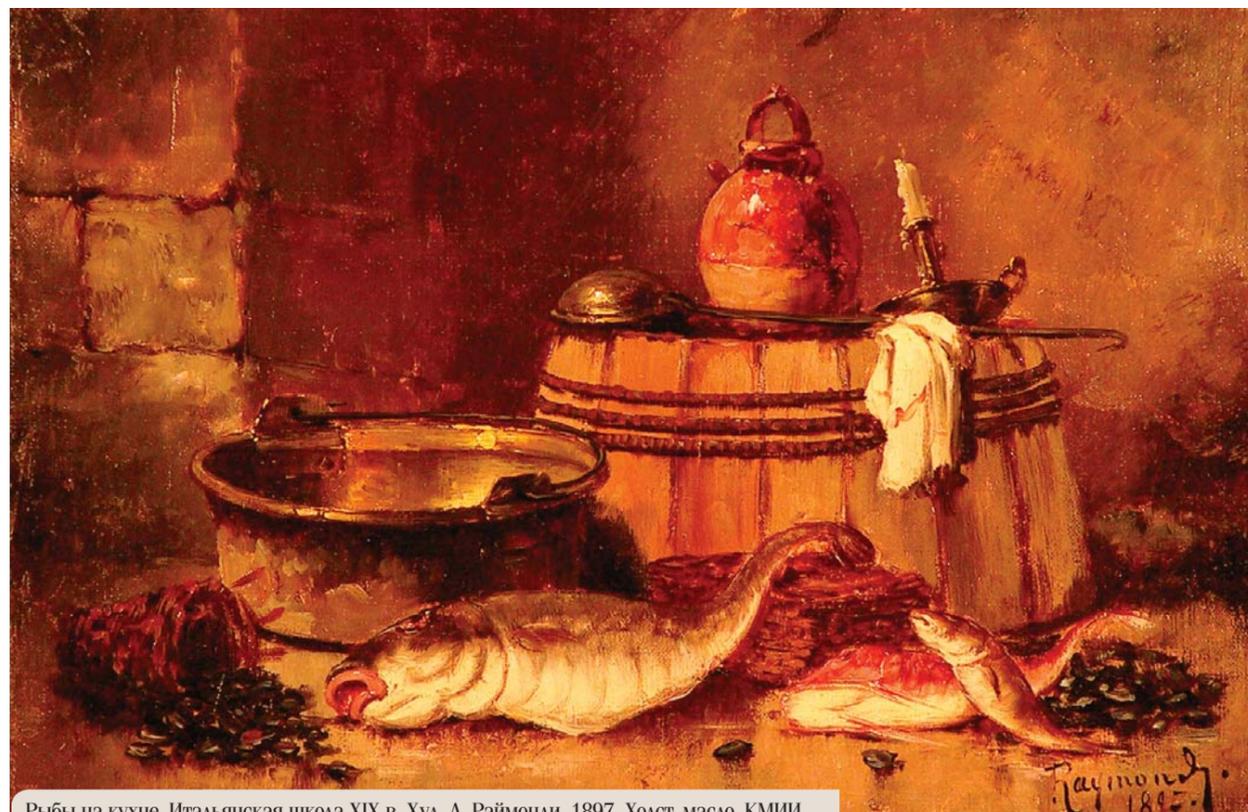
Портрет Н. И. Васильева. Худ. А. О. Карелин. 1894. КМИИ



Вид части экспозиции в помещении художественного музея (дом Н. И. Васильева). 1923 г. Фотография из научного архива КМИИ



Задворки. Худ. И. М. Прянишников. Этуд. Холст, масло. КМИИ



Рыбы на кухне. Итальянская школа XIX в. Худ. Л. Раймонди. 1897. Холст, масло. КМИИ



Птичий двор. Французская школа XIX в. Худ. К. Гиймине. Холст, масло. КМИИ



Портрет неизвестной. Худ. И. Робийяр. 1850-е гг. КМИИ

копию римской статуи III века до н.э. «Венера Каллипига», и уменьшенную копию со статуи Микеланджело «Давид» и ещё несколько работ. Для этой цели он заказал или купил у малоизвестного художника Рябкова копию самой известной картины И. Е. Репина «Бурлаки на Волге».

Собрал Никанор Иванович и литературу по искусству, не только для собственного самообразования, но и для будущих поколений. К сожалению, не вся его библиотека сохранилась, но, судя по сохранившейся описи, в ней были: «История искусства» П. П. Гнедича в пяти томах, «История искусства» Любке, «Философия искусства» И. А. Тэна, издание гравюр с лучших произведений европейской живописи, изданное в Лейпциге в пяти томах; издание гравюр «Ветхий и Новый завет»; альбомы с фотографиями произведений искусства из западноевропейских музеев, и фотографиями памятников архитектуры Рима.

В России в XIX веке уже были известны примеры благотворительности в сфере просвещения и народного образования. Никанор Иванович, конечно, знал о существовании Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища в Москве, созданного в 1825 году как «Школа рисования в отношении к искусствам и ремёслам» по инициативе графа С. Г. Строганова, готовившего художников для промышленности в России. В неё принимались все желающие, независимо от социального положения. Никанор Иванович хотел создать подобное учебное заведение в Калуге, и разрабатывал свой меценатский проект по его устройству на основе «Положения о художественно-промышленных учреждениях ведомства Министерства финансов», утверждённом 10 июня 1902 года, которое в свою



Итальянская школа XVII в. Худ. К. Чиньяни. Дама с букетом. Холст, масло. Утрачена во время оккупации Калуги в 1941 г. Фотография из научного архива КМИИ



Часть экспозиции отдела русского искусства. 1938. Цифрами отмечены картины, утраченные во время оккупации г. Калуги, в том числе из коллекции Н.И. Васильева: 1. Н. А. Ярошенко. Старик-пастух. 1892 г.; 2. Рябков. Копия с картины И. Е. Репина «Бурлаки на Волге»; 3. В. А. Гольинский. Рыбная ловля; 4. В. Е. Маковский. Голова старика. Этюд; 6. И. К. Айвазовский. Лунная ночь на море. 1852; 7. А.-А. Л. Поплавский. У берега; 8. Картина не установлена. Фото из научного архива КМИИ



Лес по дороге в Маниенгоф. Худ. И.И. Шишкин. Холст, масло. Утрачена во время оккупации Калуги в 1941 г. Фотография из научного архива КМИИ



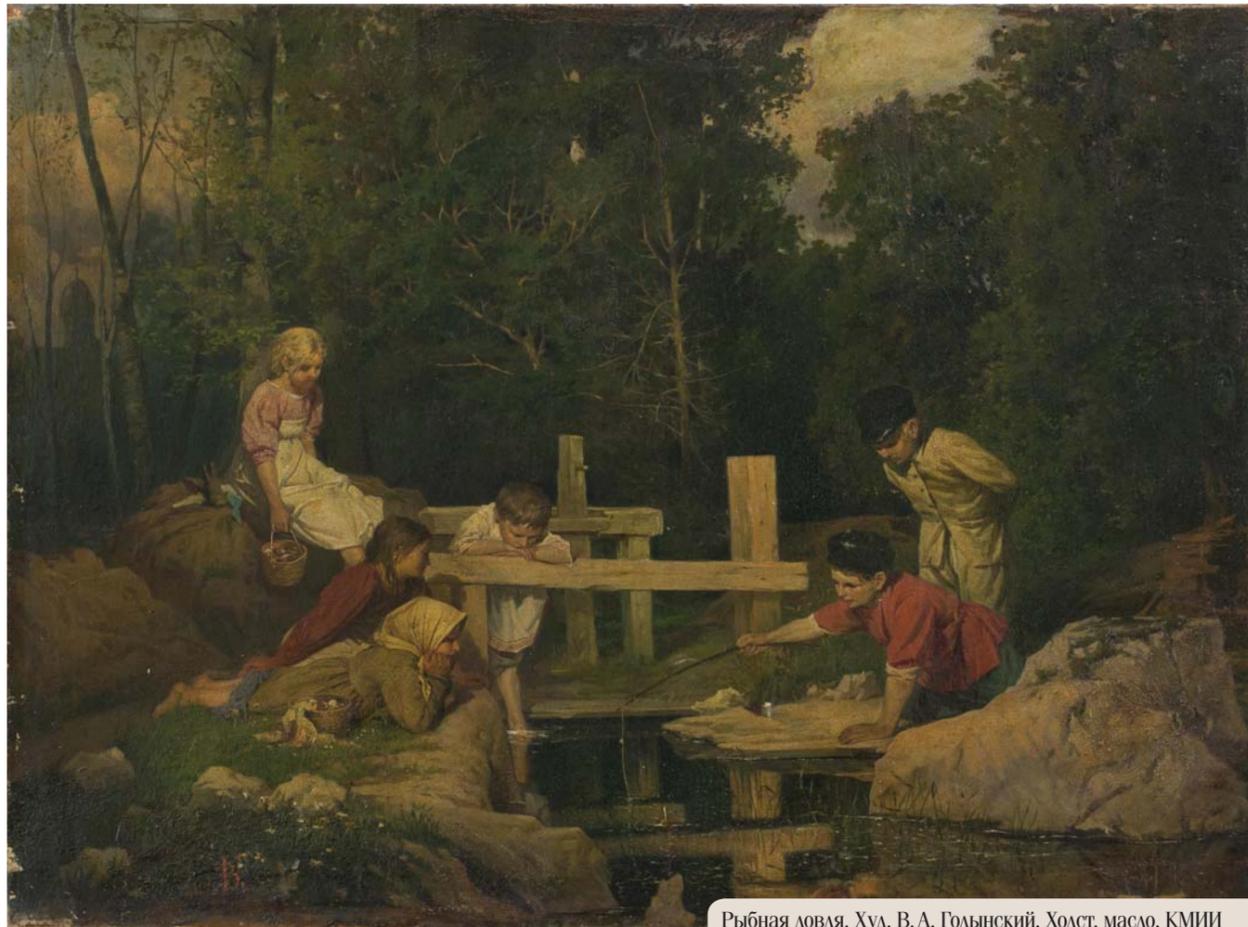
Цветы. Неизвестный художник XVII в. Дерево, масло. Утрачена во время оккупации Калуги в 1941 г. Фотография из научного архива КМИИ



Ван Дейк, пишущий портрет. Бельгийская школа XIX в. Худ. А. Пломмо. 1853. Холст, масло. КМИИ



Прибой. Худ. И.К. Айвазовский. 1895. Холст, масло. КМИИ



Рыбная ловля. Худ. В. А. Голынский. Холст, масло. КМИИ



Юноша с мечом. Французская школа II пол. XIX в. А. Э. Года. Бронза. КМИИ

очередь было создано на основе устава Строгановского училища. В нём предусматривалось создание музеев при художественно-промышленных школах и училищах «для развития вкуса и понимания искусства». В дополнении завещанию Никанор Васильевич пишет: «Прилагаемое при сём Положение о художественно-промышленных учебных заведениях Министерства финансов да послужит основанием к разработке плана такового для г. Калуги. Мне кажется планом для Калуги должны бы послужить рисовальные классы и художественно-ремесленные мастерские, описанные должностей которого (стр. 25 Положения). Что касается при нём музея, то опись предметов при сём также прилагается соответственную нумерациям на этикетках к каждому предмету». Как видно из текста его духовного завещания и дополнения к нему он хотел создать художественно-промышленное училище или школу, а при нём должен быть художественный музей, статус которого им определён в соответствии с Положением (п. 92). Таким образом, его коллекция могла послужить для развития художественного образования учащихся.

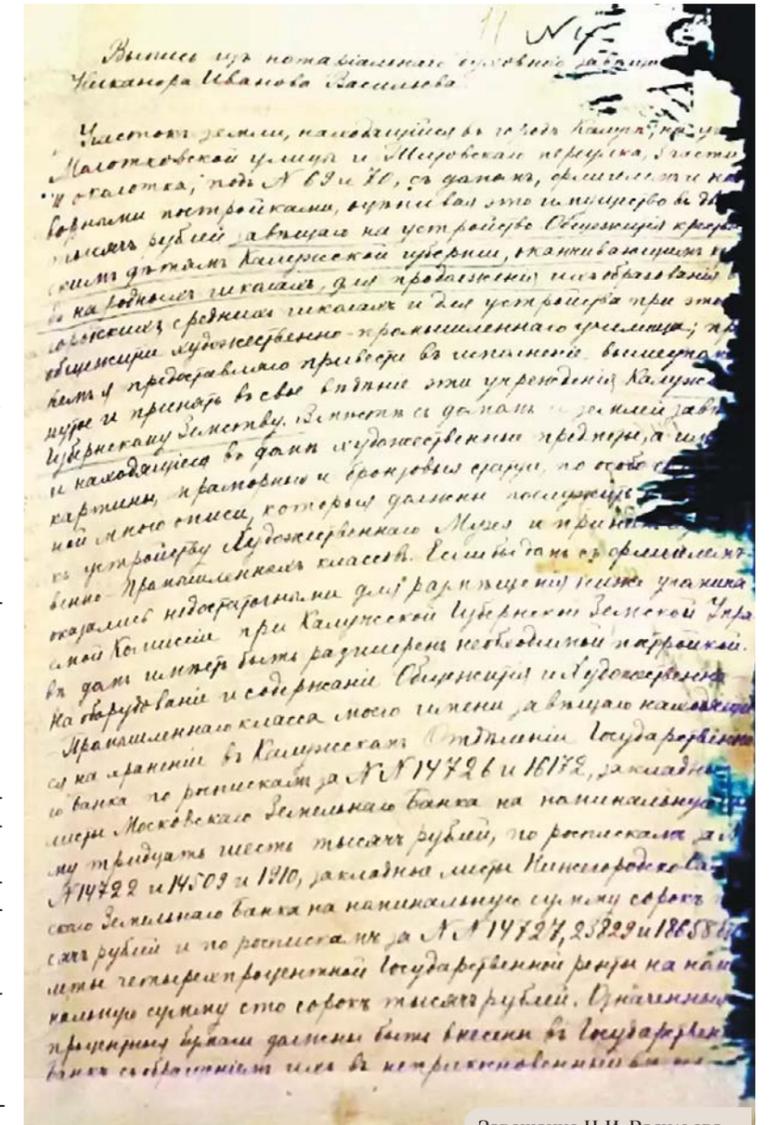
Свои мысли о народном образовании он изложил в Дополнении к завещанию, над которым размышлял в последние годы жизни. И это не случайно. Он сам был внуком крепостного крестьянина, его отец получил вольную, утроился на службу, что обеспечило Никанору Ивановичу и его брату возможность получить образование, и как тогда говорили, — «выйти в люди». Теперь он сам хо-

тел и имел возможность помочь крестьянским детям получить образование, поэтому в своём завещании он предназначил часть своего дома для устройства общежития крестьянским детям Калужской губернии, оканчивающим курсы народных школ для продолжения их образования в городских школах и училищах.

По завещанию Н. И. Васильева, составленному в 1905 году, городу Калуге в лице земства передавались художественная коллекция, капитал в банке и дом для создания в нём художественного училища и при нём художественного музея. «Вместе с домом и землёю завещаю находящиеся в доме художественные предметы, а именно: картины, мраморные и бронзовые статуи по особо мною составленной описи, которые должны послужить к устройству художественного музея и при нём художественно-промышленных классов».

Согласно завещанию для организации музея передавалась коллекция, которая включала 77 произведений живописи и графики русской и ряда западноевропейских школ, мраморную и бронзовую скульптуру (11) и фарфоровую пластику (3) — всего 91 произведение, а также небольшую библиотеку по искусству. Характер собрания отражал вкус и возможности собирателя. Почти половину живописных работ составляли произведения художников русской школы: И. К. Айвазовского, А. П. Боголюбова, Л. Ф. Лагорио, И. И. Шишкина, Н. Н. Дубовского, В. Е. Маковского, И. М. Прянишникова и других. Западноевропейская часть собрания включала произведения итальянских, французских, голландских, бельгийских, немецких художников и скульпторов XVI — XIX веков, среди которых были произведения таких авторов, как К. Чиньяни, Ж. Р. Браскасса, Э. Ф. В. Делакруа, Р. ван Тройена, Н. Ланкре (?), Ж. Ф. Ж. Свебаха, Э. М. Валле и ряда других. К сожалению, не все произведения из коллекции Никанора Ивановича сохранились в собрании Калужского музея изобразительных искусств до нашего времени, несколько работ были изъяты в музейный фонд, но большая часть — 42 произведения русских и западноевропейских мастеров были утрачены во время оккупации Калуги в октябре — декабре 1941 года.

Другая сторона его меценатского проекта — финансовое обеспечение существования художественно-промышленного училища и музея. Поэтому он сознательно собирал денежные средства для того, что бы обеспечить безбедное существование своего детища. Содержать общежитие, художественно-промышленные классы и музей следовало на проценты с завещанного капитала, заключавшегося в ценных бумагах: закладных листах Московского и Нижегородского земельных банков на общую сумму 76 тысяч рублей и билетах четырехпроцентной государственной ренты на номинальную сумму 140 тысяч рублей. Дом с флигелями был оценён на сумму 20 тысяч рублей. Всё это должно было обеспечить безбедное существование училища (или классов) и музея.



Завещание Н. И. Васильева

Н. И. Васильев умер в Калуге 20 февраля (05 марта) 1917 года. 21 февраля 1917 года его духовное завещание было оглашено на проходившем в городе 52-м очередном съезде Калужского губернского земского собрания. Присутствовавшие на нём депутаты и калужане высоко оценили и с благодарностью приняли этот дар городу.

Калужская губернская земская управа в соответствии с установленным порядком судопроизводства только 09 (22) ноября была введена во владение завещанным имуществом и могла бы приступить к организации училища и музея. Но резкий поворот истории в октябре 1917 года, нарушил планы создания в Калуге художественно-промышленного училища. Меценатский проект Н. И. Васильева не смог осуществиться в задуманной им форме. Но сама идея просвещения и народного образования на образах изобразительного искусства, заложенная в меценатском проекте Никанора Ивановича, реализуется в деятельности возникшего в Калуге на основе его собрания в 1918 году художественного музея, который теперь известен как Калужского музея изобразительных искусств. ■

НА ПОДМОСТКАХ XX ВЕКА

Из истории Калужского театра

Марина Кислицына,

методист выставочного театрально-музейного проекта
Калужского областного драматического театра

Революционные события 1917 года привели к коренной перестройке всей театральной жизни Калуги. Летом 1919 года Совет Народных Комиссаров учреждает декрет «Об объединении театрального дела». Этим декретом «молодое пролетарское государство» национализировало театры и всё театральное имущество. Калужский театр переходит в ведение Наркомпроса (народного образования). С 1901 года театр работал под руководством Е. Ф. Боура. И в первое послереволюционное время Евгений Фёдорович оставался во главе театральной труппы.

В стране шла Гражданская война, царили голод и разруха, а интерес калужского зрителя к театру был настолько велик, что билеты раскупались сразу после открытия касс — на все места, включая и «галёрку». Перед премьерой возле здания театра нередко можно было встретить людей, которые обменивали билеты на вещи, продукты, или продавали их за две-три цены от «государственной»

В 1920 году в театр был приглашён известный тогда всей театральной России режиссёр Фома Александрович Строганов, один из первых заслуженных артистов Российской Федерации.

Ну а первым директором Калужского театра в советский период стал В. В. Владимиров.

Театральная труппа была сформирована из очень ярких, одарённых актёров. Это, прежде всего, З. Н. Минаева впоследствии заслуженная артистка РСФСР, Г. Ф. Мартини впоследствии народный артист Дагестанской АССР, С. Н. Сладкий, В. Н. Ридаль, И. З. Шер, А. В. Образцова...

Постановки Калужского театра делались, в основном, по известным произведениям русских и зарубежных авторов. Между тем традиции ломались. В духе времени, когда в стране сурово и беспощадно утверждалась новая идеология, в Калуге был создан ещё один театр — «Театр революционной сатиры», название его — дань революционной моде — сокращалось и звучало несколько странно «Теревсат». Произошло это в феврале 1921 года. Директором, главным режиссёром и одновременно — ведущим актёром «Теревсата» стал Б. В. Бедлинский. Как и следует из названия, основной задачей театру вменялась аги-



Режиссёр Ф. А. Строганов



Труппа калужского Теревсата. 1921 год



Худсовет калужского Теревсата: А. Д. Васильев, Б. В. Бедлинский, Н. Г. Смирнов, В. П. Басилевский, А. А. Барышев



К. Э. Циолковский среди актёров Калужского театра. Фото М. Н. Лаврова

тация за советскую власть и пропаганда нового образа жизни, с чем революционные артисты вполне успешно справлялись. Ну а «старый» Калужский театр оставался верен классическому репертуару.

Сезон 1923–1924 годов в Калужском драматическом театре открылся под руководством режиссёра А. И. Тункова. В мае 1925 года в Калуге гастролировал народный артист республики В. Н. Давыдов и известный актёр П. Д. Муромцев. В марте 1927 года с труппой калужских актёров выступал народный артист республики И. М. Москвин, он исполнял роль Луки в пьесе М. Горького «На дне».

С опозданием на два года в 1929 году театр отметил 150-летие. Коллектив театра получил поздравление от народного комиссара просвещения, а в качестве подарка к юбилею и в ознаменование заслуг калужских театралов перед советской властью театру было присвоено имя главы наркомпроса, видного революционера-большевика А. В. Луначарского.

В начале XX века Анатолий Васильевич отбывал ссылку в Калуге и со свойственным ему великодушием отзывался о ней так: «Глухой, захолустный город... Единственное светлое пятно во мгле — это театр. Калуга тут обогнала многие русские города».

С 1935 года главным режиссёром театра становится Д. С. Любарский, который смог сплотить вокруг себя стабильный и сильный актёрский коллектив. В него вошли С. П. Неверин, Д. А. Дросси, Ф. А. Дембицкая, В. И. Никитина, Н. Г. Молотов...

В первые дни Великой Отечественной войны театр ещё продолжал работать. В июле 1941 года была сформирована бригада из артистов, в которую вошли Д. Дросси, Ф. Дембицкая, Е. Орлов, В. Никитина, Г. Бурлик, А. Вольская и др. Артисты выступали перед воинскими частями, стоявшими под Юхновом и Ельней. Многие актёры ушли в народное ополчение, строили оборонительные рубежи.



Калужский театр 1930-е годы



Актёры у подъезда театра. 1935 год

Лев Анатольевич Марецкий в будущем артист Калужского театра, ушёл на фронт в июне 1944 года. Он в звании сержанта в составе 12-й штурмовой бригады освобождал Венгрию, был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Ирина Сергеевна Блажнова, получив специальность радистки-кодировщицы метеослужбы, ушла на фронт добровольцами прошла всю войну, в звании младшего сержанта участвовала в штурме Берлина.

Иван Михайлович Калинин, театральный художник, с августа по декабрь 1942 года участвовал в обороне Сталинграда, с 1943 по 1945 годы — в боях за Украину,

Молдавию, Румынию, Болгарию. От солдата дослужился до сержанта. Был сапёром, полковым разведчиком и бронбойщиком. Его воинские подвиги отмечены орденом Славы III степени, орденом Великой Отечественной войны I степени и другими наградами. В ноябре 1951 года был репрессирован и приговорён к 10 годам лагерей, освобождён как невиновный в 1955 году.

Полина Георгиевна Ванеева участница трудового фронта, поступила на металлургический завод, где работала до окончания войны. Выступала на концертах для раненых фронтовиков. Была награждена медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть».



Режиссёр А. И. Тунков



Участники спектакля «Иван Болотников». В центре автор пьесы И. Добржицкий и режиссёр-постановщик Д. Любарский. 1939 год



Л. А. Марецкий, актёр Калужского театра в 1952 и 1964 годах



П. Г. Ванеева, народная артистка РСФСР



И. С. Блажнова, заслуженная артистка РСФСР

Сергей Никитич Сладкий в военное время участвовал в обороне Кавказских рубежей, выступал в госпиталях, выезжал с концертной бригадой в действующие части Центрального фронта. Был отмечен медалью «За оборону Кавказа» и другими наградами.

Во время Великой Отечественной войны театральное здание сгорело. Для театра было подобрано новое помещение — клуб им. Андреева, в котором 4 ноября 1945 года состоялось открытие сезона пьесой В. Пашенной и А. Смирнова «Самое дорогое». В этом же году при театре была организована театральная студия под руководством художественного руководителя театра В. Ф. Торского. Одной из выпускниц студии была юная Тамара Антонова, затем до самых преклонных лет игравшая на калужской сцене.

На сцене Калужского драматического театра в 1950–1954 годы ставил спектакли режиссёр Зиновий Коро-

годский, впоследствии знаменитый режиссёр Ленинградского ТЮЗа.

В этом же году при театре была организована театральная студия под руководством художественного руководителя театра В. Торского. 4 марта 1952 года Калужский областной драматический театр торжественно отметил своё 175-летие спектаклем «Ревизор» Н. В. Гоголя. Театральная жизнь в Калуге становилась всё более напряжённой. В сезон 1953–1954 годов в театре было выпущено тринадцать премьер. Главным режиссёром театра в этот период вновь стал заслуженный артист РСФСР Д. С. Любарский.

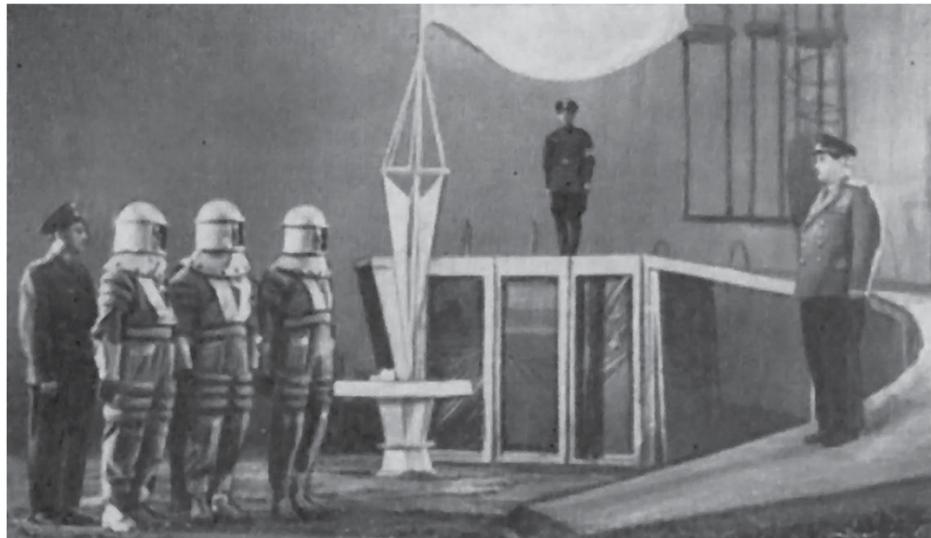
В практику театра входит приглашение ведущих мастеров московских театров, которые играли вместе с калужскими актёрами. В 1953 году в спектакле «Директор» играл народный артист СССР Лев Свердлин.



Д. С. Любарский, заслуженный артист РСФСР



Театр в послевоенные годы — клуб имени Андреева



Сцена из спектакля «Навстречу звёздам» по пьесе К. Б. Беддинского. Оформление художника Э. Г. Мордмилловича



Художник Э. Г. Мордмиллович

В 1956 году в спектакле «Волки и овцы» в роли Мурзавецкого — народный артист СССР Игорь Ильинский. В 1958 году в спектакле «Оптимистическая трагедия» в роли матроса Алексея вышел на калужскую сцену народный артист СССР Михаил Жаров.

С начала 1950-х годов в Калужском театре служили замечательные театральные художники — супруги Эрих Мордмиллович и Мария Степанова.

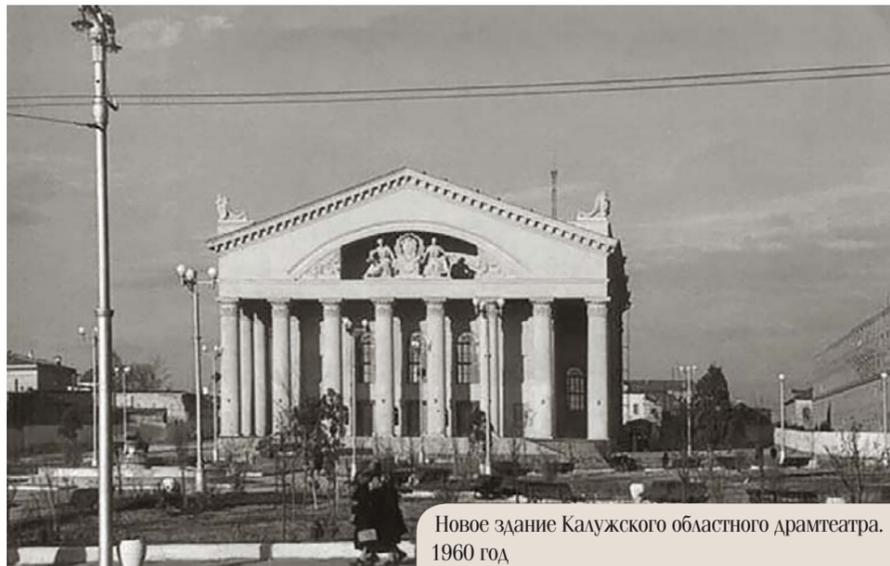
Эрих Генрихович пришёл в театр уже вполне сложившимся в своей творческой индивидуальности художником: он был известен как оформитель зданий московских театров и кинотеатров, как плакатист, а также как популярный шаржист. Свыше 500 дружеских шаржей его на деятелей культуры были опубликованы в газетах и театральных журналах Москвы, Ленинграда, Киева («Советский театр», «Театральная жизнь», «Советский экран», «Огонёк» и др.). Он рисовал с натуры А. Луначарского, М. Горького, В. Маяковского. Шаржи Мордмилловича хранятся в театральном

музее им. Бахрушина, а также в Московском литературном музее, Ленинградском театральном музее, в Калужском объединённом музее-заповеднике. За шестнадцать лет работы в Калужском театре Эрих Генрихович создал сценографию более 50 спектаклей.

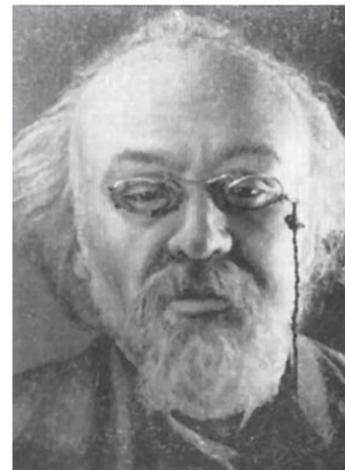
Мария Ефимовна Степанова стала работать в театре в 1951 году художником-постановщиком. Первой её работой стало оформление спектакля «Трактирщица» по пьесе К. Гольдони. В канун празднования 175-летия театра в 1952 году ею была оформлена комедия Н. Гоголя «Ревизор». Этапной работой художницы стала трагедия В. Шекспира «Король Лир». За годы работы в театре М. Е. Степанова создала сценографию более 150 спектаклей.

В 1952 году в Калуге было начато строительство нового современного здания театра.

3 декабря 1958 года состоялось торжественное открытие здания на Театральной площади спектаклем «Кремлёвские куранты».



Новое здание Калужского областного драмтеатра. 1960 год



А. И. Тюрин в роли К. Э. Циолковского в спектакле «Навстречу звёздам»



Художник М. Е. Степанова



Ф. М. Майков и Н. А. Надеждина в спектакле «Король Лир». Постановка Д. С. Любарского

В 1961 году режиссёром С. Крутовым был поставлен спектакль о К. Э. Циолковском «Навстречу звёздам». Роль великого учёного, за которую он был удостоен звания заслуженного артиста РСФСР, сыграл Алексей Тюрин. Этот спектакль в 1963 году показывался по центральному телевидению. Космическая тема на калужской сцене была продолжена в сезоне 1969–1970 пьесой «Космонавты» (режиссёр В. Каплин). На этом спектакле присутствовал Герой Советского Союза лётчик-космонавт Герман Титов.

В 1966 году театр и общественность города торжественно отметили 70-летие народной артистки РСФСР Валентиной Иосифовны Никитиной. Галерея сыгранных ею характеров русских женщин вошла в золотую летопись Калужского театра. Наиболее ярко она передала характеры героинь из пьес А. Н. Островского.

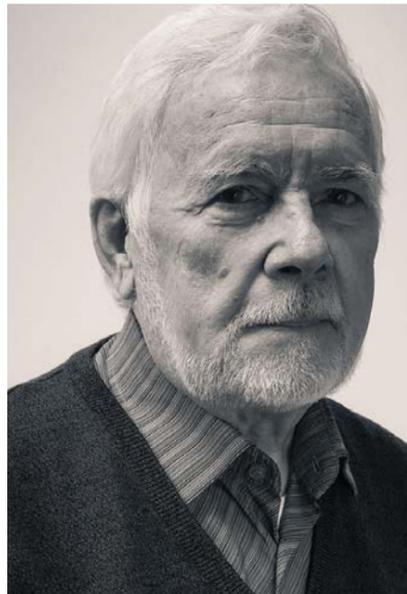
Значительный период времени — с 1975 по 1987 годы — главным режиссёром Калужского областного драматического театра был Р. В. Соколов. Первым спектаклем, поставленным им на сцене нашего театра, стала



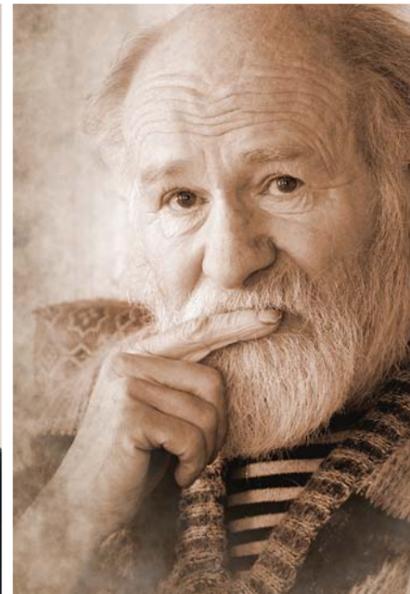
Герой Советского Союза, лётчик-космонавт СССР Г. С. Титов с участниками спектакля «Космонавты» по пьесе Г. Семенихина и Ю. Малашева



В. И. Никитина, народная артистка РСФСР



М. А. Пахоменко, народный артист России



Р. В. Соколов, заслуженный деятель искусств РСФСР

«Касатка» по пьесе А. Н. Толстого. Она была сыграна 300 раз! Двести раз прошёл спектакль «Любовь и голуби» с М. А. Пахоменко в главной роли. Сто раз — «Ивушка неплачущая». В то время наш театр занимал второе место по посещаемости среди театров страны. Роман Валентинович поставил много спектаклей по пьесам советских драматургов: И. Друцэ «Святая святых», А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся», А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» и «Провинциальные анекдоты», Г. Боровика «Интервью в Буэнос-Айресе» и т.д. В 1984 году главный режиссёр театра Р. В. Соколов был удостоен Почётного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

С 1988 по 1993 годы Калужский театр возглавлял главный режиссёр, заслуженный деятель искусств РСФСР В. Л. Чертков. Дебютом Владимира Львовича стал спектакль по пьесе Р. Солнцева «Торможение в небесах». Репертуар театра в этот период был очень разнообразным, за пять лет работы В. Л. Чертковым были поставлены спектакли по пьесам В. Шекспира, Ф. Брукнера, В. Шукшина, Э. Радзинского...

В 1980–90-е годы в Калужском театре начинают свою творческую деятельность талантливые актёры: Г. А. Рогов, Л. А. Кремнева, Е. Н. Сумин, С. Б. Лунин, С. П. Корнюшин...



А. Б. Плетнёв, заслуженный деятель искусств РФ



В. Г. Хрущёв, с декабря 2017 г. главный режиссёр Калужского областного драматического театра



А. А. Кривовичев, заслуженный работник культуры РФ



Два режиссёра — Р. В. Соколов и А. Б. Плетнёв



Сцена из спектакля «Лодка». Режиссёр А. Плетнёв

В 1997 году главным режиссёром театра стал Александр Борисович Плетнёв. Он начал работать в Калужском областном драматическом театре в 1996 году. В период работы Плетнёва театр стал принципиально другим. Изменилась труппа, определилась репертуарная политика, ярко проявились художественные пристрастия творческого лидера, определённую эстетику приобрели спектакли, то есть проявилось всё то, что называют «лицом театра». Постановки главного режиссёра театра А. Б. Плетнёва неоднократно получали Гран-при всероссийских и международных фестивалей. Для молодых актёров театра А. Б. Плетнёв являлся не только режиссёром, но ещё и педагогом и наставником. В период с 1997 по 2005 годы в театре были подготовлены два выпуска актёрского курса ГИТИСа, на которых Александр Борисович преподавал мастерство актёра. Самые известные спектакли режиссёра — «Лодка», «Ревизор», «Завтра была война», «Плоды просвещения» и многие другие. А легендарные «Дом восходящего солнца» и «Если любишь — найди» и по сей день собирают аншлаги дома и на гастролях. К сожалению, в 2014 году после долгой болезни А. Б. Плетнёва не стало. Но его спектакли идут на калужской сцене и радуют зрителей.

В 2017 году главным режиссёром театра назначен Владимир Хрущёв, поставивший спектакль «Дети солнца» по пьесе М. Горького. Это — одна из последних громких премьер театра.

Директором театра с 2000 года является заслуженный работник культуры России Александр Кривовичев. Вот уже более 40 лет Александр Анатольевич предан театру. Его крылатая фраза «Мы вас любим и ждём!» стала девизом Калужского областного драматического театра.

В 2002 году А. А. Кривовичев выступил организатором театрального фестиваля «Старейшие театры России в Калуге». Параллельно была создана «Ассоциация старейших театров России». Её президентом был избран народный артист России Юрий Соломин, а директором стал Александр Кривовичев. Уже состоялось шесть фестивалей, и с каждым разом этот театральный форум становится всё более масштабным и интересным.

Сегодня в труппе Калужского областного драматического театра много прекрасных артистов. Стоит рассказать хотя бы о двух из них.

Народный артист России Михаил Арсентьевич Пахоменко в 2011 году стал лауреатом престижной театральной премии фестиваля «Золотая маска» за выдающийся вклад в развитие театрального искусства. Вручение премии проходило в Москве на сцене Большого театра. Более сорока лет Михаил Арсентьевич выходит на сцену Калужского областного драматического театра. Впервые калужский зритель увидел его в 1971 году в роли старшины Васкова в спектакле «А зори здесь тихие» по повести Б. Васильева. В 1970-е годы создавались его звёздные роли: Иван в спектакле «Иван и Мадонна», Василий в «Любовь и голуби». Именно тогда М. А. Пахоменко заметили кинематографисты, и он сыграл главную роль в фильме «Вы чьё, старичьё?» (режиссёр-постановщик, народный артист СССР И. Хейфиц), а потом были ещё более 20 фильмов. Среди них: «Час оборотни», «Оно», «Око за око», «Невечерняя», «Тихий Дон»... Всего Михаил Арсентьевич сыграл более 200 самых разноплановых и разнохарактерных ролей в театре и кино.



М. А. Пахоменко во время церемонии вручения театральной премии фестиваля «Золотая маска»



Сцены из спектакля «Дети солнца»



Н. В. Ефременко, заслуженная артистка России

ской карьере Надежды Ефременко, которая на протяжении 46 лет на его подмостках сыграла великое множество ролей — более ста двадцати. В 2016 году на VI фестивале «Старейшие театры России в Калуге» Н. Ефременко за роль Голды в спектакле «Поминальная молитва» и роль Актрисы в спектакле «Без грима» была удостоена победы в номинации «Лучшая актриса фестиваля».

Калужский областной драматический театр каждый день продолжает завоевывать любовь и признание публики. Он неустанно ведёт творческий поиск, идёт на эксперименты, открыт всему новому и интересному: в театре действует проект, позволяющий молодым профессионалам ставить дипломные спектакли на малой сцене, в 2016 году труппу пополнил курс актёров-выпускников Театрального института им. Щукина, планируются творческие лаборатории, встречи с профессионалами театра из других городов и семейные театральные чтения, ведутся экскурсии по театральному закулисию для зрителей, и многое-многое другое. Театр живёт полной насыщенной жизнью и наполнен молодой энергией — и это при том, что в 2017 году он торжественно отметил свой 240-летний юбилей! 🎭



Калужский областной драматический театр

КАЛУГА ЛИТЕРАТУРНАЯ

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В ПОЛОТНЯНОМ ЗАВОДЕ

Дмитрий Кузнецов,
член Союза писателей России

Сорок лет существует на Калужской земле литературно-музыкальный праздник, посвящённый великому поэту России. Теперь уже мало осталось тех, кто помнит атмосферу давних Пушкинских праздников, как всё начиналось. Вроде бы не столь уж далёкое прошлое, но — люди стареют, уходят из жизни, а вместе с ними уходят непосредственные ощущения, живая память участников происходившего. Остаются фотоснимки и видеокдры — редкие, очень редкие, и тем более ценные для нас, живущих в иную эпоху, и даже... в другом тысячелетии. В фондах Калужского объединённого музея-заповедника хранятся чёрно-белые фото, снятые в конце 1970 — начале 1980 годов, на которых стоят подписи наших известных фоторепортёров — А. Н. Пашина, Н. Г. Низова... Эти фото запечатлели не только людей: писателей, поэтов, артистов, зрителей, — на них отражено время, остановившиеся мгновения минувшего.

Кому первому пришла мысль провести в Полотняном заводе Пушкинский праздник теперь уже и не вспомнить. Собственно, идея витала в воздухе. На всю страну гремели праздники в Михайловском и Тригорском, а Калужский край не менее значим для Пушкина, ведь

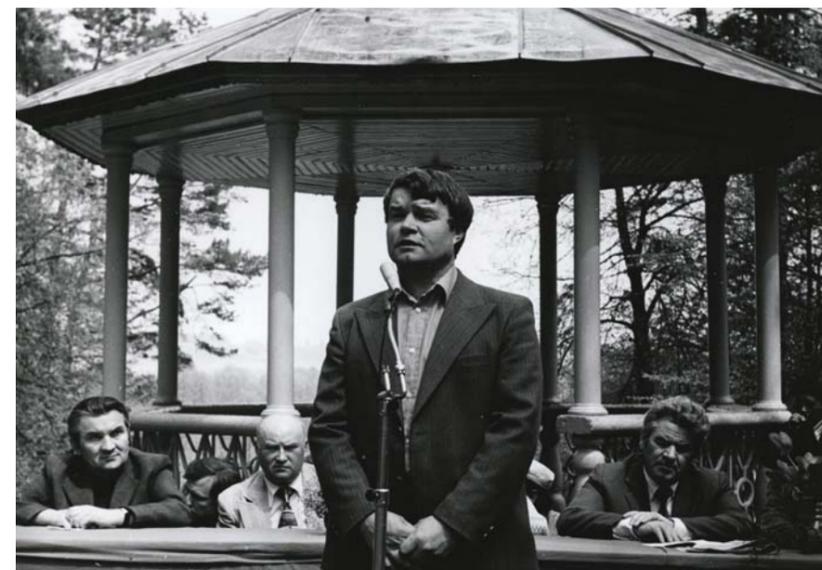
здесь — усадьба Гончаровых, родовой дом первой красавицы России, ставшей женой поэта. «Боже мой! — писал ей Александр Сергеевич летом 1834 г. — кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином...». Слова эти стали

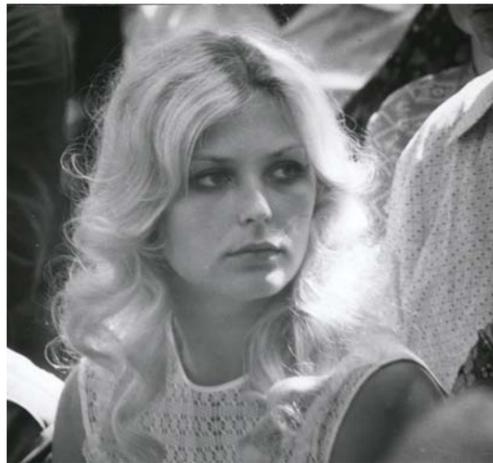
хрестоматийными, как и блестящий пушкинский экспромт: «Я влюблён, я очарован, я совсем огончарован». И не было, наверное, за всю сорокалетнюю историю праздников в Полотняном заводе такого, когда заветное желание поэта остаться на Калужской земле не звучало бы

лейтмотивом, не повторялось бы вновь и вновь.

Вспомнили фрагмент пушкинского письма к жене и на самом первом празднике 3 июня 1978 года, ещё очень скромном, не многолюдном и не имеющем среди приглашённых людей с громкими, всей стране известными именами. Председатель Калужской писательской организации Александр Николаевич Авдонин взял на себя роль ведущего, а около полусотни зрителей расположились на поляне перед импровизированным «президиумом» за которым сидели ещё совсем не старые М. Г. Воронежский, С. А. Васильчиков, В. М. Ермаков, О. М. Бушко... Всё просто, без затей. Но это было самое-самое начало.

Прошёл год. И уже следующий праздник, пришедшийся на 180-летие со дня рождения А. С. Пушкина, получился совсем иным: масса людей, музыка, большая концертная программа, книжный базар... О последнем нужно сказать особо. Сейчас уже об этом мало кто помнит, а молодёжь не знает совсем, но четыре десятилетия назад существовал в России большой книжный дефицит и, как следствие, большой книжный голод. Когда устроители праздника — члены Калужской писательской организации — стали думать о том, как привлечь в Полотняный завод людей, то быстро нашли мощное средство, с помощью которого в те времена можно было без особого труда наполнить народом любой зал, любую фестивальную и праздничную площадку: книги! Ими тогда в нашем регионе занималась официальное учреждение Облкниготорг и организация с длинным и громким названием — Калужское областное отделение добровольного общества любителей книги РСФСР. Вот к ним-то писатели и обратились с предложением о сотрудничестве. Оно показалось заманчивым. Ещё бы! При хорошем раскладе и должном ведении дел получалось, что в течении дня в Полотняном заводе можно было бы выполнить полугодовой план книжных продаж. Ведь вместе с популярными и редкими изданиями люди на праздниках «мели» с прилавков буквально всё мало-мальски художественное. Таков закон книжного ажиотажа. Литературная классика на излёте советской эпохи не лежала свободно в магазинах, она иногда «выбрасывалась» и раскупалась почти мгновенно.



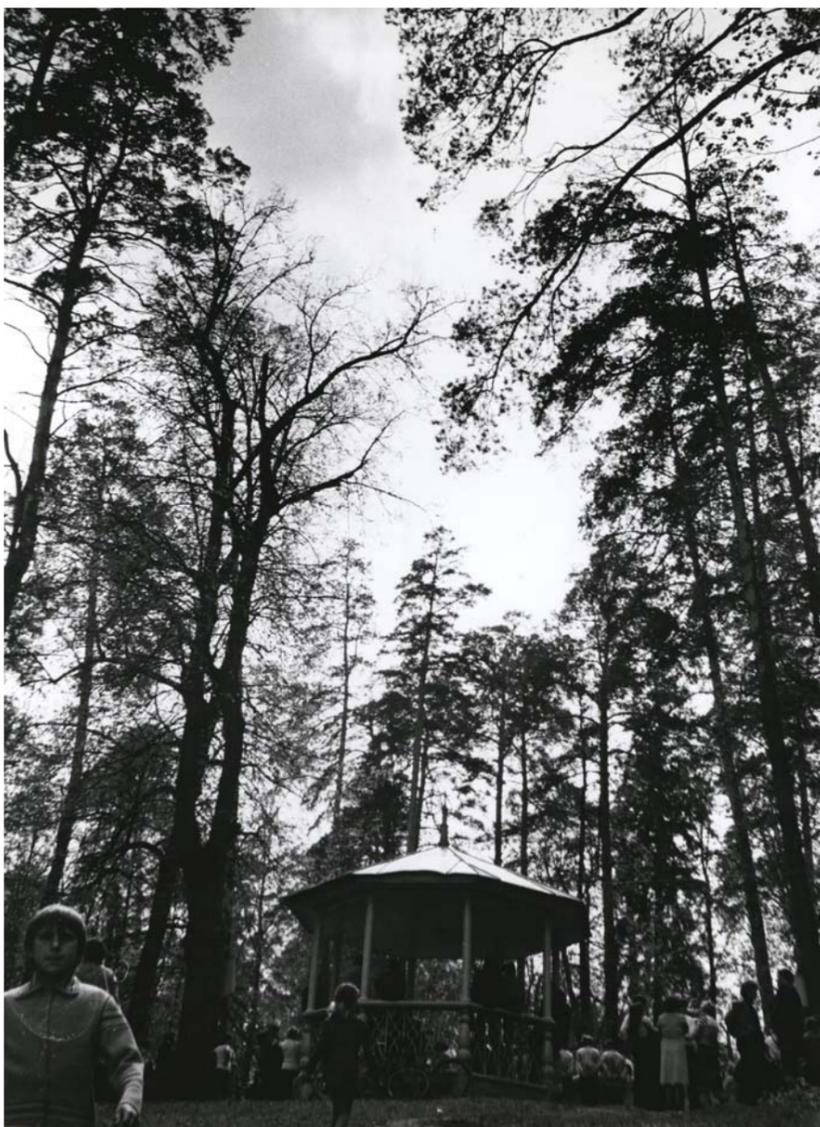


180-летие А. С. Пушкина. Публика на Пушкинском празднике. 1979 год. Фото А. Пашина



Но — в крупных городах. А вот в магазинах районных городков хорошие книги не были редкостью, и туда порой специально ехали из областного центра, чтобы купить Пушкина, Гоголя, Ефремова или Стругацких... Но издания менее популярные в районах почти не раскупались. Пушкинский праздник давал шанс реализовать скопившийся товар. И грех было этим шансом не воспользоваться. В год 180-летия Пушкина в Полотняном заводе решено было сделать настоящий книжный базар, где каждая районная точка, торгующая книгами, была бы представлена всем своим ассортиментом. Но — приоритет отдавался пушкинской тематике. И всё удалось на славу! Стоило бросить клич, что на празднике будет широкая книжная продажа, как множество людей в битком набитых автобусах с самого утра покатило в Полотняный завод. К полудню, к началу писательских выступлений, усталые, помятые в очередях и отягощённые сумками с купленными изданиями, люди заполнили до отказа поляну перед сооружённым деревянным помостом на который уже не скромно и стеснительно, а уверенно, с сознанием собственной значимости, выходили члены Калужской писательской организации. Со старых фото, снятых в тот памятный день, на нас смотрят молодые Валентин Волков, Вячеслав Бучарский, Рудольф Панфёров... А вот, ставший вскоре председателем Калужской писательской организации, Михаил Воронецкий даёт автограф на своей книге... Но самое интерес-





ное — лица слушателей: и пожилых, и молодых и совсем юного возраста! На лицах людей — такой искренний интерес и внимание, такое «проживание» звучащего поэтического слова, что кажется не поэт из Калуги вышел к микрофону, а сам Александр Сергеевич Пушкин появился на сцене. Вот — прекрасная светловолосая девушка, одна из сотен людей, приехавших в Полотняный завод, — почему-то фотограф выбрал именно её в общей массе слушателей, — она сама могла бы стать музой стихотворца, и она слушает поэтическое выступление, как слушают оркестр, играющий симфонические шедевры.

180-летний юбилей поэта стал первым триумфально проведённым мероприятием в истории Пушкинских праздников. В дальнейшем триумфов было немало, но первый имеет значение особое! Нужно отметить и немаловажную музыкальную составляющую происходившего в Полотняном заводе. Праздник недаром именуется литературно-музыкальным. В последние десятилетия концертная, музыкальная часть пушкинских торжеств даже несколько превалирует над, собственно, литературной частью. Но это уже веяние времени. Впрочем, вернёмся в прошлое.

В начале 1980-х Пушкинский праздник приобрёл Всероссийскую известность, у него появились традиции, — например, приглашать из Москвы и других городов гостей с громкими литературными именами, торжественно возлагать цветы к памятнику А. С. Пушкину... Неофициально по окончании выступлений писатели продолжали общение на берегу Суходрева, спускаясь к реке по тропинке, идущей прямо от Пушкинской беседки. «Это был едва ли не самый приятный момент, ради которого мы ехали в Полотняный завод, — вспоминает писатель Юрий Васильевич Убогий, — не так часто мы виделись друг с другом и, тем более, с писателями из Москвы, Обнинска, Тарусы... И вот — совместные выступления, горячий приём слушателей, специально приехавших, чтобы нас послушать и, наконец, пикник на речном берегу, где выступления продолжались, время от времени кто-то читал стихи, говорил о Пушкине, пел под гитару».

В 1983 году среди выступавших на празднике была и молодая, яркая красавица Валентина Алексан-

дровна Невинная, уже получившая известность как поэт и широкое признание. Сейчас она говорит о своём выступлении так: «Выхожу к микрофону. Народу — яблоку негде упасть. Мальчишки даже на нижние сучья деревьев забрались. Читаю стихи, а кругом — тишина, только шелест листьев слышен да отдалённый гул голосов доносится. А люди, сидящие и стоящие передо мной, буквально не шелохнутся. Нас же чуть ли не как оракулов слушали...». А спустя год, на следующем Пушкинском празднике Валентина Невинная встретила в Полотняном заводе с Булатом Окуджавой, тогда известным на всю Россию и авторскими печнями, и исторической прозой.

«Мы с Булатом были старыми друзьями, но о том, что он приедет в Полотняный завод, я понятия не имела. Тогда я жила в Калуге, Булат был москвичём с «калужским прошлым». Мы встретились нос к носу у Пушкинской беседки, обрадовались друг другу, и он тут же сел рядом со мной, расспрашивая о том о сём. На меня посматривали с завистью, не понимая, что это Булат ко мне так расположился, никто же не знал, что мы дружим уже добрый десяток лет. И конечно все ждали выступления Окуджавы. Многие специально «на него» приехали из Обнинска, Малоярославца, других городов... Булат говорит: — Я сегодня петь не буду, даже гитару не взял. Что ты мне из стихов прочитай по советуешь? — Прочитай, говорю, «Пока Земля ещё вертится...». Он так и поступил. А потом ещё про



Пушкина читал. Многие тогда эти стихи услышали впервые:

Александр Сергеечу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
Боль угасла,
Баба щурится из избы,
В небе — жаворонки,
Только десять минут езды
До ближней ярмарки.
У него ремесло — первый сорт,
И перо остро...
Он губаст и учён, как чёрт,
И всё ему просто:
Жил в Одессе, бывал в Крыму,
Ездил в карете,
Деньги в долг давали ему
До самой смерти.
Очень вежливы и тихи,

Делами замученные,
Жандармы его стихи
На память заучивали!
Даже царь приглашал его в дом,
Желая при этом
Потрепаться о том о сём
С таким поэтом.
Он красивых женщин любил
Любовью не чинной,
И даже убит он был
Красивым мужчиной.
Он умел бумагу марать
Под треск свечки!
Ему было за что умирать
У Чёрной речки.

Булат поражён был количеством людей, сидящих и стоящих перед сценой. Как потом признался:







«Людей столько, что мне показалось, я на стадионе выступаю...».

Время неумолимо шло вперёд. Советская эпоха уходила в прошлое. Сильней и сильней дули ветра «перестроечных» лет. В конце 1980-х годов книжный голод ещё в стране оставался. А Пушкинский праздник в Полотняном заводе, кроме прочего, получил заслуженную славу и тем, что раз в году в старинном Гончаровском парке можно было купить редкие, уникальные издания — прекрасно изданные книги, живописные альбомы, всевозможную литературу, посвящённую Пушкину, и, конечно, поэтические сборники знаменитых поэтов. Но! Для этого нужно было не лениться и приехать в Полотняный завод очень рано, к пяти часам утра, чтобы оказаться в самом начале книжной очереди.

Впрочем, подобных очередей в парке было много, т.к. в восемь утра приезжали книжные фургоны из районов, из Калуги и даже из Москвы (издательства начинали выездную торговлю) и тогда у импровизированных книжных прилавков начинались порой настоящие баталии. Проводились даже книжные аукционы, где ведущий с символическим молотком принимал новые цены объявлял об очередной продаже книги. Сама атмосфера происходившего в Гончаровском парке, несколько суматошная, но радостная и так или иначе — литературная, была действительно праздничной.





В 1990-е годы ведение литературной части праздника от писателей перешло к профессиональным ведущим или театральным актёрам. И в целом театрализация праздничных мероприятий заметно усилилась. Стали разыгрываться костюмированные сцены, где действовали персонажи пушкинской эпохи, да и сам великий поэт всё

чаще появлялся в актёрском воплощении. На 200-летний юбилей Пушкина актёры, представлявшие Александра Сергеевича и Наталью Николаевну, впервые показали на балконе отреставрированного Дома Гончаровых, и с тех пор это тоже стало традицией праздника.

200-летие поэта широко отмечалось всей Россией и, конечно же, этот

праздник в Полотняном заводе был проведён по-особому. Никогда прежде старинная усадьба не принимала такого количества народа! Шествие с корзинами цветов к памятнику поэту растянулось на всю длину аллеи от начала парка до Пушкинской беседки. Сам концерт в Гончаровском парке походил на грандиозное музыкально-поэтическое шоу,





стилизованное в эстетике XIX века. Тут и там мелькали барышни в шляпках и кринолинах с причёсками A la Natalie, кавалеры во фраках и цилиндрах, звучали вальсы и мазурки.

Но одновременно это был и последний праздник книги, — наступала новейшая компьютерная эпоха, когда книга, если и не исчезла совсем, то отошла в сознании людей на второй и третий план.

Наступил новый век и новое тысячелетие. «Нулевые» годы стали для Пушкинских праздников порой

далеко не прогрессивной. Праздник постепенно утрачивал свои бывшие позиции, прежние яркость и динамику. Наверное, это было неизбежным, в обществе преобладали интересы, далёкие от изящной словесности. Неопределённый период продолжался довольно долго, пока в 2014 году сотрудники Калужского объединённого музея-заповедника и творческое объединение Союз поэтов не предприняли попытку кардинально изменить ситуацию. Было решено вернуть Пушкинскому празднику во многом

утраченную популярность. А для этого вновь выделить как основную и главную именно литературную часть праздника с поэтическими и музыкальными выступлениями. Конечно, в руках организаторов мероприятия уже не было такого мощного рычага привлечения всеобщего интереса к происходящему, как продажа книг, — в стране о книжном дефиците давно уже забыли, да и электронные носители изрядно потеснили книги на торговых прилавках. Но слой интеллигентной, читающей публики всё





ещё оставался достаточно широким. Почему бы не возродить давнюю традицию Пушкинских праздников, приглашая для совместных выступлений в Полотняном заводе известных столичных литераторов?

И вот с 2014 по 2018 гг. литературные выступления в Гончаровском парке стали именно совместными, — московско-калужскими с добавлением творческих сил из Тарусы, Обнинска и Малоярославца. За это время Полотняный завод посетили многие талантливые поэты и писатели — как получившие заслуженное признание у российских читателей, так и совсем молодые, но громко заявившие о себе.

Геннадий Калашников и Мария Ватутина, Инна Кабыш и Андрей Галамага, Алексей Ивантер и Марина Кудимова, Ефим Бершин и Анна Логвинова и многие другие... Музыкальную, песенную часть выступлений обеспечивали: актриса Калужского драматического театра Ирина Бургонова; артист Театра песни Елены Камбуровой, певец и композитор Андрей Крамаренко; известный автор-исполнитель собственных песен, историк и библиограф Виктор Леонидов. Постоянными участниками, а в 2018 году и ведущими литературных выступлений были студенты Калужского областного колледжа культуры и искусств (специализация Театральное творчество, руководитель Л. В. Рахаева).

Не всегда центральная, литературная часть праздника была одинаково успешной, но всё же это пятилетие оставило заметный след в истории Пушкинских торжеств и тоже стало определённым (достаточно ярким!) периодом.

Бывали случаи, когда свои условия организаторам диктовала погода. Так в первые июньские дни 2017 года резко похолодало и праздник в Полотняном заводе проходил под неутрахающим дождём. Выходящим на сцену приходилось держать в руках зонты, многие зрители укрывались за деревья. На открытии праздника, на площадке у входа в Дом Гончаровых артисты выступали буквально в воде, а маленькие танцоры героически разбрызгивали холодные лужи. Но это был исключительный случай. Как правило, Пушкинские праздники всегда проходят под жаркими солнечными лучами.

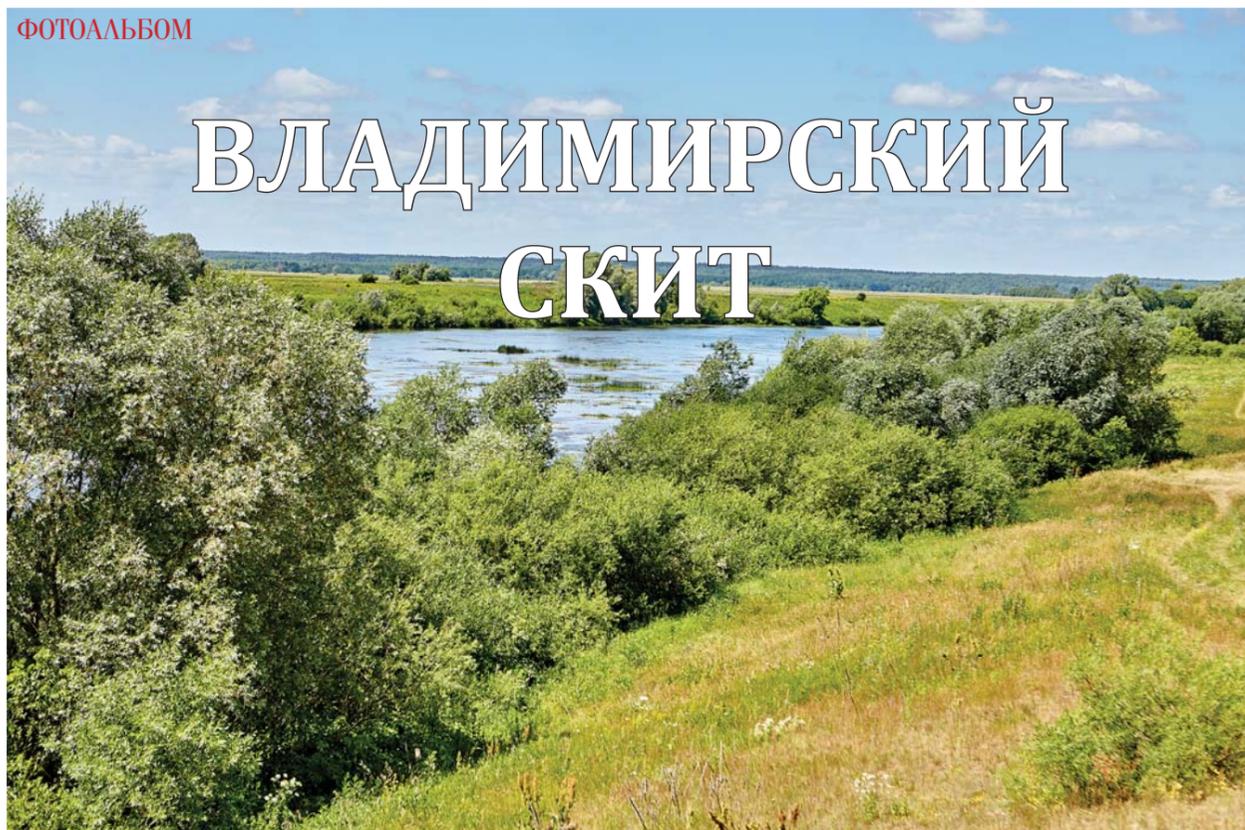
В 2018 году Полотняный завод отмечал двойной юбилей: 300-летие со дня своего основания и 40-летие с начала Пушкинских праздников. Программа была очень насыщенной.

Настоящим подарком зрителям стал большой концерт прославленного классического коллектива Государственной капеллы Москвы им. Вадима Судакова. Было подготовлено много экскурсионных программ, а вечером в Доме Гончаровых был дан большой костюмированный бал. В литературной части праздника на сцене у Пушкинской беседки вновь вместе выступили калужане и москвичи. К памятке поэта ложились цветы. Светило солнце, — солнце русской поэзии в Полотняном заводе! И пусть возникает неизбежное понимание того, что пришло время искать новые формы, новый формат выступлений, что праздник опять стоит на серьёзном рубеже, всё же и спустя сорок лет он живёт, сохраняя своё значение в культуре Калужского края. ❏



ФОТОАЛЬБОМ

ВЛАДИМИРСКИЙ СКИТ



В 175 километров от Москвы находится Дворцовско-Залидовская пойма реки Угры. Совсем недавно здесь был построен Владимирский скит Свято-Тихонова монастыря, на территории которого расположен храм в честь Владимирской иконы Божией Матери и преподобного Сергия Радонежского, а также целый музейный комплекс с эпическим художественным полотном-диорамой.

Вообще же, понятие «скит» применяется к разным типам монашеских поселений: это может быть как отдельно стоящая келья, так и относительно крупный монастырь, подчинённый другому, ещё более крупному. Здесь — именно второй случай.

От Тихоновой пустыни скит находится в трёх километрах. Дорога к нему ведёт через село Дворцы. По легенде, там, где сейчас село, столетия назад располагался стан русских войск во время противоборства великого князя Ивана III и хана Большой орды Ахмата.

В 1480 году хан Ахмат решил наказать Русь, отказавшуюся платить дань Большой Орде. Он сговорился с польско-литовским королём Казимиром IV о совместном нападении на наше Отечество и уже дошёл до устья реки Угры, где был остановлен русскими войсками. Если бы ордынская конница перешла реку, то через три-четыре перехода армия Ахмата могла бы подойти к Москве. Однако русские воины перекрыли татарам все броды через реку. Началось Великое стояние на реке Угре.

Поэтесса Наталья Кончаловская в книге «Наша древняя столица» так поэтически описала исход Великого стояния:

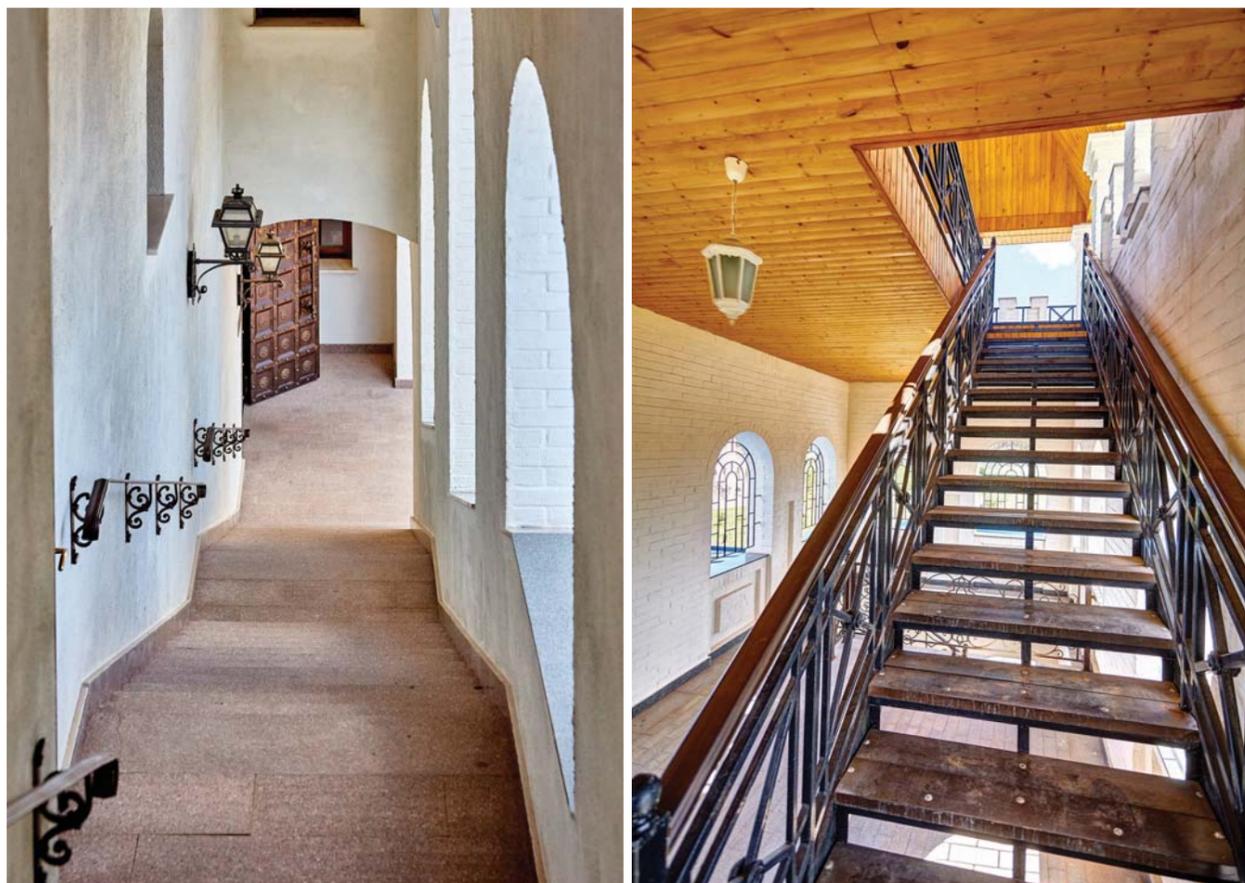
И покуда шатры не увязли в снегах,
Не завывала морозная вьюга,
Всё стояли два стана на двух берегах,
Не решаясь напасть друг на друга.

Встал на Угре-реке зимний лёд, прочный лёд,
Голод с холодом верх забирают.
На Москву через лёд хан Ахмет не идёт,
Рог орды отступленья играет.

В самом начале военной кампании митрополит Геронтий благословил перенести из Владимира в Москву чудотворную икону Божией Матери «Владимирская». На протяжении всего Великого Стояния в Успенском соборе, построенном за год до событий на Угре, непрерывно совершались молебны перед этой иконой, русский народ возносил молитвы к Спасу Вседержителю и к Пресвятой Богородице. Молитвы были услышаны, враги отступили. И с того момента, как хан Ахмат увёл свои последние войска с берегов Угры, Русская держава более никогда не теряла своей независимости.

В 2007 году, спустя пять веков после событий 1480 года, новая братия Свято-Тихоновой пустыни приступила к строительству скита, посвящённого





героическим страницам нашего прошлого. Весь его комплекс призван напоминать о великих сражениях в истории России, когда Отечество наше сберегалось воинской доблестью и заступничеством Божией матери по молитвам русских людей пред Её Владимирской иконой.

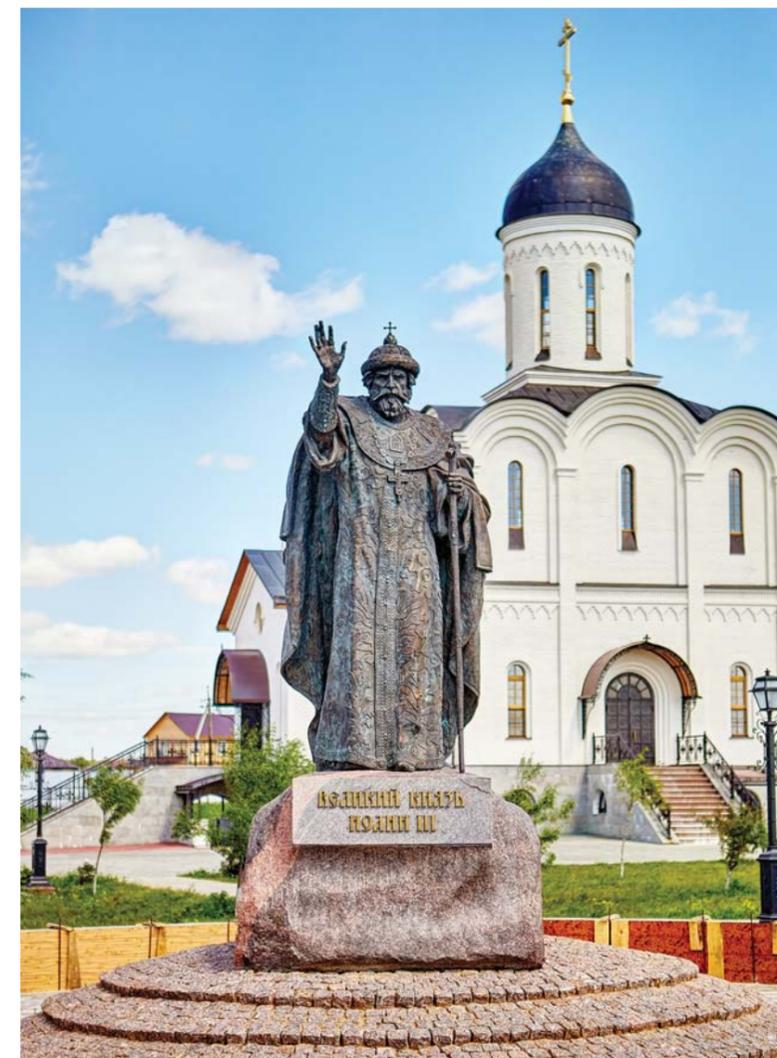
К 2011 году была выстроена Владимирская церковь, к 2014 — двухэтажный братский корпус, надкладезная сень и ограда с воротами, звонницей и башней. Скит обрёл характерные монастырские очертания.

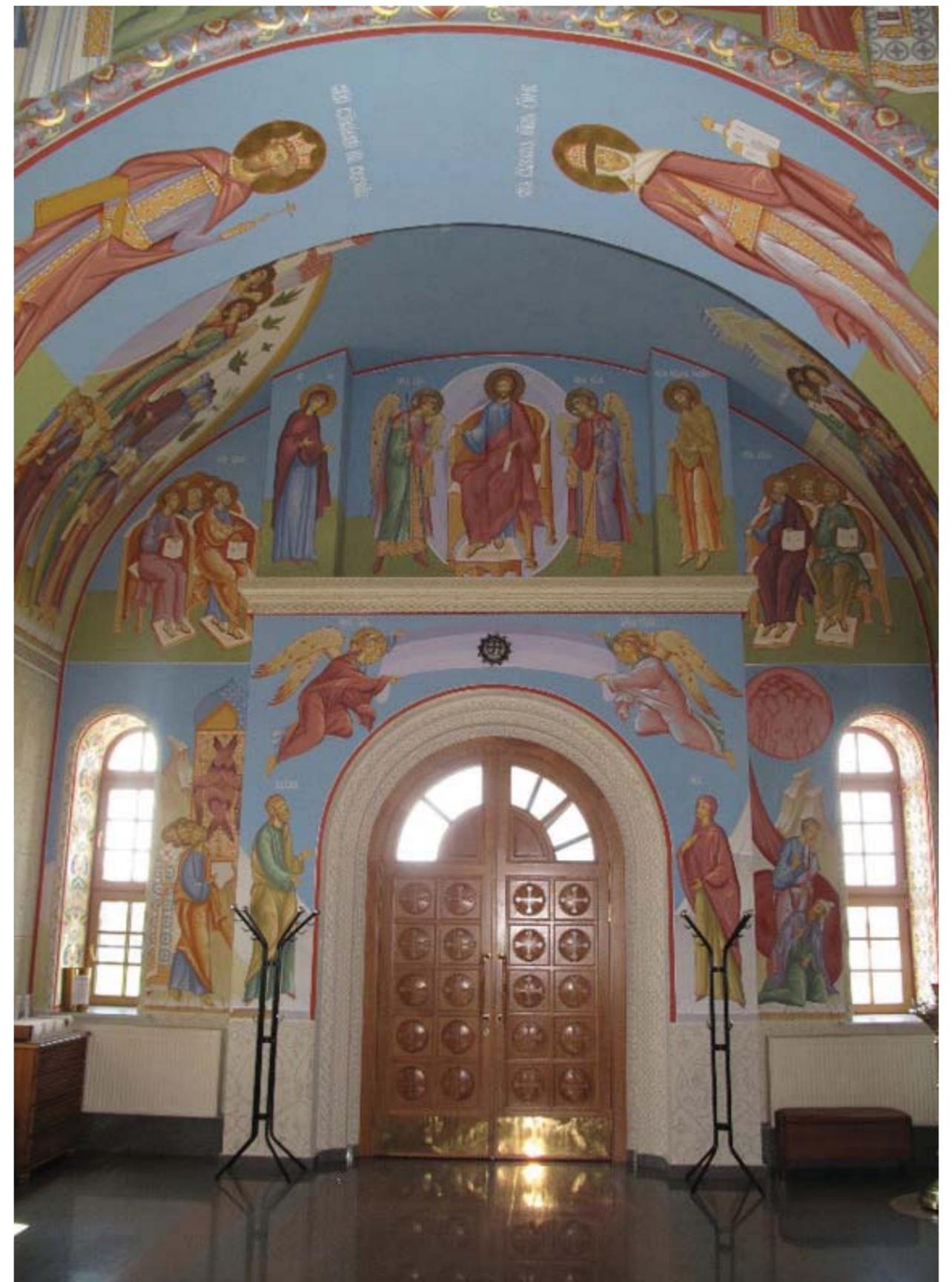
Важной частью скита является постоянно работающий музей, ежечасно принимающий группы экскурсантов. Справа от главных ворот — касса, совмещённая с иконной лавкой, рядом — скамейки для отдыха и ожидания начала экскурсии.

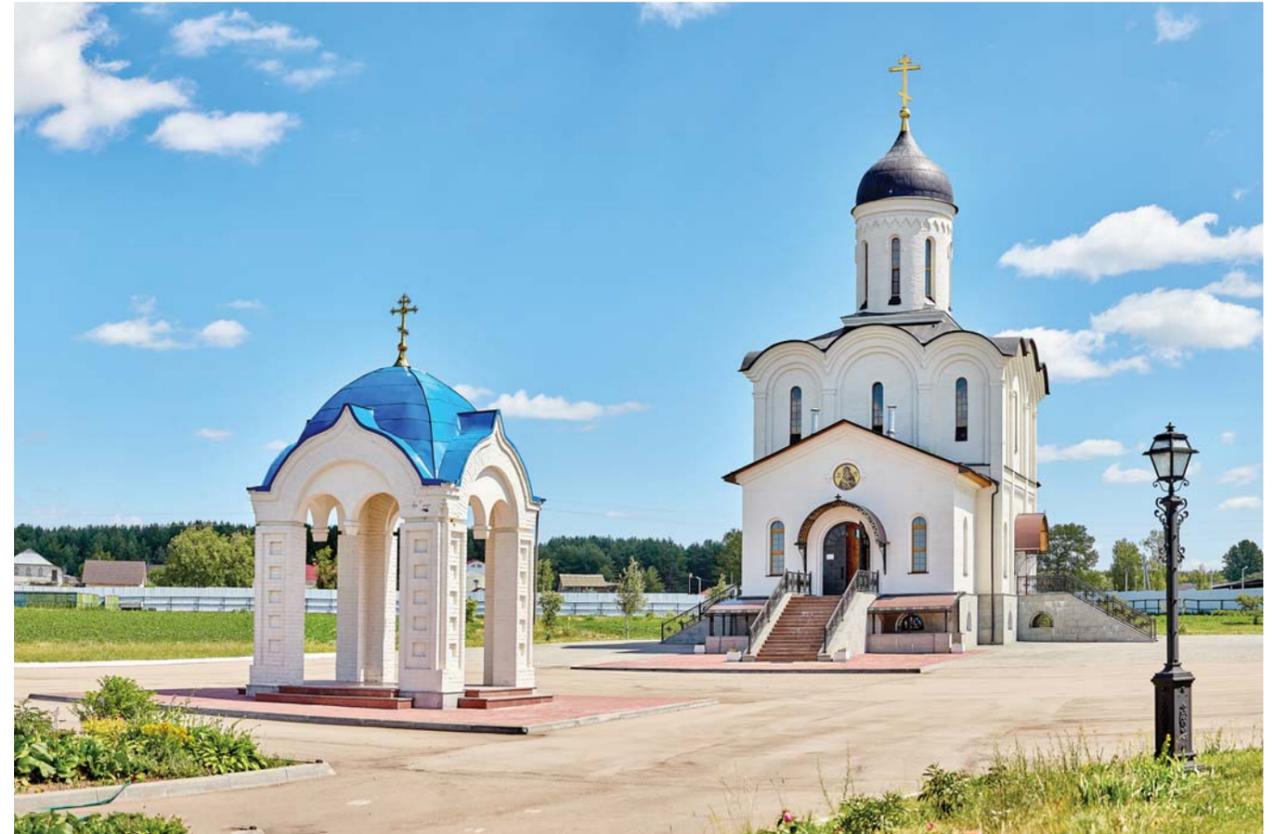
Со смотровой площадки скита открывается вид на окрестности, на живописную излучину Угры. Вход на смотровую площадку свободный, что особенно ценят дети, постоянно сбегаящие стайками вверх-вниз по широкой лестнице.

В июле 2017 года на территории Владимирского скита установлен памятник Ивану III. До последнего времени памятников этому действительно великому государю в России не было, кроме его фигуры на монументе, воздвигнутом в Великом Новгороде в 1862 году в честь тысячелетия Руси. Памятник выполнен из бронзы, его высота с постаментом 4,5 метра. Скульптура царя изготовлена архитектором Николаем Анциферовым.

В основу архитектурного решения зданий Владимирского скита — церкви, братского корпуса, музейного комплекса — легли традиции древнерусского зодчества. Удивляет необычная роспись верхнего храма Владимирской церкви: на стенах — рассказ о заступничестве Пресвятой Богородицы земли Русской. Здесь и преподобный Сергий, благословляющий Дмитрия Донского на Куликовскую битву, и Стояние на Угре, и герои войны 1812 года. Нижний храм Владимирской церкви посвящён Сергию Радонежскому.











Слева от главных ворот скита находится музей-диорама, — первый и единственный в России музейный комплекс, посвящённый военной кампании 1480 года. Музей располагается на трёх уровнях. Два из них занимает историческая экспозиция, третий — диорама — масштабное, изогнутое полукругом живописное полотно с передним предметным планом, словно бы вовлекающим зрителя в происходящее на холсте.

Над созданием диорамы трудилась группа художников студии им. М. Б. Грекова под руководством Павла Рыженко и Александра Сытова. Огромное полотно высотой 6 метров и длиной 26 метров написал сам Павел Рыженко примерно за два месяца и закончил незадолго до своей кончины. Писал он его даже ночью, как будто торопился успеть. Художник говорил о своей работе: «Какая основная идея диорамы? Русский мир пришёл и встал на своей земле, и он не пустит сюда врага».

Поднявшись на смотровую площадку диорамы, мы словно оказываемся участниками событий XV века. Перед нами возникает лагерь русского войска: снаряжения, ядра, землянки, мы видим могучих воевод, гонца с княжеской грамотой, пленных ордынцев...

Главный, по задумке художника, герой картины — преподобный Тихон Калужский. Фигура святого молитвенника на изображении намеренно едва заметна, но именно его благословение предопределяет победу русского воинства. Роль монашеской братии Тихоновой пустыни в тех событиях едва ли не ключевая. Монахи монастыря исповедуют воинов, идущих на бой, они помогают раненым воинам, совершают отпевание почивших бойцов, а также совершают молебны перед Владимирской иконой

Божией Матери. Глубокий духовный и символический смысл — идея единства и непобедимости Святой Руси, заложенная автором картины, постепенно раскрывается во всей своей убедительности и полноте.

Особенностью диорамы стали спецэффекты. Техника позволяет воспроизвести запах осени, горелых листьев, пороха, эффекты дыма, ветра. Находясь у диорамы, слышишь объёмный звук — молитву, стоны раненых воинов, удары молотов о наковальню в кузне, грохот пушек, выстрелы и создаётся ощущение присутствия на поле боя.

Художник Павел Рыженко сказал когда-то о назначении своего творчества: «Надеюсь, что мои картины разбудят генетическую память моих современников, гордость за своё Отечество, а быть может, помогут зрителю найти для себя единственно правильный путь. И тогда — я буду счастлив выполненным долгом».

9 сентября 2014 года Владимирский скит Калужской Тихоновой пустыни посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. На площади перед музеем он обратился с кратким словом к участникам церемонии открытия диорамы: «Мы с вами находимся в замечательном месте. Здесь развернулась одна из самых эпических страниц истории нашего Отечества. От того, что произошло здесь, во многом зависело будущее нашей страны, нашего народа и нашей Церкви. Посещая это место, все, кто будут сюда приезжать, будут вспоминать и героический подвиг нашего народа, защитившего Отечество, и замечательного русского художника Павла Рыженко, и создателей и благоукрашителей этого святого места. Дай Бог, чтобы все это работало на исцеление и преображение наших душ». ❏

